

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

№ 5 (35) 2020

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2020

Отчего, да почему, да по какому случаю

Год стремительно движется к финалу. Самое время подводить итоги. Подводить итоги я не люблю, это они меня все время подводят. Но ничего не поделаешь – надо. Говорят, этот год был худшим в наступившем веке. Так ли это? Пожалуй, позволю себе усомниться. Наверное, потому, что еще помню девяностые. Но мы и в самом деле столкнулись с чем-то доселе невиданным. Все как в фильмах-катастрофах, к которым мы всегда относились как к фантастике. И вот фантастика стала реальностью: пустые города, застывшие аэропорты, неизвестный вирус, сводки о количестве заболевших на экранах, переполненные больницы, страх, переходящий в ужас, локдаун, закрытые масками лица. Не хочется писать об этом, но таков этот год, и с этим ничего не поделаешь.

Однако жизнь продолжается. И это тоже факт. Этот странный вирус перевернул нашу жизнь с ног на голову, причем перевернул так, что ни головы ни ног не осталось. Он словно подвел черту под нашим прошлым. И мы, хотим мы того или нет, вступили в новую реальность. Она не всем по душе, потому что новая. Все новое пугает. Какой она будет, эта новая реальность? Поживем, как говорится, увидим. Не будем загадывать наперед и тешить себя иллюзиями. Ясно одно: придется перестраиваться, приспособливаться, становиться другими. И мы, творческая мастерская «МОССАЛИТ», уже начали это делать. Этот год лишил нас возможности встречаться, но заставил осваивать новые виды творчества. Так, вместо традиционного хэппенинга мы снимаем фильм. И это оказалось очень здорово! Очень скоро вы сможете смотреть все наши ролики на ютуб-канале. У нас появился новый сайт, замечательный и современный, до создания которого при других обстоятельствах у нас вряд ли бы дошли руки, так и откладывали бы до второго пришествия.

В нашем журнале появилась новая дружная команда кураторов, и уровень журнала сразу заметно вырос. Мы стали больше заниматься творчеством. Каждый из нас. А еще этот вирус заставил нас ценить простые и, казалось бы, незначительные вещи: встречи с друзьями, чашка кофе на веранде летнего кафе, запах моря; даже фотографии былых путешествий по разным странам и континентам, давно забытые и вдруг отыскавшиеся где-то в недрах компьютера, принесли нам столько нежданной радости, когда вместе с родными и друзьями мы пересматривали их за бокалом вина и приятной беседой. Наши путешествия стали виртуальными, и оттого реальные путешествия, хоть и прошлые, приобрели особую ценность. Мы вдруг осознали, какое огромное значение имеет в жизни семья. Особенно в тяжелые и трагические минуты.

Когда с нами происходят неожиданные и печальные события, мы невольно задаемся вопросом: за что нам это дано? Этот вопрос мучит нас заведомой несправедливостью ответа – ведь мы этого не заслужили. Отчего, да почему, да по какому случаю...

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

А нипочему. Потому что так устроена жизнь. И она неизменно летит вперед, с каждым годом ускоряя бег. Ну кто обещал нам, что всю жизнь все будет хорошо? Да никто и никогда. Мы проходим через испытания, как через этапы пути, ведущие нас к результату. Не будет испытаний, не будет результата. Все закономерно. Этот год научил нас жить днем сегодняшним. Загадывать на завтра стало бессмысленно. Но выживать – не значит жить. Ждать, что завтра все закончится и станет все как раньше, не имеет смысла. Как раньше уже не станет никогда. И пусть год 2020-й и в самом деле окажется самым плохим в наступившем столетии. Ведь мы его уже пережили, а до конца столетия еще целых 80 лет! За этот год мы повзрослели и помудрели, научились радоваться мелочам, наше зрение заметно обострилось – мы вдруг разглядели под носом то, на что раньше не обращали внимания, мы стали следить здоровьем – своим и своих близких. Человечество повзрослело всего лишь на год, но этот год вместил в себя не один десяток лет. Вот так перепрыгнули сразу огромный этап. Мы пока до конца не осознали, что с нами произошло, но уже многое поняли.

Так давайте не будем мучить себя вопросами, отчего, да почему, да по какому случаю и когда же это закончится. Давайте просто жить, ловить за хвост синюю птицу, она ведь никуда не улетела и по-прежнему где-то рядом. Давайте ценить мелочи, ведь из них складывается жизнь. Как гласит мудрость: хочешь изменить мир, измени себя. Давайте вместе изменим мир, сделаем его добрее, светлее и радостнее. Все зависит только от нас. Может, именно для этого и пришел этот вирус?

В наступающем году, дорогие наши читатели, творческий коллектив журнала «Московский BAZAR» желает вам прежде всего здоровья, а еще умения не просто приспосабливаться к новым условиям, а оседлать их, как хороший наездник ретивого коня на родео. Пусть в наступающем году у вас будет много приятных событий, неожиданных сюрпризов и придет счастье, отложенное годом 2020 до года 2021.

С Новым годом!

Ваша Светлана Сударикова

Карл Гауптман. Альпийские пейзажи

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

- **ДЕД МОРОЗ – ЭТО СУДЬБА**

Специально для «Московского BAZARa» монологи Деда Мороза записала Снегурочка – **Ольга Новосёлова**, актриса, сценарист, член Союза журналистов Москвы

7

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

АЛЕКСАНДР СИКОРСКИЙ (Москва)

- «СКАЗОЧНЫЙ СВЕТ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО, или ДВА РУКОПОЖАТИЯ». Часть 1. Специально для «Московского BAZARa»: интервью с Александром Сикорским, филологом, переводчиком, музыкантом

16

К 75-летию со дня смерти А. Н. Толстого

ВАДИМ СИКОРСКИЙ

ТАТЬЯНА СИКОРСКАЯ

- *ВОСПОМИНАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С АЛЕКСЕЕМ ТОЛСТЫМ*

33

ПРОЗА

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

- *ГАДЮКА*

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ТОМОЧКА*

ПЕТР ОБРАЗЦОВ (Москва)

- *ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС*
- *О ВКУСНОЙ И ЗДОРОВОЙ ПИЩЕ*

44

51

59

63

ПУБЛИЦИСТИКА

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Самарская область, с. Старая Балыкла)

- *КАК ЦАРЬ ПЕТР НОВЫЙ ГОД НАЗНАЧИЛ*

69

ПОЭЗИЯ

ВАДИМ СИКОРСКИЙ (Москва)

ВЛАДИМИР КВАШНИН (ХМАО – Югра)

СВЕТЛАНА СЕВРИКОВА (Москва)

ИЛЬЯ СЛАВИЦКИЙ (Санкт-Петербург)

73

76

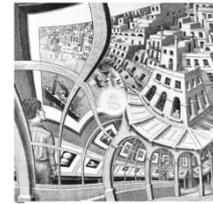
82

85

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ

- *ИСТОРИЯ «УЧИТЕЛЬСКОГО» ДОМА. Глава из книги «Внуково. "Московский писатель". В тени больших деревьев»*

89

ГОЛОС ПРОШЛОГО

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Самарская область, с. Старая Балыкла)

- *РОМАН БОЛЕСЛАВА ПРУСА «ФАРАОН». Как художественный вымысел стал лучшим историческим романом*

92

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ГАЛИНА ИЛЬИНА (Пенза). Стихи для детей

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королев). Стихи для детей

ИЛАНА ВАЙСМАН (Израиль). Рассказы

- *СВЕТ ДАЛЕКОЙ МАЛЕНЬКОЙ ЗВЕЗДЫ*

- *ВОЛШЕБНЫЙ РУКАВ*

ЛЮДМИЛА ЧЕБОТАРЕВА (ЛЮЧЕ) (Израиль, Ноф-ха-Галиль).

Стихи для детей

ЛЮБОВЬ ШУБНАЯ (Ставропольский край, с. Александровское).

Стихи для детей

95

99

101

103

105

112

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

АЛЕКСАНДР ПОЛИКАРПОВ (СТРЕЛЬЦОВ) (Москва)

- *КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК К ПЬЕСЕ «СУЛТАНША»*

- *СУЛТАНША. Пьеса*

114

115

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ИСТОРИЯ ИЗ ТОПОРА*

137

В оформлении журнала использованы репродукции картин М. Эшера, иллюстраций Д. Н. Кардовского, Д. Шмаринова, К. Ивановской, Ю. Сперанского; фотографии из семейных и авторских архивов А. Сикорского, О. Новосёловой, О. Грушевской

На обложке: Карл Гауптман. Альпийские пейзажи

Карл Гауптман (Karl Hauptmann, 1880–1947) родился во Фрайбурге в семье плотника. С раннего детства увлекался рисованием и после окончания средней школы изучал искусство живописи в Нюрнберге, а затем в Мюнхене. Писал строгие альпийские пейзажи.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

Руководитель проекта *Ольга Грушевская*

Главный редактор *Светлана Сударикова*

Редактор-корректор *Ирина Чижова*

Художественный редактор *Ольга Грушевская*

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова, Всеволод Круж

«Поэзия» – Евгений Агуф, Ольга Уваркина, Алексей Казарновский

«Культурное наследие» – Светлана Сударикова, Ольга Грушевская

«Частная территория» – Светлана Сударикова

«Публицистика», «Обзоры исторической прозы» – Петр Дубенко

«Городской альбом» – Елена Галустова

«VazArt» – Ольга Грушевская

«Записки на манжете» – Ольга Рыбакова, Ирина Чижова

«Детское чтение» – Зинаида Кокорина, Ольга Уваркина

www.moscowbazar.com

© МОССАЛИТ

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

«Московский BAZAR» продолжает знакомить читателей с творческими людьми, открывать новые имена.

ДЕД МОРОЗ – ЭТО СУДЬБА

Монологи сказочного Деда, записанные его внучкой Снегурочкой в перерыве между приемами детских делегаций в московской усадьбе Деда Мороза в Кузьминках

Это в сказках они родня, а в жизни – коллеги и партнеры с юности. Встретились в 1987 году, когда студент Московского института культуры Виктор Григорович принял юную Ольгу Новосёлову в только что им созданный первый в столице театр ростовых кукол «Балаган». Много лет спустя, в бесчисленный раз обернувшись Дедом Морозом и Снегурочкой, они вместе с москвичами и гостями столицы встречали миллениум на Красной площади. Тесное их сотрудничество продолжается и поныне. Виктор Владимирович – уже самый настоящий дедушка – по-прежнему волшебный Дед, а повзрослевшая Снегурка – Ольга Рудольфовна – теперь чаще выступает в роли сценариста. Так кому же, как не ей, «внучке» со стажем, беседовать с «дедом» о взгляде на профессию изнутри!

**Виктор Григорович и Ольга Новосёлова
в московской усадьбе Деда Мороза в Кузьминках**

Отец Виктора Григоровича, Владимир Владимирович, на детской елке

О начале дедморозного пути

– Для меня Дед Мороз – это не просто профессия, а можно сказать судьба. У многих знакомых и незнакомых друзей в телефонной книге или в контактах я записан «Дедом Морозом». Вот, например, вчера утром разбудил меня звонок с неизвестного номера. «Алло, это Дед Мороз? Из Пензы вам звоним, поговорите, пожалуйста, с непослушным мальчиком...» Поговорил, мальчик обещал хорошо себя вести. Дети мне доверяют, ведь я являюсь потомственным волшебником в третьем поколении.

Мой дедушка был владельцем небольшого кукольного театра марионеток. Он с семьей эмигрировал из Польши в Россию в начале прошлого века. Я его кукол хорошо помню, дед обучал меня маленького с ними работать. В зрелом уже возрасте он выступал в роли Деда Мороза.

Отец работал в Московской областной филармонии конферансье, под Новый год перевоплощаясь в сказочного Деда. От отца мне досталась моя первая профессиональная шуба.

В ней я много лет работал, в ней же был Дедом Морозом при встрече миллениума на Красной площади. Но еще в первом классе, насмотревшись на работу отца, я взял без разрешения в костюмерной шубу (чужую причем, не отцовскую) и решил поздравить одноклассников. Приладил огромную костюмную шапку на свою и подтянул на резинках бороду, а сердобольная первая учительница Татьяна Алексеевна подвязала слишком длинный подол веревочкой на поясе. В таком виде я и дебютировал в роли Деда Мороза, испачкав, кстати, чужую шубу, за что мне потом дома влетело.

В средней школе занимался боксом, учился в музыкальной школе по курсу классической гитары, играл в школьном ансамбле – родители старались максимально меня загрузить, чтоб отвлечь от улицы. Я же родом из Марьиной Рощи (до сих пор тут живу), у нас в начале 80-х прошлого века среди пацанов считалось правилом хорошего тона собраться гуртом и поехать в центр Москвы подраться.

После школы выучился на киномеханика и вскоре ушел в армию, служил в танковых войсках под Калинином (Тверью). Там пригодился семейный творческий багаж: начал поздравлять с наступающим Новым годом поваров и сослуживцев. Начальство это заметило, заценило, добыло подходящий костюм, прикрепило ко мне баяниста из военного оркестра и Снегурочку с подшефного текстильного комбината и стало засылать нашу троицу с поздравлениями по воинским частям и семьям офицеров.

Так уже в первый год службы я обрел авторитет и проверил на себе «волшебную силу искусства». Однажды сослуживцы скинулись на шампанское и велели нашей бригаде без него не возвращаться. 31 декабря 1984-го на весь город был один дежурный винный магазин, в который стояла длиннющая злая очередь. Одиннадцать вечера... Запеваю под баян песню на все времена: «Я сегодня весел тоже и с ребятами дружу, никого не заморожу, никого не застужу». Снегурочка начинает раздавать людям в очереди конфеты... Поем и потихоньку

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

приближаемся к входу... Пропустили! У прилавка дарим озверевшим продавщицам песню и пакет конфет, покупаем ящик шампанского, маскируем его в мешке для подарков и осторожно выходим к очереди – с песней «В лесу родилась елочка». Мешок предательски позвякивал, но ничего, донесли трофей до части...

О первом в Москве театре ростовых кукол «Балаган»

– После армии я понял, что призвание и семейные творческие наработки надо закрепить дипломом, и поступил в Московский институт культуры. Вступительный экзамен по специальности сдавал в костюме Деда Мороза, а это летом было, в мешке принес кульки с конфетами и вручил обалдевшей приемной комиссии. Приняли с первого раза.

На втором курсе, в 1987 году, организовал скомороший театр-студию «Балаган» из однокурсников, тогда у нас появились и первые новогодние программы с Дедом Морозом в окружении скоморохов.

Выступали на ярмарках, во дворах, в парках, нас заметили как интересный уличный театр. Конечно, ребята мои мечтали о больших творческих площадках, а я их подбадривал, мол,

1980-е годы. Дед Мороз – Виктор Григорович, Снегурочка – Ольга Новосёлова

В. Григорович в созданном им театре «Балаган»

В усадьбе «Кузьминки». Дед Мороз читает письма

Без подписи. И так все ясно

Дед Мороз и год Собаки

придет время, выступим и на Красной площади! Через два года к новогоднему представлению в Измайловском парке культуры были изготовлены первые в Москве ростовые куклы и нашу дружную команду пригласили отработать в них новогодние елки (я в этой сказке и Дедом Морозом выходил, и переодевался в куклу Мышиного короля). После Нового года куклы были списаны и достались нам, так мы стали первым в Москве (а возможно – и в России) театром ростовых кукол, нас начали активно приглашать на гастроли сначала по Московской области, потом и по стране. И когда 15 лет назад открывали в Кузьминках московскую резиденцию Деда Мороза, то на церемонию пригласили именно «Балаган». С тех пор я подружился с этой сказочной усадьбой и почти каждый год встречаю там детишек. Но приоткрою профессиональную тайну: нас тут несколько Дедов, поскольку физически одному не справиться, детские экскурсии идут сплошным потоком каждый день без выходных.

О создании сказочного образа

– Что главное в образе Деда Мороза? Думаю, профессиональная этика. И внутренний посыл. Много халтурщиков сейчас развелось, эдаких аниматоров в красных или синих халатах. Они считают, что можно натянуть костюм, белую бороду, запастись парой-тройкой стихотворных штампов – и готов образ! Нет, для меня эта роль сродни священнодействию. Когда выхожу к зрителям, всегда помню, что образ Деда Мороза исторически сложился из древнеславянского мифического бога зимы. Воплощения у него разные были в языческие времена – Карачун, Зимник или более известный благодаря телесказке Морозко.

Это строгий был волшебник, и только ближе к XX веку он обрел черты Святителя Николая, преобразился в Деда Мороза и стал добрым, приносящим подарки. Также из глубины веков идет традиция появления в предновогодние дни Старца Севера как символа обновления природы, жизненных ритмов, а не только календаря.

Раньше на Руси новый год приходился на Масленицу, однако именно в декабрьские студеные дни зимнего солнцестояния, после которого день начинает расти, предки наши

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

общались с духами зимы, старались их задобрить, на деревьях в лесу дары развешивали. Отсюда и пошла традиция украшения новогодних елочек. Поэтому считаю, что Дед Мороз должен вести себя важно и строго, не забывать, что он – повелитель зимы, а не аниматор для вручения подарков.

Конечно, для достоверности восприятия образа важно и место, где праздник организован. В московской резиденции в Кузьминках очень помогает сказочная атмосфера парка. Действо начинается на улице, среди елочек, потом дети идут на экскурсию в сказочные терема... Не буду подробно рассказывать, приходите, увидите сами, мы со Снегурочкой рады будем. Кстати, у Санты и прочих заграничных «Морозов» нет спутницы, а у нас через сказку Островского этот милый образ вошел в новогодние традиции.

О Снегурочках и новогодних чудесах

– Одну чудесную историю расскажу из начала нулевых, про это даже сюжет для НТВ снимали.

Однажды перед Новым годом пригласили нас –

Деда Мороза и Снегурочку – в богатый особняк в Барвихе. Девочка позвонила мне, позвала в гости, сказала, что живет с папой и попросила в подарок... маму! Сказала, все остальное у нее есть. Я удивился и как-то отговорился тогда, не придавал особого значения столь необычной просьбе. Собираемся на заказ, а Снегурочка заболела!

Опоздать невозможно, не приехать или приехать одному – тем более, заказчик крутой, сами понимаете... Притормозили на Тверской, где тогда дежурили эскортницы. Выбрали самую красивую девушку, объяснили ей, что надо подыграть Деду Морозу в costume Снегурочки, дескать, ситуация безвыходная, гонорар приличный. Девушка согласилась. Приехали, поздравили дочку с папой... А через два месяца наша Снегурочка с Тверской вышла замуж за хозяина особняка, и девочка обрела маму. Чем не новогодняя сказка про исполнение желаний? Голливуд отдыхает!

Да, Снегурочек со мной поработало много... Думаю, больше тридцати! Кого-то из них хорошо помню, с кем-то дружу по сей день. Одна из первых сейчас сама уже бабушка и пишет для «Балагана» сценарии в стихах. А иных и не припоминаю, просто стажерки-студентки... Бывало, в год несколько разных программ проводил, по разным сценариям, с разными артистками.

Сейчас у меня в паре юная Катя Бортник, внучка народного артиста Ивана Бортника, а привел ее в театр год назад ее папа – наш режиссер по свету Федор Иванович Бортник. Такое вот продолжение актерской династии.

О крутых заказчиках и VIP-клиентах

– Однажды, в конце девяностых, когда у меня еще не было мобильного, перед Новым годом приезжаю по приглашению в гостиницу «Националь» поздравить гуляющую элиту. И забыл в суете, что надо заходить со служебного входа, паркую свою старенькую четверку на

Виктор Григорович в ГУМе с Катей Бортник и театром ростовых кукол «Балаган»

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

VIP-стоянке среди крутых авто, вылезая в перепачканных трениках (в Москве – дождь со снегом), достаю большую старую сумку с костюмом и спешу через главный вход... На меня мгновенно кидаются одетые в костюмы с иголки охранники, чуть ли не скручивают...

«Спокойно! – отбиваюсь. – Я Дед Мороз!» Хорошо, что навстречу уже спешила пригласившая меня администратор, проводила в гримерку. Отработал я программу, возвращаясь, и у другого зала тормозит меня реальный такой, навеселе, с толстой золотой цепью на шее, товарищ, который в невиданную тогда мобильную трубу кому-то радостно орет, что встретил в коридоре нужного чувака. А мне – параллельно – что-то вроде: «Слышь, погоди, тут надо братву поздравить»... Даже если б я и спешил, попробуй-ка откажись! Иду в зал к братве, быстро передаю звукооператору кассету с фонограммой... Братва впала в детство, пела про елочку и танцевала... Выдохнул, иду из зала в коридор, догоняет сияющий обладатель якорной цепи на шее, достает пачку стольников, отмеряет половину, как в том старом анекдоте, спрашивает: «Стока хватит?» и сует мне в варежку. Не успеваю я ответить, как меня окружает делегация из представителей «иностранных» банкетных залов и наперебой начинает зазывать поздравить своих заморских гостей...

В общем, это был удачный вечер! Еще запомнился случай из начала нулевых. В разгар новогодней кампании после утренника подходит ко мне солидный дядька и приглашает поздравить сегодня его друзей. Мол, доставим туда и обратно в лучшем виде. Куда, спрашиваю, а то у меня еще ночной заказ. Да на Урал, отвечает, успеете! Захотели, говорит, московского Деда Мороза... Соглашаюсь.

Доставляют меня в аэропорт Быково к частному терминалу, сажают в самолет, три часа летим. У трапа такие же серьезные крепыши пересаживают в черный мерседес и везут в лес... Тут я как-то подзабыл, что сам типа волшебник и в прошлом боксер, напрягся слегка. Привозят в... баню. Переодеваюсь, выхожу работать, выясняется, что отдыхают и Новый год празднуют четверо взрослых – двое солидных мужчин, с ними две дамы. Веселились они от души! Потом их друзья, вручив хороший гонорар, тем же самолетом быстренько доставили меня обратно в Москву, и я успел на ночной заказ.

В гостях у Зураба Церетелли

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Несколько лет назад в одном подмосковном особняке мы с театром «Балаган» устраивали праздник для группы детишек. Я на улице по периметру дома в каждом занавешенном окне поставил ростовую куклу – кота Леопольда, Буратино, Лису и прочих. Такая идея пришла спонтанно: Дед Мороз открывает занавеску, а там – персонаж из мультика. И потом эти куклы ожили и пошли вручать многочисленные подарки ребятишкам. Тут невидимый поначалу хозяин дома заинтересовался, спустился из своего кабинета к детям, а после программы стал зазывать меня на бокальчик шампанского. Очень огорчился, когда я отказался, сославшись на еще один предстоящий заказ, – так проникся общим весельем.

Словом, все взрослые, в том числе и VIPы, хотят праздника, хотят иногда вернуться в детство. Но все же статусные родители чаще приглашают меня для детей, а сами редко принимают участие, предоставляя делать это няням или управляющим.

Летний Дед Мороз

О зимнем отдыхе и летних заботах

– Летом я продолжаю дедморозить да новые программы придумывать. Хобби и лучший для меня отдых – рыбалка. Зимой люблю рыбачить на льду Рузы, а летом отправляюсь либо на Баренцево море, либо на Белое, а иногда и в Астраханскую область на базу отдыха для

Летний Дед Мороз

**Закулисье. Дед Мороз – Виктор Григорович,
Снегурочка – Ольга Новосёлова**

рыбаков и беру с собой костюм Деда Мороза. Именно здесь придумал программу «Дед Мороз и лето», провожу ее совершенно бесплатно для детишек, отдыхающих с родителями-рыбаками. Жарко, конечно, в шубе, но детский восторг воодушевляет. Меня ждут, однажды к моему приезду специальный конкурс рисунка провели и привозили автобусы с детишками из соседних поселков. Также в конце лета начинаю с театром готовить очередную новогоднюю программу.

О миллениуме

– Это был самый запоминающийся новогодний экстрим! Нас пригласили поздравить народ сразу после боя курантов в ночной новогодней программе, что шла на сцене у Исторического музея. Как всегда, ехали с заказа, опаздывали. Выбегаем из метро, прикидываем маршрут и цепенеет... Вся площадь плотно забита зрителями, не протиснуться, а до наступления миллениума семь минут осталось... Фэсэошникам предъявили посох, чемодан с реквизитом, они по рации с кем-то связались и без всяких документов пропустили через ограждения. И вот бежим мы по скользкому граниту Мавзолея, мимо кремлевской стены с табличками, а справа бушует огромная масса народа с петардами и шампанским! Уже речь президента звучит, а мы только влетаем за сцену, одеваемся, наспех поправляем грим... Уф-ф! Успели! Куранты пробил полночь, и мы вышли поздравлять ликующих гостей Красной площади с наступлением нового тысячелетия!

О продолжении династии

– Сын в Деды Морозы никогда не стремился, хотя с малых лет бывал в «Балагане», на гастроли иногда с нами в детстве ездил. Однако творческая жилка у него по-своему проявилась – руководит рекламным агентством, разрабатывает и конструирует компьютерные игры, продвигает мобильные приложения. Может, из внучки со временем вырастет Снегурочка...

О новогодних пожеланиях, личных и детских

– Себе я всегда только одно загадываю: побольше работы, на разных площадках – больших и маленьких. В нашем деле новогодняя компания весь год кормит, чего уж скрывать? С Красной площадью у нас давняя дружба – вот уже шесть творческих сезонов отработали на ГУМ-ярмарке, программы шли по выходным, в каникулы с декабря по февраль, включая и новогодние ночи. Каждый год мой Дед Мороз дарит москвичам авторскую программу с куклами-масками для детей и взрослых. Сценарии пишем всегда заново, выдержанные в духе традиционных ярмарочных гуляний, эдакий городской фольклор на современный лад. В этом

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

году, к великому сожалению, ярмарки отменили из-за коронавируса. Бывают глобальные мировые проблемы, с которыми даже Дед Мороз не в силах справиться, увы...

Просьбы детей о подарках изменились под влиянием общества потребления. Все чаще ребятишки заказывают Деду Морозу крутые девайсы последних моделей. Недавно дорогую квартиру на Арбате мальчик попросил, чтобы сдавать. Тут по ситуации я

Ольга Новосёлова

стараюсь изменить детское отношение к пожеланиям – настроить на мысль, что в жизни важнее доброта и здоровье, счастье близких людей, а не материальные ценности.

Зато в создании и подготовке программ технический прогресс, несомненно, помогает. Это касается работы в студии звукозаписи, сбора материала для сценария, технического оформления и украшения площадки. В этом году, в условиях карантинных ограничений, разработали интерактивную онлайн-елку с куклами-масками и визуальными эффектами, чтобы Дед Мороз с командой работал с детьми дистанционно из студии. Но разве можно заменить монитором живое общение артиста со зрителями! Хочется верить, что следующий Новый год будем встречать, как и прежде, в тесном сказочном кругу. Именно этого и хочу пожелать вашим читателям!

Специально для «Московского BAZARa» монологи Деда Мороза записала Снегурочка – Ольга Новосёлова, актриса, сценарист, член Союза журналистов Москвы.

Подробнее о Снегурочке

Новосёлова Ольга Рудольфовна родилась и выросла в Москве. В школе режиссировала капустники и сочиняла для них сценарии.

В 1987 году, увидев объявление о наборе, пришла в театр «Балаган». Как обладательница пышной косы, сразу получила роль Маруси в постановке «Про Федота-стрельца, удалого молодца».

Через два года поступила в Институт культуры, где тогда учился почти весь состав «Балагана». После получения диплома продолжала играть в «Балагане».

В нулевые стала художественным руководителем Таганского парка, начала публиковаться в журнале «Праздник».

Роль Снегурочки постепенно перешла к дочери Маше.

После Таганского парка работала в методическом центре Управления культуры ЦАО, а потом – в Доме культуры «Гайдаровец». Писала статьи и сборники на культурно-просветительские темы.

В 2017 году стала членом Союза журналистов Москвы.

Бессменный, с основания, участник театра ростовых кукол «Балаган» (руководитель В. В. Григорович) – артистка, сценарист, завлит.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 120-летию со дня рождения поэта и переводчика Т. С. Сикорской

Александр Сикорский
(Москва)

Специально для МВ

СКАЗОЧНЫЙ СВЕТ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО, или ДВА РУКОПОЖАТИЯ...

Интервью с Александром Сикорским, филологом, переводчиком, музыкантом

В гостях у журнала «Московский BAZAR» человек множества талантов – Александр Вадимович Сикорский, филолог и переводчик; в прошлом лидер и солист группы «Крестоносцы», позднее – группы «Атланты», а с 1986 года – руководитель группы «Старая гвардия». Александра Сикорского по праву можно считать легендой русского рока.

Было бы закономерно сразу обратиться к музыкальной теме, но что-то подсказывает, что многогранный талант и увлечение музыкой Александра Сикорского неслучайны, что этому предшествовала интересная семейная история.

Думаю, мы разделим нашу беседу на две части: Прошлое и Современность – и в текущем номере поговорим именно о корнях, о музыкальной теме в рамках одной семьи: о Татьяне Сикорской и Самуиле Болотине, о Марине Цветаевой и Алексее Толстом.

Беседу ведет писатель Ольга Грушевская

ЧАСТЬ 1

**Окунувшись в прошлое, я ощутил его дыхание,
и оно уже не показалось мне таким далеким...**

*Я могилу милой искал,
Сердце мне томила тоска,
Сердцу без любви нелегко,
Где ты? Отзовись, Сулико!*

*Сердцу без любви нелегко,
Где ты? Отзовись, Сулико!*

Татьяна Сикорская (урожд. Шишкова) и Самуил Болотин

Ольга Грушевская (ОГ): Это стихотворение написал Акакий Церетели, а вот на русский это стихотворение и многие другие зарубежные стихи, которые позже стали известными песнями, переложила Татьяна Сикорская – ваша, как мы знаем, Александр, бабушка. Именно о ней хочется узнать больше – в 2021 году исполнится 120 лет со дня рождения Татьяны Сергеевны, – а также о ее втором муже и соавторе, поэте, переводчике Самуиле Болотине.

Александр Вадимович Сикорский (АВС): Татьяна Сергеевна Шишкова родилась в 1901 году (18 ноября) в Сюгинском заводе – так назывался поселок, в котором жили владельцы, управляющие, сотрудники и рабочие стекольного завода (ныне ОАО «Свет», расположенный в городе Можга в Удмуртии). А тогда это была территория обширной Вятской губернии. Оттуда недалеко до Елабуги, уже в Татарстане. Елабуга непременно всплывает в разговоре о бабушке, поэтому я ее упомянул.

Татьяна Шишкова

Семья Шишковых (слева направо): Алексей и Татьяна с родителями, Евгенией Георгиевной и Сергеем Александровичем

Дом в Сюгинском

Прадед и прабабка Шишковы

Еще в отрочестве я знал, что при рождении бабушке подарили деревню, названную Танино (видимо, село), как было принято в дворянских семьях. Она ведь была княжна. О чем шла речь, было неясно, но звучало как-то загадочно и солидно. Помню еще, что она обожала ездить верхом. Мы с братом как-то раз – было мне, кажется, лет семнадцать, не помню точно – приехали на дачу верхом. (Чем, кстати, сильно напугали соседа, Цезаря Солодаря, по требованию которого правление поселка запретило езду верхом. Забавно: Цезарь испугался верховых.) Так бабушка, будучи в возрасте, да еще и в платье, залезла в седло и проехала. Зрелище еще то! Как сейчас говорят, уважуха!

В революцию ее отца расстреляли, мать и братья умерли от тифа... В семидесятых она съездила в ту деревню...

Во время февральской еще революции шестнадцатилетнюю Таню Шишкову отхлестал казак нагайкой, и с тех пор рука у нее в непроизвольной судороге взлетала время от времени вверх, как бы защищая голову от ударов, а глаз зажмуривался. Это было особенно заметно, когда она гуляла по Тверскому – какой-то дирижерский взмах рукой. Воля у нее была железная, но избавиться от этого она так и не сумела.

Бабушка умерла в 1984-м... Далеко это все.

Казанский Родионовский институт благородных девиц, который окончила Татьяна Сикорская. 25 мая 1915 г.

Юная бабушка в Сюгинском

Сикорские: Татьяна (в центре), ее муж, Виталий Сикорский (справа), сын Вадим

Виталий Каспарович Сикорский, первый муж Татьяны Сергеевны

Вадим Сикорский, папа

А совсем недавно, каких-то пару лет тому, я вдруг окунулся в ее (и не только) прошлое, и оно уже не показалось таким далеким. Как говорится, два рукопожатия...

ОГ: Сегодня многие имена преданы забвению и порой, используя тот или иной образ или напевая ту или иную мелодию, знакомую с детства, мы ничего не знаем об их создателях.

Песни Сикорской и Болотина были ведь очень популярны! Песня Сикорской «Враг не пройдет» стала гимном испанского Народного фронта; знаменитая песня Сикорской и Болотина «Бомбардировщики» была знакома в исполнении дуэта Леонида Утесова и его дочери Эдит. А оригинал исполнялся Фрэнком Синатрой. Перу Сикорской и Болотина принадлежат переводы, которые легли в основу знаковых послевоенных песен. Например, кто бы мог подумать, что Краснознаменный ансамбль песни и пляски Красной армии под управлением Александрова с солистом Олегом Разумовским в 1945 году будут исполнять американскую солдатскую песню «Кабачок», перевод которой был сделан Сикорской и Болотиным («Зашел я в чудный кабачок»).

Клавдия Шульженко пела «Голубку» (которая многим известна в исполнении Элвиса Пресли), а Леонид Утесов – «Кейзи Джонс». Кстати, в 2002 году «Голубку» записала и Алла Пугачева, а «Бомбардировщиков» исполнял Чиж. Расскажите о «Голубке», ведь это кубинская песня, а композитор – Себастьян Ирадье?

АВС: Мне больше нравились «Скамеечку ближе ставь, дорогая, / Сядем со мною рядом...»; «В старом саду» (То ли луковичка, то ли репка, / То ль забыла, то ли любит крепко...) и некоторые другие,

Татьяна Сергеевна Сикорская

Самуил Борисович Болотин

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

исполняемые для гостей дома и иногда со сцены.

«Голубка» же очень удобная песня – она стала всемирно известной, когда ее исполнил Элвис Пресли, но при этом кубинская, а Куба – друг СССР. Нельзя не напечатать. Да она просто очень красивая, ее хочется петь. И текст чудесный. Вот она и появилась у нас.

Я думаю, а не записать ли мне с дочкой Кристиной хорошие (в современном понимании) бабкины переводные песни, а то «Скамеечку», например, исполняют профессиональные сопрано под рояль, и она не цепляет.

Татьяна Сикорская и Сэм (Самуил Борисович) Болотин владели свободно английским, французским и немецким языками, дед еще знал узбекский. Кроме этого, они были просто хорошо и разносторонне образованными людьми. Помимо Союза писателей они были членами Союза композиторов (и жили в доме, в котором он располагался) и Союза кинематографистов. Дед – автор «Моей лилипуточки». А вместе они перевели почти всего Ива Монтана, Эрнста Буша, Пита Сигера. Певцы Эрнст Буш и Пит Сигер бывали у них дома.

О Болотине и Сикорской

Самуил Борисович Болотин и Татьяна Сергеевна Сикорская тоже были «пайщиками» нашего дачного поселка, жили в доме номер три по Малой аллее. Они были мастерами песенных переводов, это благодаря им зазвучали по-русски такие любимые и популярные «Мы летим, ковыляя во мгле...», «Путь далекий до Типперери...», «Зашел я в чудный кабачок», «Голубка», всех не перечислишь. Пожилые супруги, внешне довольно невзрачные, в каких-то всегда затрапезных куртках, шароварах, подвернутых резиновых сапогах. Когда однажды по просьбе кого-то из друзей-соседей они согласились дать концерт для нас, дачников, и мы собрались на их недостроенной даче, и они встали рядышком, он с гитарой, высокий, сутулый, она – маленькая, худая и морщинистая, я вначале подумала, что они очень похожи на кота Базилио и лису Алису из «Золотого ключика». Но когда они запели – просто, ничуть не рисуясь, слабыми, но какими-то очень слаженными голосами, они вдруг перестали казаться смешными и невзрачными, и я тогда впервые, пожалуй, осознала относительность понятия «красивый-некрасивый». Сын Татьяны Сергеевны, поэт Вадим Сикорский, был красавец «весь из себя», породистый, с наглыми стальными глазами, но мне его самодовольная красота претила, а его старики, когда пели, вдруг стали красивыми.

*Анна Масс. «Писательские дачи.
Рисунки по памяти»*

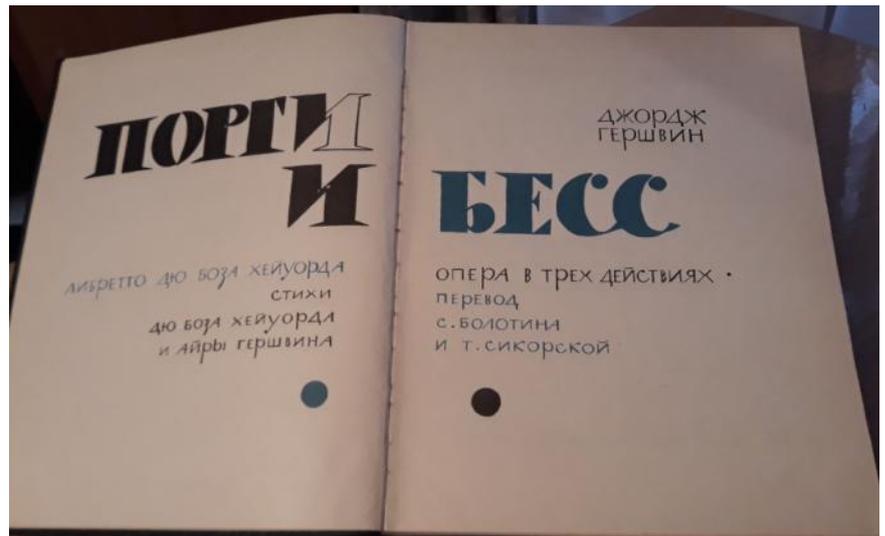
ОГ: Потрясающе! И при этом, насколько известно, Татьяна Сергеевна и Самуил Борисович не только делали прекрасные переводы, но очень удачно адаптировали эти стихи к музыке оригинала, при этом такое талантливое сочетание давало «новому» произведению полное право на самостоятельное существование.

Самуил Болотин, Вадим и Татьяна Сикорские

Афиша «Моя Лилипуточка»

Разворот издания оперы Дж. Гершвина «Порги и Бесс», перевод С. Болотина и Т. Сикорской

АВС: Они прекрасно исполняли свои переводы дуэтом, на гитаре играл Болотин. Бывали случаи, когда переведенные ими песни, точнее, фантазии на тему песен, переводились уже с русского языка на язык оригинала в новом варианте Болотина и Сикорской. Бабушка перевела и «Сент-Луис блюз» – Алексей Козлов¹ был очень удивлен, когда я ему об этом сказал, так как этот текст использовали джазмены.

Они авторы блестящих либретто для оперетт, например, «Фиалка Монмартра» Имре Кальмана...

ОГ: Которую даже экранизировали – фильм «Под крышами Монмартра», где играли Евгения Симонова, Игорь Старыгин, Владимир Басов и Александр Кайдановский!

АВС: Совершенно верно. А еще комической оперы Долидзе «Кето и Коте» и знаменитой оперы Гершвина «Порги и Бесс». Все эти музыкальные постановки шли во многих театрах страны. Бабушка перевела бестселлер Дика Френсиса «Фаворит». Она автор песни «Миленький ты мой, возьми меня с собой» – про край далекий. Авторство бабушка не оформила по понятным причинам. Они с дедом были членами партии, а она еще и собирала членские взносы в Союзе писателей. А в краю далеком досиживала срок за умершего в лагере мужа бабушкина подруга детства, с которой они вместе учились в пансионе благородных девиц, – Мария Сергеевна Куроедова, по мужу Малецкая. Муж Марии Сергеевны был тоже поляк, как и первый муж бабушки, Виталий Каспарович Сикорский, ксендз-расстрига, соблазненный идеями революции. А сын Марии Сергеевны, дядя Вова (впоследствии, кажется, замминистра нефтяной промышленности, если я ничего не путаю), жил у бабушки с дедом как сводный брат моего отца.

Теперь, когда я прочитал воспоминания бабушки, мне стало ясно, откуда появилась эта полная отчаяния песня «Миленький ты мой, возьми меня с собой, там, в краю далеком, стану тебе женой...». Коснусь этого очень коротко, хотя и это добавит много к пониманию того, что она пережила. Виталия Каспарыча, которого она называла Витькой (хотя он был значительно

¹ Алексей Семенович Козлов (род. 13 октября 1935, Москва) – советский и российский саксофонист (альт-саксофон, сопрано-саксофон) и джазмен, композитор, актер, публицист, писатель. Участник и лауреат многочисленных отечественных и зарубежных фестивалей джаза. Автор музыки ко многим театральным постановкам, кино- и видеофильмам.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

старше ее) и любила до самозабвения буквально, посадили, но (что редко случалось) вскоре выпустили (это была ошибка, говорила она, точно так же, как ее подруга Мария Сергеевна в спорах со мной, наглым и беспардонным типом, как она меня, восемнадцатилетнего нахала, величала, когда я клеймил Сталина и Ленина, называла всего лишь «ошибкой» и свое сидение, – святая женщина). И Витька уехал в край далекий, сказав, что даст знать, как обустроится. Через некоторое время написал и дал адрес для писем. Она же, недолго думая, собрала пожитки, сына Димку (подозреваю, она хотела, чтобы он звался Митька – Витька и Митька, – но отец сделал другой выбор) и отправилась поездом, перекладными, паромом и пешком к нему – сделать сюрприз. Но (как говорил своей жене Жванецкий: «Не входи бесшумно, не возникай за спиной») сюрприз оказался иного рода – там уже была другая, ее соседка по коммуналке. И были надрывные беседы, она с сыном (моим отцом) даже сняла там, в поселке, комнату, и она хотела все простить, но он ей объяснил, что для ее же будущего лучше, если они расстанутся. Добавлю от себя, что простить ей пришлось бы и его неизлечимое к тому времени пристрастие к алкоголю, и страсть все раздавать. На последние копейки, уж не знаю как, вернулась она в Москву и долго еще мучилась. Кстати сказать, отец боялся, что я унаследую это пристрастие деда (алкоголизм, говорил он, передается через поколение), но унаследовал его, к великому сожалению семьи, мой старший брат, и бабушке на старости лет, одинокой (дед умер в 1970 году), пришлось терпеть еще и это.

ОГ: Александр, здесь хочется коснуться еще одной темы. Но лишь коснуться, так как это отдельная и непростая история, большая. Насколько я знаю, в годы Великой Отечественной войны Татьяна Сикорская эвакуировалась в Елабугу вместе с Мариной Цветаевой.

АВС: Вот и всплыла Елабуга. Да, они дружили в эвакуации в тот трагический период жизни, бабушка помогала Цветаевой – у бабушки в дневниках есть об этом записи, а мой отец, Вадим Сикорский, дружил с Муром, сыном Марины, и у отца есть об этом воспоминания.

На самом деле всем настоятельно рекомендую прочитать потрясающую книгу Марии Белкиной «Скрещение судеб», где она очень тактично пишет о Цветаевой и ее окружении и дает выдержки из воспоминаний Татьяны Сикорской...

ОГ: «Мы эвакуировались в Елабугу из Москвы на пароходе в начале августа. В течение 10 дней пути мы очень сблизились с Мариной Ивановной, читали друг другу стихи, грустили о Москве...» – это как раз из большого и пронзительного письма Татьяны Сергеевны Але Эфрон², дочери Цветаевой, которые приводятся в разных источниках, в частности в книге Марии Иосифовны Белкиной. Книга и правда удивительная, поддержку вас в этом и тоже всем рекомендую к прочтению

Талантливые, искрометные люди обычно всегда окружены людьми. В вашем доме, наверное, всегда были гости

Обложка книги Марии Белкиной
«Скрещение судеб»

² Письмо Т. С. Сикорской к дочери Цветаевой Але (Ариадне Сергеевне Эфрон), написано в 1948 году и отправлено в Рязань, где Але после отбытия срока в лагерях было разрешено жить.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

АВС: Да, бабушка и дед были гостеприимные, хлебосольные и очень добрые люди. Часто у них дома собирались родные, гости, в том числе режиссер Александр Птушко, поставивший фильм «Новый Гулливер» по сценарию Самуила Болотина и с его песнями. Автором музыки был превосходный композитор Лев Шварц, о котором Чаплин сказал, что хотел бы иметь такого композитора для своих фильмов. Шварц тоже был частым гостем.

Дед еще дописывал за Пушкина реплики, которые тот не смог, по понятным причинам, написать для фильмов «Руслан и Людмила» и «Сказка о царе Салтане», и помогал со сценарием.

ОГ: Конечно, не могу не задать вопрос об Алексее Толстом. Он был вашим родственником или близким другом семьи?

*Сергей Александрович Шишков,
отец Татьяны, прадед*

АВС: Алексей Толстой называл бабушку кузиной, так как в молодости, окончив 2-й курс Технологического института Санкт-Петербурга, приехал, после свадьбы, с молодой женой, на практику поработать на стекольном заводе у своего родственника, моего прадеда, Сергея Александровича Шишкова, управляющего и совладельца этого завода, в тогда еще Сягинский завод, а теперь город Можга (тогда Вятской губернии, а теперь в Удмуртии) километрах в восьмидесяти от Елабуги. Там он на ручках носил мою годовалую бабулю.

А завод работает и сейчас и входит в пятерку лучших в России (управляется из Москвы). Директор завода, удивительный человек, раскопал массу интересных фактов и подробностей и издал книгу о заводе. Там, кстати, есть и глава о Толстом, а также родословная моего прадеда.

ОГ: А теперь еще ближе – кто же был прототипом «Гадюки» Алексея Тостого?

АВС: Я странным образом оказался в роли арбитра в вопросе о том, кто был прототипом героини повести А. Толстого «Гадюка». К слову сказать, о книге Белкиной «Скрещение судеб» я узнал из статьи замечательной Софьи Багдасаровой (Шакко) «Прототип “Гадюки” А. Н. Толстого», в которой она пишет о Сикорской и Болотине. До этого со мной связалась Алла Тютинина, историк, социолог и краевед из Можги, того самого места, в котором родилась Татьяна Сергеевна Шишкова. Она передала мне приглашение Владимира Николаевича Кускова, директора завода «Свет» посетить с супругой их город для участия в открытии памятной стелы с именами погибших в годы революции и войн рабочих и сотрудников завода, включая его управляющего, позже владельца Сергея Александровича Шишкова, моего прадеда.

Надо сказать, что я впервые услышал об этом городе и об этом заводе. Бабушка говорила, что у ее отца был завод, что Московско-Вятская железная дорога была нашей, и я шутил, пользуясь часто этой дорогой, что могли бы хоть скидку сделать, хотя теперь я понимаю, что такое вряд ли было по карману одному человеку. Так вот, я поехал и познакомился и с Владимиром Николаевичем, и с Аллой и, не переставая удивляться, а в душе и восхищаться

Это я, Александр Сикорский

Вадим Сикорский (папа) в юности

этим людьми, и не только ими, посмотрел на дом, в котором увидела свет бабушка и который стал Домом (и, добавлю, подлинным центром) культуры этого города. Но, видимо, это тема другого рассказа, так же как и поездка в Елабугу, организованная директором. Так вот, именно Алла Тютинина, человек с серьезным университетским образованием, увлеченная своим делом и обладающая широким кругозором, начала знакомить меня с материалами и публикациями о моих родственниках по литературно-музыкальной линии, и, разумеется, без «Гадюки» не обошлось.

Она продолжает это делать до сих пор и, несмотря на то что перенесла Covid в тяжелой форме (сын ее, кстати, врач, работает в Москве), прислала мне ссылки на новые публикации, в одной из которых я прочел, что Татьяна Сикорская никак (!) не могла быть прототипом, ведь Толстой был родственником (подумать только!) ее мужа (какого же?) и так далее. Я решил опубликовать часть ее воспоминаний, имеющую отношение непосредственно к этому, являющуюся одновременно частью воспоминаний моего отца о своем общении с семейством Толстых. Тем более что мне не под силу написать это таким настоящим языком и стилем подлинного художника слова, каковыми были мои отец и бабушка.

Вадим Витальевич Сикорский (1922–2012) – прозаик, поэт, переводчик.

В 1948 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького; тогда же начал печататься. В юности оказался в эвакуации в Елабуге, где познакомился с Цветаевыми, о чем позже напишет в своих воспоминаниях.

Некоторое время заведовал отделом поэзии в журнале «Новый мир».

Юрий Поляков так о нем пишет: «Педагогом Вадим Витальевич был блестящим: одним изумленным взглядом, одним ироническим цитированием мог навсегда вылечить начинающего от пристрастия к рифмам типа "была – ушла"».

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

ОГ: Александр, хочу выразить вам искреннюю благодарность за то, что вы предоставили для публикации в нашем журнале воспоминания вашего отца, Вадима Сикорского, а в рамках его воспоминаний – отрывки из рукописей Татьяны Сергевны Сикорской об Алексее Толстом. Это бесценный материал, и мы публикуем его сразу после нашего интервью.

Здесь позволю себе сделать пояснение для наших читателей о вашем отце: Вадим Сикорский был сыном Татьяны Сикорской от первого брака с Виталием Каспаровичем Сикорским. Думаю, вы скажете о нем несколько слов в ходе нашей беседы.

А теперь вернемся к историям вашей семьи.

АВС: Отец рассказывал, что привез меня в квартиру бабушки и дедушки под Новый год в мешке в качестве подарка. Там уже жил один такой «подарочек» – мой единокровный брат Леша, на четыре года меня старше. Леша

Татьяна Сикорская, ее сын Вадим (в центре) и Самуил Болотин

Александр Сикорский (второй справа) в саночках (Москва, Ботанический переулок)

был сыном отца и Аллы Беяковой³, впоследствии писательницы и художницы и жены Федора Колунцева⁴ (литературный псевдоним дяди Тодика Бархударяна, милейшего и добрейшего обладателя роговых очков, трубки и прокуренного баса, которые добавляли необыкновенный аромат его рассказам, коими он нас потчевал, когда мы с братом приезжали в гости).

³ Алла Михайловна Беякова, дочь известного летчика. Опубликована ее переписка с дочерью Марины Цветаевой («Туруханские письма. Ариадна Эфрон – Алла Беякова», М., 2009). Сам Вадим Сикорский оставил воспоминания о Елабуге, где он короткий период был другом сына Цветаевой.

⁴ Федор Ависович Колунцев (Тадеос Ависович Бархударян) (1923–1988) – русский советский писатель, редактор, педагог. Член Союза писателей СССР. Похоронен на Армянском кладбище в Москве рядом со своим любимым писателем Андреем Платоновым.

**Сергей Васильевич Киреев,
дед (отец мамы)**

**Слева Мама-Мила (мать
мамы, Эмилия Ивановна)**

**Мама с отцом (дедушка),
Сергеем Киреевым**

Так я познакомился с квартирой 63 в Доме композиторов в Брюсовском переулке, переименованном позже в улицу Неждановой, а затем в Брюсов переулок. Мой сводный брат, Алеша, жил там у бабушки с дедушкой, потому что так проще было его разведенным родителям: своей квартиры у них не было, а здесь – хоромы и домработница. В общем, переложили бремя, мягко выражаясь, на плечи стариков, а сами навещали ребенка. Отец появлялся часто, почти каждый вечер. Баба Тая (домашнее имя Татьяны Сикорской), дедушка (Самуил Борисович Болотин, второй муж бабушки и отчим отца), домработница Маруся, интереснейший персонаж, и пес Вальтер шотландской породы – вот все обитатели этой квартиры.

Квартира была просторная, а по тем временам просто роскошная: четыре комнаты, кухня с мусоропроводом, большая ванная, большая прихожая и длинный коридор. Располагалась она на втором этаже, окнами в указанный переулок, за исключением Алешиной комнаты, окна которой смотрели во двор, на нынешний джазовый клуб «Союз композиторов». Лифтерша в просторном холле у лифта, с широким столом. Войдя в большой подъезд, нужно еще пройти метров пять вперед и подняться на три ступеньки, и там она сидела – приветливая и внимательная. Красота! Не то что позже у нас на Красноармейской, у станции метро «Аэропорт», где Петя Мамонов ютился за железной дверцей у лифта на двух с половиной квадратах. А сначала и дверцы не было – кушетка только. Хотя потом и наши дома на Красноармейской, так называемые «писательские», стали считаться хорошими.

На Красноармейскую улицу в писательский кооператив недалеко от метро «Аэропорт» отец перебрался из крохотной комнатки в коммуналке в районе метро «Проспект Мира». Комнатка была такая маленькая, что ему приходилось перед сном открывать дверь и приставлять к кровати табуретку в коридоре, чтобы класть на нее ноги. К тому же оказалось, что раньше это была так называемая «холодная» комната, с отверстием на улицу, использовавшаяся зимой вместо холодильника или погреба. Поэтому маленький я там жить не мог, хотя некоторое время я там спал в детской кроватке, как все понимают, до первых холодов.

Сцена из оперетты «Гейша», исполнители, Эмилия Киреева в труппе (вверху справа)

Две мамы – Мама-Мила (бабушка) и мама Света

ОГ: К бабушке Татьяне Сергеевне вы приезжали в гости, а где жили?

АВС: А жил я с другой бабушкой на Малой Дорогомиловской улице, между Большой Дорогомиловской и Кутузовским проспектом, выходившей на Набережную Шевченко немного правее метро. Мою вторую бабушку я называл мама Мила (Эмилия Ивановна Поправко), она была матерью моей мамы Светы (Светлана Сергеевна Киреева, актриса и певица).

Мама-Мила отца моего не любила и не находила нужным скрывать это. Ей нравилось имя Алексей, но мой старший брат уже имел это имя (еще один повод для неприязни), и она стала называть меня Аликом, тем более что ей нравилась рифма «Мама-Мила Алика любила». Имя Саша ей не нравилось, а Шура и того меньше. Так я стал Алик Киреев.

Много позже я обнаружил где-то детскую простыню с этим вышитым именем, и Мама-Мила рассказала, что отец меня усыновил, только когда мне исполнилось семь лет и нужно было идти в школу: «С первой женой обжегся, а ты виноват», – объяснила она.

Эмилия Ивановна Поправко – Мама-Мила – была моей бабушкой по материнской линии. Сменила имя с Мелания – терпеть его не могла. Прабабка, Варвара Петровна, работала шеф-поваром, а попросту поварихой, в доме князей (большой дом, второй от набережной напротив храма Христа Спасителя) и имела там трехкомнатную секцию. Там и родилась Эмилия (Мелания).

Мама-Мила работала в Театре музыкальной буффонады, не расставалась с гитарой, имела друзей и в Большом театре, которых привозила в хутор Паперня – рай земной в Сумской области Украины, недалеко от города Ямполья. Я помню прекрасно волшебного дядю Володю Шишкина, удивительного артиста театра Оперетты, как он, совершенно не боясь, страшно восхищаясь, кормил с рук лосей, приходивших из леса, окружавшего хуторок. Каждый год на месяц туда приезжал на «Победе» дядя Боря – артист, сыгравший пожилого водителя, которого Куравлев пытался женить в уморительной сцене из фильма «Живет такой парень». Приезжал кто-то из Большого, художник Сергей Александрович Миронов...

Мама-Мила давала уроки игры на гитаре местным барышням (очень красивым и умным девушкам). У меня до сих пор хранятся ее песенники, русские и украинские. А как там пели на свадьбах за длинными столами, ломившимися от копченых гусей, уток, и окороков всяких, и рыбы, там ведь у всех слух, и украинские песни! Эх...

Из беседы с Александром Сикорским

Мама, Светлана Сергеевна Киреева, актриса, певица, была первой в СССР выпускницей с золотой медалью. Ее фотографии печатались в журналах и газетах. На первой странице «Огонька», посвященного Параду Победы в Москве, была фотография праздничной колонны москвичей на Красной площади с возглавлявшей ее огромной звездой, в центре которой находилась мама в ярком наряде. Ей приходили мешки писем и предложений руки и сердца.

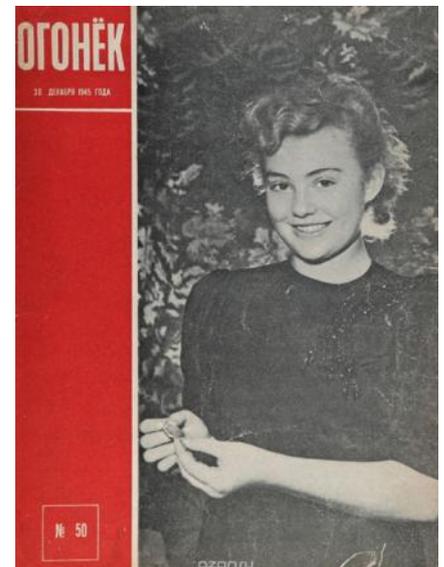
Из беседы с Александром Сикорским

**Физкультурный парад,
колонна школьников.
1945 г. Журнал «Огонек».
Мама**

**Выпускники средних школ Москвы.
Газета «Правда».
Мама в центре**

**Мама, Светлана Киреева.
Огонек № 5, 1945 г.**

Однако мать сказала, что отец услышал, как у меня челюсть щелкает, когда я жую, и успокоился: у Татьяны Сергеевны и у него челюсть тоже щелкала, и тоже с левой стороны.

В школу я пошел Сикорским. Аликотом. В 591-ю.

ОГ: Значит, все-таки музыкальная тема в вашей жизни имеет продолжение – не останавливается на бабушке и деду: ваша мама была певицей. Расскажите о Светлане Сергеевне, ведь она была особенной женщиной.

АВС: Отца с матерью познакомил Левка Гинзбург (я пишу так, как мне рассказывала мама). А любил ее сильно Юрка Трифонов, но она на него внимания не «оборачивала» (а это уже нянька). Видимо, его тянуло к певицам, особенно к колоратурным сопрано.

Александр и Алексей Сикорские

Родители с Вальтером

Но выбрала она отца, поэта, мужчину красивого, остроумного и артистичного, он умел играть на аккордеоне, пианино и гитаре, пел песни легкого содержания и был душой компании. Кроме того, очень неплохо играл на бильярде, модном в то время в творческих клубах литераторов, актеров и особенно архитекторов – там были, говорил отец, самые сильные игроки. И рассказывал дальше сказочные истории из их жизни. Светский человек, одним словом.

ОГ: Смотрю на фотографии вашей мамы, Светланы Киреевой, и думаю: какая же красивая женщина! Какое удивительно тонкое и милое лицо...

АВС: За ней ухаживали военные в высоких погонах, и в дом зачастил один очень ответственный комсомольский работник. Мама была девушкой веселой, остроумной и полной жизни. Не любила скучных и серых людей. Могла быть несдержанна на язык. Однажды, когда у нас на Дорогомиловской (меня еще и в проекте не было) собралась компания молодежи, мать спросила «комсомольца»: «А правда Сталин жену убил?» Тот молча встал и ушел. И больше не приезжал. Думаю, человек он был не плохой, и очень хорошо к ней относился, раз последствий не было.

ОГ: Вадим Сикорский и Светлана Киреева были яркой парой! Талантливые, с ярковыраженными индивидуальностями. Им было, наверное, нелегко в быту, ведь у каждого сильный характер.

АВС: Отец и мать были парой, как говорили, очень красивой и веселой. Круг их общения был весьма широк. Их любили и приглашали в гости постоянно, и я застал время их активного общения с друзьями, некоторые из которых уже тогда были персонами известными. Однажды отец с компанией притащил из ЦДЛ «в дом» Джину Лоллобриджиду, представляете? В квартиру на Аэропорте!

Александр с отцом, Вадимом Сикорским

Родители, Светлана и Вадим

А он и вправду личиком смахивал на Жерара Пылыпса (как я шутил в детстве, так как каждое лето проводил на Украине). Наверное, был фестиваль какой-нибудь.

Итак, родители были парой красивой, светской, но мало приспособленной для семейной жизни обычных советских людей. Поэт, зарабатывающий на жизнь переводами бурятской поэзии и бильярдом, после которого заявлялся домой поздно – из ресторана, нетрезвый, с торчащими из карманов белыми хлопковыми салфетками (некоторые служат до сих пор). Просыпающийся часам к десяти, не раньше. Он занимал большую комнату с балконом – те самые дополнительные двадцать метров, положенные члену СП для работы на дому.

Мать – певица-трудоголик, вечно распеваящаяся, когда она дома (я до сих пор помню наизусть оперные арии), и по полгода пропадающая на гастролях.

Мама родилась на Малой Дорогомиловской, росла там и пошла в женскую школу прямо напротив наших ворот (двор имел высокие, солидные ворота). Там люди жили дворами, и я в детстве с другими ребятами нашего двора ходил драться с другим двором. И там жила Мама-Мила и сестра деда, Вера. Остальная родня жила уже кто в Москве, кто в Ленинграде...

...Мама привозила с гастролей всякие красивые вещи, для меня, например, обувь. Модную. Я был во втором классе 591-й школы и пришел на уроки в новых остроносых туфлях из Венгрии. Меня схватили ребята из класса и потащили всем показывать на перемене: смотрите, мол, какие *мокасы*! Дело дошло до директора. Я сгорал от стыда. Директор запретил: дома ходи в чем хочешь, а в школу изволь в нормальных туфлях.

А маленьким, когда было жарко, я снимал сандали или туфли и играл босиком. Обувь, разумеется, пропадала.

Из беседы с Александром Сикорским

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

ОГ: Наверное, рано пришлось взрослеть и быть самостоятельным?

АВС: До семи лет и первые три школьных года я жил с Мамой-Милой на Малой Дорогомиловской. И еще ходил в музыкальную школу в Плотников переулок через мост над Москвой-рекой. Один. Сам. Пешком, если бабка не давала пятак на автобус, а она часто не давала, когда была не в настроении. И вот зимой по мосту, почему-то всегда против ветра, с нотной папкой... Не любил я музыкальную школу. И ведь нужно было дома заниматься. На пианино. И сольфеджио. Да еще хор.

И к зубному впервые я пошел сам. Зубы ведь у меня как у беспризорника. Врач осмотрел меня, я это точно помню, и спросил: «А где твои родители, молодой человек?» Было мне лет девять. Я стеснялся улыбаться. Я ответил, что мать не скоро приедет, бабка не может, а с зубами делать что-то надо. «Пусть придет отец, – отрезал он. – Тут дело серьезное». Телефонов не было, когда он приедет – неизвестно. В общем, остался я, что называется, с английским ртом.

И в четвертый класс я пошел в английскую школу-интернат № 38, метро «Фили», там на автобусе пару остановок, за Суворовским училищем (в котором в то же почти самое время учился Стасик Микоян (Намин), тогда мы еще не были знакомы). Где и прожил три года.

ОГ: А знание английского тоже из школы?

АВС: Не совсем. Продолжая ездить в музыкальную школу, я еще ездил на занятия английским с пожилым австралийцем, милым и вежливым, теперь не представляю, откуда взявшимся. С ним я прозанимался несколько лет.

А потом Мама-Мила была переселена в новостройку за метро «Пионерская». Нужно же было куда-то селить дипломатов с семьями и новых чиновников, приехавших вслед за Брежневым. Их поселили на том месте, где раньше жили мы. Разумеется, в новых хороших домах. Малой Дорогомиловской не стало...

ОГ: И все же хочется вернуться в Брюсов переулок – вновь к Татьяне Сикорской и Самуилу Болотину. Вы успевали и к ним?

АВС: Приехать в дом в Брюсовском переулке было отдыхом души. Там был настоящий уют. Ночевать в столовой было даже интересно: через большое полукруглое окно проникал сказочный свет, падающий на горки с сувенирами, привезенными дедом и бабкой из разных стран, а они два раза совершали кругосветные путешествия (представьте!), пианино с бронзовыми подсвечниками (у нас таких не было), большой обеденный стол, за который умещались гости в немалом количестве, и небольшой для детей, если за большим места не было, пара картин побольше и несколько поменьше, двойная белая прозрачная дверь в коридор.

*Дед Сэм (Самуил Болотин)
с внуками, Александром
и Алексеем. Рядом Вальтер*

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Еды всегда было много. И очень вкусной! А еще завтракать на кухне и слушать комментарии няньки было особое наслаждение: «Все идёт и идёт (ударение всегда на первом «и») на широкий Самаи Борисыча карман. И Вовка с полюбовницей. По колено в крови встану, а с полюбовницей больше не пушу, и так им и скажу! А что, я правду говорю! Это ж кому не скажи – стыдобища одна». Сестра Маруси была шеф-поваром в Кремле, именно так и говорили. Я бы, может, и теперь не поверил бы, но трем деревенским простым бабам-сестрам дали трехкомнатную квартиру! Куда нянька почти никогда и не ездила. Домом не считала. Любила бабушку с дедушкой больше себя, и уже после того как Сэм Болотин (так его звали друзья и за спиной) скончался, если птичка какая врезалась в стекло или просто садилась на окно и пыталась посмотреть внутрь, она говорила: «Самаи Борисыча душа за мной пришла – пора на погост!»

ОГ: Александр, дорогой Алик, общаться с вами одно удовольствие, а слушать о жизненных перипетиях вашей удивительной семьи можно часами, удивляясь непростым поворотам судьбы и жизнестойкости сильных женщин! Наша беседа была насыщенной и бесконечно интересной. Имена старшего поколения вашей семьи по праву входят в золотой фонд культуры, и от нас будет зависеть, сохранится ли память о них в нашей истории. Многое из того, о чем мы будем говорить при следующей встрече – а это будет разговор уже об Александре Сикорском как о музыканте, и уже о следующем, четвертом поколении, молодом и ярком, – найдет свои корни и объяснения в нашем сегодняшнем разговоре.

Спасибо!

Александр Сикорский и Андрей Макаревич

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 75-летию со дня смерти А. Н. Толстого

Вадим Сикорский,

Татьяна Сикорская

ВОСПОМИНАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С АЛЕКСЕЕМ ТОЛСТЫМ

В авторской редакции

Даже для воспоминаний о таком большом писателе как А. Толстой мимолетных анекдотов недостаточно, и я было оставил мысль написать хоть что-то, связанное с этим именем, и решил не извлекать из давнего своего дневника несколько гомеопатических доз малозначительных записей, но как-то я наткнулся на ветхие страницы, исписанные рукой моей мамы, известной переводчицы, а в сущности автора заново созданных стихотворных текстов иностранных песен. Многие песни были переведены в соавторстве с моим отчимом, тоже поэтом-переводчиком С. Болотиным. В этих записях я обнаружил и упоминания об А. Толстом, двоюродным дяде мамы.

Я знал, что в повести «Гадюка», напечатанной впервые в журнале «Красная новь» в 1928 году с подзаголовком «Повесть об одной девушке», прототипом этой «одной девушки», главной героини, была моя мать. А. Толстой, сочиняя повесть, конечно, многое изменил и домыслил, но основой остался устный рассказ о маме, поведенный писателю нашей родственницей, которую я с детства знаю только как «тетю Лелю». Кстати, некоторые вещи в нашей квартире принадлежали этой тете Леле, например, горка красного дерева и зеленая плюшевая тахта.

Интригующая деталь: на этой тахте некоторое время ночевала у тети Лели юная женщина, изображенная на знаменитой картине Крамского «Незнакомка». После кончины тети Лели историческая тахта перекочевала к нам. Когда она пришла в полную негодность и ее увозили на свалку у меня на глазах навернулись сентиментальные слезы, казалось, тахта еще хранила живое тепло и контуры фигуры прекрасной незнакомки. А тетилелина горка до сих пор украшает комнату в моей квартире.

Прошу прощения за это слезливое лирическое отступление, просто трудно держать распоясавшуюся и непредсказуемую память в строгих рамках.

Итак, я решил использовать записи мамы, а свои детские и поздние воспоминания добавить к ним. Для собственного удобства свой рассказ я буду прерывать цитатами из маминых записей, причем цитаты порой окажутся намного пространнее моей «прямой речи».

Мне было одиннадцать или двенадцать лет, когда мама взяла меня с собой в Ленинград, буду называть его по-старому, как тогда называли. Оттуда мы сразу же поехали в Детское село, бывшее Царское село, где жил дядя Алеша, то есть А. Н. Толстой.

Меня, жителя коммунальной квартиры, где в туалет надо было добираться через проходную комнату соседей, из квартиры, где часто приходилось моим близким спать на полу, уступая лакомое ложе менее близким приезжим, меня просто потрясли апартаменты моего именитого дяди. Жаль, что всего лишь троюродного, поскольку маме он был двоюродным и то под вопросом.

А. Н. Толстой

Мама часто рассказывала о своем дореволюционном пристанище: двухэтажный белый особняк в имении ее отца, то есть моего деда, повар Валентин, неподалеку стекольный завод отца, рабочие хозяина обожали, у них хорошие заработки, медицинская обслуга и прочее. Деда отличало очень доброе отношение ко всем людям любого сословия. Видимо «За все это» он и был расстрелян во время поездки куда-то неподалеку вооруженной группой ценителей свободы и светлого будущего. В моем внуково-сыновнем воображении октябренка, а потом пионера рассказы мамы о дореволюционной ее семье и жизни казались сказочно-оперной фантазией.

Убедился я, что такое в принципе возможно и бывает в этом мире, в реальном воплощении сразу по прибытии в Царско-Детское село. Войдя в двухэтажный особняк, первое, что я почему-то заметил, это большое число тростей разнообразного вида, скученных в передней. Митя, младший сын

моего великого дяди, позже продемонстрировал мне трость, которая, была просто деревянными ножами для шпаги, шпага вынималась после поворота ручки трости. Мне это казалось чудом. И я потом долго мечтал об этой невероятной трости. Другим ошеломляющим впечатлением было появление в комнатах горничных в белых наколочках. Как в кино из старорежимной жизни или из заграничного. Если мне не изменяет память, с потолка, кажется, из-под люстр, свисали эбонитовые грушки с кнопками, стоило нажать, и появлялась горничная в наколочке и вежливо осведомлялась, зачем ее вызвали. И кажется (или это действительно мне теперь кажется?) можно было попросить мороженого или пирожное и его приносили. При всей моей воспитанности и понимании, что я в гостях, я этими морожеными вызовами несколько злоупотреблял. Между прочим, эти электрогрушки с кнопками, видимо, и есть самое простое объяснение, почему Митя был, мягко говоря, такой полный.

Нам с мамой отвели отдельную комнату. Помню, встал я на следующее после приезда утро не очень рано и по широкому светлому коридору пошел слегка ополоснуть лицо и если будет не очень неприятно, то, поскольку я в гостях, помыть и уши. И вдруг из ванной показался и шагнул мне навстречу совершенно голый, с большим животом, с полотенцем через плечо, дядя, сам Алексей Николаевич Толстой. Мы с ним поравнялись, остановились, глядя друг на друга, и он спросил:

- Ты кто?
- Дима Сикорский.
- А, так ты и есть Танин сын.

Он вдруг довольно больно щелкнул меня по лбу, весело улыбнулся и бодро, размахивая белыми полными руками, пошел дальше. Я смотрел вслед своему новоявленному дяде, нисколько не смущенный тем, что познакомился с ним вот так, с совершенно голым. Помню, удивило только, что при своей грузности, передвигался легко, вызывая бодро махая руками, может быть, он только передо мной молодился и хотел физкультурно выглядеть? Это у всех истинных мужчин так, независимо от возраста, ранга, таланта и ума, выпячивают грудь, хорохорятся перед посторонними.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

В этот же день он мне подарил свою книгу «Петр первый» с лаконичной надписью «Диме Сикорскому Алексей Толстой». Эту книгу, как дорогую реликвию, я храню до сих пор. Хотя в то время, когда я очень нуждался в деньгах (должен признаться, правда, что это время было довольно длительным), у меня эту книгу выклянчивал Кирпотин, предлагая за нее какую-то баснословную по тем понятиям сумму, но родственные чувства оказались сильнее корысти.

Помню, как мы катались с Митей на велосипедах по роскошному Царскосельскому парку, и купались в прославленном пруду со статуей посреди него, стоящей на возвышающемся над водой постаменте. А может быть, это было просто нечто вроде постамента без статуи, я уж точно не помню, с тех пор я там ни разу не был. От берега до этого гранитного постамента не очень далеко, я тощий и довольно ловкий легко доплыл и чтобы передохнуть взобрался на это сооружение. Митя же очень устал, доплыв сюда из последних сил, попытался взобраться вслед за мной, но легко доступные порции мороженого сыграли трагическую роль, ему взобраться не удалось. Тогда я протянул ему свою спасительную... Нет, не руку, а – ногу. До руки бы он не дотянулся, а если бы я слишком свесился вниз, он просто стянул меня и я обрушился бы на него. Передохнув немного, вернулись благополучно к месту отплытия. А вечером я слушал его музицирование на рояле.

К сожалению, пребывание в земном раю длилось недолго. Мы вернулись в свою коммуналку без ванны, с туалетом на отшибе, с общей, наполненной флюидами тайной вражды, кухней, с вороватыми соседями.

В этой квартире с ответным визитом побывал Митя, но это было уже через много лет. Приехал он с мамой, поэтессой Н. Крандиевской, и красавицей женой. Кажется, она потом вышла замуж за поэта Острового. Ничего общего, кроме очков, во внешности ее мужей не было. Замечу только, что, если Светлов был знаменит как автор шуток, то Островой – как объект шуток и пародий. Вот, например, в песне, где первая строка: «Я в России рожден, родила меня мать» такое пародийное продолжение: «Просто некому было в ту пору рожать, Бабка в город ушла и у тетки дела. В силу этих причин меня мать родила». Забавна пародия и на его известную песню с такими строками: «В путь дорожку дальнюю Я тебя отправлю, Расцветет над яблоней Алый свет зари, Подари мне, милый, на прощанье саблю, Вместе с острой саблей пику подари»:

В путь-дорожку дальнюю я тебя отправлю
Ждать тебя я буду до конца войны.
Подари мне, милый, на прощанье саблю,
С красными лампасами подари штаны.

С голыми руками, в трусиках и в майке
Защищать пойдешь ты отечество свое,
А на дареной пике у твоей хозяйки
Сушатся платочки и прочее белье.

Если не ошибаюсь, это пародия С. Болотина.

Однажды в бильярдной ЦДЛ произошел такой разговор между Островым и поэтом Сергеем Васильевым.

Островой (Васильеву):

– Знаешь, как надо отдыхать?

Васильев:

– Как?

Татьяна Сикорская, Вадим (сын Татьяны) и Фефа Волькенштейн (сын Н. Крандиевской и приемный сын А. Толстого). 1935 г.

Островой:

– Я после работы выхожу на улицу, полностью выключаю интеллект и гуляю не меньше часа.

Васильев:

– Знаешь, у меня такое впечатление, что ты забываешь включить его обратно.

А вот ставшая знаменитой, потому что была сказана совершенно искренне, фраза Острового: «Ты знаешь, я написал большой цикл стихов о любви, и можешь мне поверить – закрыл тему!»

Тогда они все к нам приехали, направляясь в Пермь на премьеру Митиной оперы, которая, кажется, прошла успешно. Милая, невероятно женственная, добрая, какая-то до боли интеллигентная Крандиевская меня навсегда очаровала. Я знал, что Толстой развелся с ней и женился на Людмиле, и у меня не могло в голове уложиться, как от такой женщины можно вообще уйти.

Они уехали на другой день, и я ни Митю, ни Наталью Васильевну никогда не видел. Вот и все. И тут, пожалуй, мой запас впечатлений и воспоминаний о семье Толстого иссяк.

Разве что стоит упомянуть, может быть, о забавном эпизоде времен моего детства, связанным с еще одним челном толстовской семьи. Помимо Мити, Никиты и Марианны был у Толстого еще приемный сын, которого все звали Фефа, видимо, сокращение от Федора Федоровича. Фефа – сын Натальи Васильевны Крандиевской от брака с неким Волькенштейном. Высокий, туго обтянутый собственной кожей скелет с кудрявой шевелюрой и черными вдумчивыми глазами. Он поставил на мне два разорительных эксперимента. Первый в бывшем Ленинграде, в булочной кондитерской, где он предложил мне съесть сколько смогу пирожных, по принципу рекордов Гиннеса. На половине одиннадцатого пирожного эксперимент прервала мама, испугавшаяся за мое здоровье. Второй эксперимент Фефа провел уже в Симеизе, куда чудом удалось достать путевку для меня в какой-то детский лагерь. Мама по курсовке имела право здесь на один обед и снимала где-то угол для ночевки.

И вдруг в Симеизе неожиданно для нас с мамой появился Фефа. Где-то неподалеку, если не ошибаюсь, была астрономическая обсерватория, там работала близкая ему по звездным интересам астрономичка. Фефа водил меня в обсерваторию, и я приблизил к себе планеты, впервые ощутив в холодных сводах обсерватории мощь человеческого разума и чудодейственную силу науки, способной превращать небесные звезды, планеты в близкие почти игрушечные светящиеся шарики. Особенно поразил меня Сатурн с его точеным сияющим кольцом.

Но все это лишь небесное отклонение от темы. Главное – эксперимент. Жаль, что на этот раз мама прервала его на четырнадцатой порции мороженого. Но героическим было не мое пожирание порций, а молчаливое присутствие при этом пиршестве моей голодной,

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

истощавшей здесь матери, сидящей только на одном обеде в день, о чем я узнал лишь в Москве, чтобы сэкономить деньги на обратную дорогу. И еще одно, любопытное для науки сообщение: ангиной я заболел через двенадцать лет в двадцатитрехлетнем возрасте. Но зато как! Пусть об этом феномене задумаются отоларингологи.

Теперь позволю себе перейти к довольно обширной цитате из записей моей мамы, представляющих, на мой взгляд, может быть небольшую, но все-таки какую-то ценность для интересующихся А. Толстым. Итак, передаю слово маме, Т. С. Сикорской:

«Поддержка Толстого, конечно, очень помогла нам (*имеется в виду прием Т. Сикорской и С. Болотина в Союз писателей. – В. С.*). А у него самого в это время происходила тяжелая семейная трагедия. Дело в том, что он отчаянно влюбился в невестку Горького, а она не ответила ему взаимностью. Естественно, появилась серьезная трещина в его отношениях с Тусей – женой и другом, помогавшей ему во всем: она отвечала на письма, разбирала архивы, связывалась с издательствами, в общем – была душой дома. Теперь, когда возникла тяжелая ссора, она решила временно уехать вместе с Митькой на их городскую квартиру на Кронверкской. Оставшись без верного помощника, А. Н. решил взять себе секретаршу. У Марианны, его дочери, была приятельница, на несколько лет старше ее – жена писателя Баршева. И вот эта самая Людмила Баршева, муж которой в это время лежал в больнице, вошла в семью подруги как секретарь ее отца. Она была недурна собой – смуглая, расторопная одесская украиночка лет тридцати, с узкими карими глазками и большим ртом. Насколько я понимаю, А. Н. очень скоро перенес на нее свое неутоленное чувство к жене сына Горького. Его не смущала большая разница в годах, наоборот, это давало ему ощущение, что он сам снова стал молодым, и он даже нанял массажистку, которая по утрам приходила массировать его уже отяжелевший живот. Он начал принимать участие в лыжных прогулках, увеселительных поездках и т. д., словом, познавать все радости, которые дает вторая молодость.

Мое знакомство с Людмилой состоялось однажды в Метрополе, где А. Н. остановился по приезде в Москву. Мы сидели и втроем завтракали в номере с огромной кроватью и разбросанным кружевным бельем – типичной обители молодоженов. Я не помнила Людмилу по своим приездам в Детское село, хотя, вероятно, и встречала ее не один раз – она неплохо пела, и ее искусство охотно демонстрировалось гостям. За завтраком Алеша время от времени бросал на меня искоса беспокойный взгляд, как бы тревожно спрашивая: «Ну что, как она тебе?»

Помню, как впоследствии он показывал нам с С. Б. фотографии, снимки затяжного поцелуя на веранде в Детском, Людмилы, раскинувшейся не то в гамаке, не то на тахте, и т. д.. Очевидно, ответная страсть молодой женщины безумно льстила ему.

Дальше события развернулись совершенно неожиданным образом. Фефа, сын Натальи Васильевны от брака с Волькенштейном, сказал как-то Людмиле: «Брось эти шашни с отцом, это возмутительно по отношению к матери». Людмила пожаловалась Толстому. Он разъярился, топал ногами, кричал и выгнал Фефу из дому. Но Людмила все-таки собрала свой чемоданчик и переехала к матери. Напрасны были все паломничества и уговоры Толстого, – Людмила поставила ультиматум: «Или все, или ничего».

Вскоре А. Н. получил заграничную командировку и оттуда послал Наталье Васильевне, очевидно ожидавшей раскаяния и примирения, телеграмму, что он с ней разводится, а Людмиле – чтобы она встречала его на вокзале в Москве. После этого семья разделилась: Фефа ушел, Митька остался с Натальей Васильевной, а Марианна и Никита – с отцом. Людмила стала полной хозяйкой в гостеприимном доме Толстого и, надо сказать, вела себя с гостями

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

корректно и умело. Впоследствии они с А. Н. переехали в Москву, во флигель особняка Горького на Малой Никитской.

Все-таки навсегда спасибо Алеше за его дружбу и помощь! Теперь, проходя мимо его памятника возле церкви, где венчался Пушкин, я часто мысленно говорю: «Здравствуй, Алеша! Скоро увидимся».

Описав сперва этот главный эпизод личной жизни Толстого, мама возвращается ко времени знакомства с Толстым:

«Ранней весной на Политехническом музее появилась афиша – А. Н. Толстой будет читать отрывки из нового романа “Петр Первый”».

Я решила пойти на этот вечер, чтобы взглянуть на легендарного «Алешку Толстого», которого так презирал папа, и о котором столько говорила мне тетя Лелечка.

Он сидел на кафедре – солидный, полный, с умным и несколько бабьим лицом, и читал чудесные главы «Петра» в той монотонной, невыразительной манере, к которой я потом привыкла, поняв, что полная безынтонционность чтения, очевидно, помогает слушателям лучше, полнее, без навязанных чтецом эмоций воспринимать текст, внося в него собственные душевные интонации, расставляя знаки препинания там, где это кажется нужным. Но вначале это чтение на одной ноте, без выражения, казалось странным, почти усыпляющим. И все-таки – впечатляло. Даже очень впечатляло. Ему послали огромное количество записок из зала. Я тоже приготовила записку, в которой говорилось, кто я такая, и что я хотела бы увидеться с ним. Но по окончании чтения он подошел к рампе и сказал, что на записки отвечать сегодня не сможет, прочтет их потом и ответит в следующий раз. Я, стоя у самой рампы, бросила ему свою бумажку и крикнула: «Мою прочтите сейчас!» Он удивленно вскинул на меня глаза и развернул записку. «Пройдите, пожалуйста, ко мне за сцену», – сказал он. Я послушно пошла за ним. «Я здесь с семьей, – сказал Алексей Николаевич. – Хотите познакомиться? Поедьте сейчас же к нам. Я остановился у своего друга, актера из Малого театра».

В квартире друга оказалось тесновато, но в проходной комнатке при свете настольной лампы меня сразу окружили милые, приветливые лица. Мне очень понравились и жена его, прелестная поэтесса Наталья Васильевна Крандиевская, и старший сын ее от первого брака с Федором Акимовичем Волькенштейном – черноволосый, худощавый студент Фефа, и веселый, совсем еще мальчуган, Никита. А. Н. расспросил меня, что я делаю и, узнав, что я тоже литератор, тут же пригласил меня к себе в Детское (бывшее Царское) Село, чтобы вместе с ним работать над пьесой по его повести «Гадюка», на которую он заключил договор с Радиокomiteетом, но никак не может выбрать время ее сделать. «С удовольствием, я ведь тоже пишу пьесы», – сказала я. «Да? Наверно пишешь заглавие, потом “действующие лица такие-то”, и на этом дело кончается?» – засмеялся Алеша, который сам предложил мне перейти с ним на «ты». «Я ведь тебя на руках носил, когда ты только что родилась, – сказал он. – Я в то время гостил в Сюгинском у дяди Сережи».

Татьяна Сергеевна Сикорская

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Толстой занимал прекрасный особняк, вроде нашего великокняжеского на Магазейной, который я потом с трудом разыскала и почти не могла узнать. Особняк был окружен большим садом, в котором А. Н. сам разводил розы и вообще любил работать. Он повел меня на прогулку в старый, знакомый мне Екатерининский парк, где в этом году стоял хруст от гусениц, съедавших листья на липах, показал мне Пушкинский лицей. Все в семье встретили меня ласково.

Кроме Натальи Васильевны, Никиты и Фефы, которых я уже знала по Москве, там были еще мать Натальи Васильевны, жившая в мезонине и писавшая мемуары, дочь Алеши от первого брака Марианна и младший сын, десятилетний Митя, проявлявший большие способности к музыке и уже сочинявший сам какие-то песенки. Н. В. как-то попросила меня привезти к ним моего Димку и познакомить его с Митей. Кроме семьи, в доме жила тетка А. Н., одна из Тургеневых, сестра его матери Александры Тургеневой. Алеша был сыном ее и шведского писателя Бострома, а граф Николай Толстой, став мужем Александры, усыновил Алешу и дал ему свою фамилию. В детстве я слышала от папы не очень лестные отзывы об этом Алеше – он был не то футуристом, не то чем-то в этом роде, очень много валял дурака и, наконец, взяв у кого-то (кажется у папиного брата дяди Коли) письма к родным, на основании этой переписки написал ряд зубоскальских рассказов, в которых высмеял жизнь русских помещиков. Писать рассказы он, конечно, имел право, но воспользоваться для этого доверенными ему или просто присвоенными им чужими письмами было, конечно, не слишком этично.

Помимо родных, в доме жил литератор Борис Липатов, писавший сценарий по роману А. Н. «Черное золото». Меня тут же прозвали «Гадюкой» и приняли в семью.

Жила эта семья примерно так, как мы до революции жили в Сягинском – по-помещичьи, на широкую ногу. В деньгах Алеша не нуждался, для покрытия хозяйственных расходов он, не считая, охотками бросал кредитки в один из ящиков письменного стола, откуда их по мере надобности брала прислуга. В день они тратили, по словам Н. В., в среднем 200 рублей. Это была огромная сумма – я с трудом скопила тогда нужные мне на дорогу в Ленинград 30 рублей.

Мне отвели отдельную большую комнату в нижнем этаже, и я принялась за дело. По утрам в доме было тихо – все работали. Алеша писал вторую часть «Петра I», Липатов свой сценарий, бабушка мемуары, я – инсценировку «Гадюки». Во второй половине дня Алеша правил «Черное золото» и «Гадюку», сильно сокращая и нарочито огрубляя все реплики. Я рада была работе над этой сильно полюбившейся мне повестью – одной из лучших вещей А. Н., но его метод правки часто ставил меня в тупик.

Ближе к вечеру начинались прогулки, работа в саду и т. д. (Наталья Васильевна строго соблюдала распорядок дня и никого не пускала в дом в рабочее время.) Алеша говорил, что только такой строгий распорядок и дает возможность плодотворно работать творчески. «Ты что – ждешь вдохновения, настроения? – спрашивал он. – Неправильно! Надо садиться за работу в определенный час, хотя бы ничего не хотелось делать. Я иногда 2-3 часа сижу и рисую головки на полях, пока не выдавлю из себя первые строки. Но я *обязан* сделать три страницы в день, и я их делаю, пусть даже голова трещит и разламывается от боли».

«А хочешь, я сделаю тебя знаменитой, – как-то спросил он. – Поезжай сначала корреспондентом от «Известий» куда-нибудь в глушь... Наберешь материала, напишешь очерки, а потом и что-нибудь покрупнее. Или – хочешь написать со Стрельниковым оперетту? Я тебя познакомлю, он автор «Холопки», неплохой композитор». Кстати, в доме бывал в то время часто композитор Ю. Шапорин, писавший «Декабристов» по либретто А. Н., и я немножко

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

помогала им. Бывал и автор «Угрюм-реки» Вячеслав Шишков, большой приятель Алеша, так что жилось там интересно.

Как-то Борис Липатов нарисовал огромную, в рост человека, карикатуру под названием «Магнитолстой искусств». Посередине сидел Алеша в кабинете, из окна мезонина ползли длинные свитки мемуаров, внизу по углам сидели Шапорин с «Декабристами», Борис с «Черным золотом» и я с «Гадюкой», а желто-белый пойнтер (не помню, как его звали), подняв ногу на водосточную трубу особняка, выражал этим свое презрение ко всему происходящему в доме. Да, конечно, не зря в общем-то кто-то прозвал Алешу «королем халтурщиков»: он готов был писать и для цирка («Буратино»), и для радио, и для оперетты, и для кино... А впрочем, может быть так и нужно работать, т. к. нет плохих жанров, а есть плохие писатели.

Я получала время от времени отчаянные письма с просьбой вернуться в Москву. «Что же мне делать?» – спросила я Алешу. «А знаешь что? – сказал он. – Плюнь на все, привези сюда Димку с нянькой и оставайся в Царском. И квартиру, и работу я тебе найду, а это все остальное, ерунда собачья». Интересно, что было бы со мной, если бы я последовала его совету? Но мне это «все» вовсе не казалось тогда ерундой.

Вечерами дом преображался. Уже с позднего обеда начинали один за другим вваливаться гости. Приходили и Шапорин с Шишковым, и какие-то иностранные послы, и актеры МХАТа, и масса другого неизвестного мне народу. Мне еще днем поручалось наблюдение за «сугубой химией» – Алеша брал бутылки с водкой и процеживал ее через марлю с углем в графины для очистки. Работа была кропотливая, процеживание длилось часами и требовало большого терпения.

На столе, накрытом белоснежной скатертью, появилась батарея вин – в том числе излюбленного Алешей сухого каберне. «Сладкие вина пьют только в молодости», – говорил он. Пряное, кисловатое каберне было действительно вкуснее приторных мускатов и токаев.

Когда гости были уже в сборе, все шумно усаживались за покрытый аппетитными закусками стол, и начинался веселый, чудесный вечер. Гостей бывало до 40 человек. Алеша был большой озорник – со смехом рассказывал похабные анекдоты, над всеми и всем трунил, и его тонкий, немного гнусавый голос перекрывал все разговоры. За этими ужинами Качалов читал монологи из своих ролей, Москвин веселил всех забавными ужимками и шутками, а Иракий Андроников изображал Штидри и других известных музыкантов и писателей, в том числе и самого Алешу: «Туся! – гнусаво кричал он (Тусей Алеша звал Наталью Васильевну). – Туся! Приезжай сюда – я нашел не засиженный писателями кабак!»

Однажды глубокой ночью, когда не хватило вина, А. Н. со всей компанией отправился в запертый винный магазин, взломал двери и не стесняясь пополнил свой запас. В городе его настолько хорошо знали и уважали, что на другой день не было даже неприятностей с милицией.

Как-то на таком ужине Алеша шепнул мне: «Я хочу напоить Москвина в лоск. Я приготовил ему страшный ерш – он хвастает, что никогда не напивается пьяным. Напои его! Сядь рядом и подливай ему почаще вот из этого графина». Но сколько я ни старалась подливать, старик Москвин пьяным не напился и не лег под стол, а только сильно развеселился и пригласил меня станцевать с ним польку-бабочку так, как ее танцевали на старинных провинциальных балах. Мы станцевали – я подыгрывала, как могла, а Москвин превзошел самого себя – все буквально полегли со смеху.

Разумеется, я в этом обществе была, как говорится, ни к селу, ни к городу. Во-первых, сразу же после моего приезда Алеша с отвращением спросил меня: «Что это за дрянь ты куришь? У моего шофера и то лучше папиросы. Сейчас же брось? Кури мои. А хочешь, дам тебе сигару?» И вместе с сигарой на столе появилась бутылка шотландского виски, которое он дал

Татьяна Сергеевна Сикорская

мне попробовать. Мне не понравилось ни то, ни другое – все было слишком крепко, невкусно и незнакомо.

Во-вторых, Наталья Васильевна как-то зазвала меня к себе в спальню и сказала: «Танечка, ты не обижайся только – я хочу подарить тебе кое-какие Марианнины платья. Дело в том, что у нас бывают такие люди, что... Ну, ты понимаешь. Надо получше одеваться». Я не обиделась: совершенно ясно, что моя ядовито-розовая кофточка их не устраивала, а ничего более нарядного в моем гардеробе не было – это была моя единственная парадная форма. Старенькое сиреневое платье Марианны было гораздо лучше, но мне стало неловко, когда раз на прогулке Алеша спросил: «Что это на тебе? Знакомое какое платье. Машкино, что ли?» А не обиделась я потому, что всю жизнь не придавала никакого значения тряпкам и сама никогда не замечала, кто во что одет. Говоря с человеком, я всегда смотрела ему в глаза, и убей меня Бог, если бы я хоть раз могла вспомнить, что на ком было нацеплено! Не все ли равно?

В-третьих, мне очень мешала моя застенчивость. «Ты меня боишься?» – спросил меня как-то Алеша. «Боюсь», – отвечала я честно. Мне было даже неудобно говорить ему «ты» – он же был намного старше. Вообще, по возрасту мы как-то распределились лесенкой: А. Н. было 52 года, Наталье Васильевне – 42, мне – 32, а Марианне – 22.

Во время моего пребывания в Детском, Алешу срочно вызвали в Москву для сдачи какой-то рукописи, и друг его Старчаков уже купил ему билет, но Алеше не хотелось ехать, и он решил послать меня с этой рукописью. Но когда мы в день отъезда пришли за билетом, он вдруг возмутился: «Ты что, на “Стрелку” купил? Мягкий? Незачем ей мягкий, обменяй на жесткий плацкартный». «Поздно уже», – сказал Старчаков. Меня немножко удивила эта бережливость со стороны человека, без счета бросавшего деньги на хозяйство и угощение гостей. Но, очевидно, была в нем эта скуповатая черточка, несмотря на видимую широту натуры.

Я в первый раз за время своей взрослой жизни попала в мягкий вагон. «Стрела» был красивый поезд, отходивший ровно в полночь. В купе с плюшевыми коками на столе горела розовая лампочка. Как только поезд отошел, в вагоне заиграла музыка. Я вышла в коридор послушать. Все тут было так сказочно хорошо, что мне не хотелось ложиться спать – казалось, что я попала в какую-то роскошную чужую жизнь, и хотелось всю ночь наслаждаться ею...

Возвращаясь из Москвы, я захватила с собой Димку. Он был одного возраста с Митькой Толстым, и они прекрасно подружились, только однажды, купаясь в озере, Димка чуть не утопил своего нового друга. Как это вышло – уже не помню, но не умеющий плавать Митька спасся чудом.

Работа над «Гадюкой» уже кончалась, скоро надо было уезжать домой. И вот Алеша вдруг спросил меня: «А ты знаешь, о ком написана эта повесть? – И, помолчав, сказал: – О тебе». «Как обо мне?! – удивилась я. – Ты же совсем не знал меня»... «Мне о тебе рассказывала тетя Леля Татаринава. Путано, конечно, урывками...» «Но это же совсем не похоже на то, что было!» «Ну,

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

я, конечно, сам кое-что придумал и добавил. А как же все-таки было по-настоящему? Расскажи».

Вечером мы собирались всей семьей на веранде, и меня заставили рассказывать. Я начала говорить о Сюгинском, о нашем аресте, о Чеверева... И в первый раз за этот месяц я увидела в насмешливых узких карих глазах А. Н. вдруг вспыхнувший горячий интерес. Он слушал очень внимательно, пристально глядя на меня. И кто знает – как бы выглядела «Гадюка», если бы она была написана не со слов тети Лелечки, а после моего рассказа? Повторяю – мне кажется, это одна из лучших повестей А. Н. Мне нравилось далеко не все, что он написал, и сам он однажды в разговоре сказал мне: «Я отлично понимаю, что я не большой писатель. Я не Лев Толстой и не Бунин. И здесь я считаюсь лучшим писателем только потому, что на безрыбье и рак рыба». Он понимал, что много халтурит, но не раз твердил мне: «Работать можно над чем угодно – пусть это будет песня, оперетка, перевод, что хочешь – любая заказная работа. Но надо делать ее добросовестно, вкладывая все силы. Этим совершенствуется техника. И работать надо ежедневно, как меня научила Туся, а не ждать вдохновения. Я иногда часами рисую человечков и напишу за день три строки, но все-таки мозг дисциплинируется. «Искусство – это игра, – говорил он. – Но все-таки писать надо целеустремленно: прежде всего, ясно представь себе конец вещи, а потом уже веди к этому концу». «Я не умею писать прозу», – жаловалась я. «А ты пиши просто, не думая ни о каком стиле, и главное – не разбавляй водой, не делай лишних сравнений. Когда ты пишешь: «Впереди бежала пыльная дорога», не добавляй: «точно серая лента». Все знают, какая бывает пыльная дорога, и ты никому ничего не пояснишь, получится только многословие». О писателях он судил очень строго, терпеть не мог скучной прозы Федина, а стихи Инбер называл «дамским рукоделием». Между прочим, забавная деталь: он в жизни не прочел «Анны Карениной», потому что еще студентом поспорил с кем-то и дал обет, что не прочтет этой книги. Любимым его романом был «Мадам Бовари» Флобера, что уж он в нем нашел такого, не понимаю...

Он и Наталья Васильевна проводили меня из Царского в Ленинград, и мы в номере гостиницы распили бутылку шампанского перед поездом. Но на этот раз я с Димкой возвращалась уже, конечно, не в мягком вагоне «Стрелы»...»

Этим завершается часть повествования Т. С. Сикорской, моей мамы.

Как легко писать воспоминания, когда половина уже написана кем-то. Я мог бы больше и не «предоставлять слова» самому себе и поставить точку. Но я, хоть и очень старался, не смог побороть искушения добавить еще два забавных эпизода.

Мы собирались справлять день рождения мамы, обещал приехать А. Толстой, живший уже в то время в Москве. Об этом узнали друзья, всегда собиравшиеся у нас в этот день, в том числе кинорежиссер А. Л. Птушко, прославившийся фильмом «Новый Гулливер», талантливейший, преступно недооцененный у нас композитор Лев Шварц (кто видел фильм, не мог не восхититься его прелестной песней «Моя лилипуточка» на слова С. Болотина), и другие.

Обычно подарки гости приносили скромные, но на этот раз, дабы выглядеть достойно в глазах знаменитости, не поскупились. Всех перещеголял Птушко, преподнесший имениннице очень дорогую вазу в виде дракона. Вазу поставили на самое видное место. А гостей ждал необычно богато, не по доходам сервированный стол.

Высокий гость опаздывал, начали без него. Уже в разгар пиршества мама, принявшая телефонные поздравления Толстого и его извинения, объявила гостям, что красный граф, как его называли в шутку, не приедет. Нельзя было без смеха, нет – без хохота смотреть на глубочайшее огорчение, омрачившее лицо Птушко, напрасно тащившего через весь город свой тяжелый и разорительный презент. Общего веселья отсутствие Толстого не убавило, а один

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

родственник даже вздохнул с явным облегчением: «Слава богу, можно спокойно выпить, закусить, а то я все боялся: придется вести себя до отвращения прилично».

Другой подхватил: «Верно! Ни спеть “Шумел камыш”, ни побалагурить вволю. А теперь свобода. Выпьем за свободу!»

Раздался смех, разные голоса подхватили шутку: «А я лично шел как на каторгу», «Выпьем за чуткость великого Алексея Толстого», «За то, что он не приехал к Тане!»

После этого вечера долго пушковский дракон был поводом для домашних шуток.

Другой анекдотический случай связан с сыном Толстого Никитой. Со времен детства я лишь однажды случайно увиделся с ним, оказавшись в соседнем кресле самолета. Мы узнали друг друга, разговорились. Он был уже, кажется, доктором наук, известным физиком-теоретиком, ну, а я малоизвестным поэтом, хотя мои циклы и печатала «Литературная газета» и у меня вышли две книги стихов, о которых в газетных рецензиях лестно отзывались некоторые поэты. Физик и лирик нашли много тем для разговора.

С той мимолетно-самолетной встречи прошли десятилетия.

Недавно в печальный час похорон одного очень талантливого художника, давняя знакомая указала мне на стройного старика с длинной седой бородой, живыми умными глазами и сказала: «Это Никита Толстой, твой родственник, академик».

Я всмотрелся в лицо, и сквозь могучие седые заросли проступило, мне показалось, давнее красивое лицо с карими, если не ошибаюсь, глазами. После того как печальный обряд был кончен, я подошел к старцу и сказал:

– Добрый вечер, я Вадим Сикорский, рад встрече, хоть и в такой грустной обстановке.

– Вадим Сикорский, – он внимательно смотрел на меня. – Да, да, вы поэт, мне нравятся ваши стихи, я слежу за вашим творчеством.

Я не удивился, что он со мной «на вы», для этого я достаточно стар, прошла целая жизнь. Мне, естественно, польстило его отношение к моим стихам.

– Я обязательно презентую вам книгу, – растроганно ответил я. Обнял его, мы поцеловались. Выглядел явно усталым после прекрасной речи, произнесенной только что.

На поминках он побыл считанные минуты, и я к нему не подошел.

В другой раз я его увидел на вечере памяти, организованном вдовой и ее друзьями в большом клубе. После вечера, в фойе я подошел к Никите, мы снова обнялись, как родные. Я снова пообещал подарить свою книгу, не преминув похвастаться, что у меня вышла еще и книга прозы. Мы поцеловались на прощанье и я ушел.

И вдруг неделю спустя совершенно случайно, в телефонном разговоре со мной вдова упомянув о Никите Толстом произнесла какое-то неожиданное отчество. Не помню какое, но только не Алексеевич. Я переспросил ее дважды, она уверяла, что не ошиблась, но на всякий случай обещала уточнить. Заподозрив неладное, я попросил ее уточнить и специальность академика. Она позвонила мне через день и стало ясно, что это совсем другой Никита, сын совсем другого Толстого. А истинный сын живет в Ленинграде, и кроме того, что они оба Никиты, оба Толстые и, кажется, оба академики, ничего общего у них нет.

А я вспомнил наши недавние горячие объятия, нахлынувшие на меня вдруг сентиментально-родственные чувства и стал хохотать, как не хохотал давно. Потом снова стал серьезен. Боюсь, до встречи с одним из Никит. С любимым.

ПРОЗА

Алексей Толстой

ГАДЮКА

1

Когда появлялась Ольга Вячеславовна, в ситцевом халатике, непричесанная и мрачная, – на кухне все замолкали, только хозяйственно прочищенные, полные керосина и скрытой ярости, шипели примусы. От Ольги Вячеславовны исходила какая-то опасность. Один из жильцов сказал про нее:

– Бывают такие стервы со взведенным курком... От них подальше, голубчики...

С кружкой и зубной щеткой, подпоясанная мохнатым полотенцем, Ольга Вячеславовна подходила к раковине и мылась, окатывая из-под крана темноволосую стриженую голову. Когда на кухне бывали только женщины, она спускала до пояса халат и мыла плечи, едва развитые, как у подростка, груди с коричневыми сосками. Встав на табуретку, мыла красивые и сильные ноги. Тогда можно было увидеть на ляжке у нее длинный поперечный рубец, на спине, выше лопатки, розово-блестящее углубление – выходной след пули, на правой руке у плеча – небольшую синеватую татуировку. Тело у нее было стройное, смуглое, золотистого оттенка.

Все эти подробности хорошо были изучены женщинами, населявшими одну из многочисленных квартир большого дома в Зарядье. Портниха Марья Афанасьевна, всеми печенками ненавидевшая Ольгу Вячеславовну, называла ее «клеяменная». Роза Абрамовна Безикович, безработная, – муж ее проживал в сибирских тундрах, – буквально чувствовала себя худо при виде Ольги Вячеславовны. Третья женщина, Соня Варенцова, или, как ее все звали, Лялочка, – премиленькая девица, служившая в Махорочном тресте, – уходила из кухни, заслышав шаги Ольги Вячеславовны, бросала гудевший примус... И хорошо, что к ней симпатично относились и Марья Афанасьевна и Роза Абрамовна, – иначе бы кушать Лялочке чуть не каждый день пригоревшую кашку.

Вымывшись, Ольга Вячеславовна взглядывала на женщин темными, «дикими» глазами и уходила к себе в комнату в конце коридора. Примуса у нее не было, и как она питалась поутру – в квартире не понимали. Жилец Владимир Львович Понизовский, бывший офицер, теперь посредник по купле-продаже антиквариата, уверял, что Ольга Вячеславовна поутру пьет шестидесятиградусный коньяк. Все могло стать. Вернее – примус у нее был, но она от человеконенавистничества пользовалась им у себя в комнате, покуда распоряжением правления жилтоварищества это не было запрещено. Управдом Журавлев, пригрозив Ольге Вячеславовне судом и выселением, если еще повторится это «антипожарное безобразие», едва не был убит: она швырнула в него горящим примусом, – хорошо, что он увернулся, – и «покрыла матом», какого он отродясь не слышал даже и в праздник на улице. Конечно, керосинка пропала.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

В половине десятого Ольга Вячеславовна уходила. По дороге, вероятно, покупала бутерброд с какой-нибудь «собачьей радостью» и пила чай на службе. Возвращалась в неопределенное время. Мужчины у нее никогда не бывали.

Осмотр ее комнаты в замочную скважину не удовлетворял любопытства: голые стены – ни фотографий, ни открыток, только револьверчик над кроватью. Мебели – пять предметов: два стула, комод, железная койка и стол у окна. В комнате иногда бывало прибрано, шторка на окне поднята, зеркальце, гребень, два-три пузырька в порядке на облупленном комоде, на столе стопка книг и даже какой-нибудь цветок в полубутылке из-под сливок. Иногда же до ночи все находилось в кошмарнейшем беспорядке: на постели, казалось, бились и метались, весь пол в окурках, посреди комнаты – горшок. Роза Абрамовна охала слабым голосом:

– Это какой-то демобилизованный солдат; ну разве это женщина?

Жилец Петр Семенович Морш, служащий из Медснабторга, холостяк с установившимися привычками, однажды посоветовал, хихикая и блестя черепом, выкурить Ольгу Вячеславовну при помощи вдутья через бумажную трубку в замочную скважину граммов десяти йодоформу: «Живое существо не может вынести атмосферы, отравленной йодоформом». Но этот план не был приведен в исполнение – побоялись.

Так или иначе, Ольга Вячеславовна была предметом ежедневных пересудов, у жильцов закипали мелкие страсти, и не будь ее – в квартире, пожалуй, стало бы совсем скучно. Все же в глубь ее жизни ни один любопытный глаз проникнуть не мог. Даже постоянный трепет перед ней безобиднейшей Сонечки Варенцовой оставался тайной.

Лялечку допрашивали, она трясла кудрями, путала что-то, сбивалась на мелочи. Лялечке, если бы не носик, быть бы давно звездой экрана. «В Париже из вашего носа, – говорила ей Роза Абрамовна, – сделают конфету... Да вот, поедешь тут в Париж, ах, бог мой!..» На это Соня Варенцова только усмехалась, розовели щеки, жадной мечтой подергивались голубые глазки... Петр Семенович Морш выразился про нее: «Ничего девочка, но дура...» Неправда! Лялечкина сила и была в том, чтобы казаться дурой, и то, что в девятнадцать лет она так безошибочно нашла свой стиль, указывало на ее скрытый и практический ум. Она очень нравилась пожилым, переутомленным работой мужчинам, ответственным работникам, хозяйственникам. Она возбуждала из забытых глубин души улыбку нежности. Ее хотелось взять на колени и, раскачиваясь, забыть грохот и вонь города, цифры и бумажный шелест канцелярии. Когда она, платочком вытерев носик, пряменько садилась за пишущую машинку, в угрюмых помещениях Махорочного треста на грязных обоях расцветала весна. Все это ей было хорошо известно. Она была безобидна; и действительно, если Ольга Вячеславовна ненавидела ее, значит тут скрывалась какая-то тайна...

В воскресенье, в половине девятого, как обычно, скрипнула дверь в конце коридора, Соня Варенцова уронила блюдечко, тихо ахнула и помчалась из кухни. Было слышно, как она затворилась на ключ и всхлипнула. В кухню вошла Ольга Вячеславовна. У рта ее, сжатого плотно, лежали две морщинки, высокие брови сдвинуты, цыганское худое лицо казалось больным. Полотенце изо всей силы стянуто на талии, тонкой, как у осы. Не поднимая ресниц, она открыла кран и стала мыться – набрызгала лужу на полу... «А кто будет подтирать? Мордой вот сунуть, чтобы подтерла», – хотела сказать и промолчала Марья Афанасьевна.

Вытерев мокрые волосы, Ольга Вячеславовна окинула темным взглядом кухню, женщин, вошедшего в это время с черного хода низенького Петра Семеновича Морша с куском ситного в руках, бутылкой молока и отвратительной, вечно дрожащей собачонкой. Сухие губы у него ядовито усмехнулись. Горбоносый, похожий на птицу, с полуседой бородкой и большими желтыми зубами, он воплощал в себе ничем не поколебимое «тэкс, тэкс, поживем – увидим...».

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Он любил приносить дурные вести. На кривых ногах его болтались грязнейшие панталоны, надеваемые им по утренним делам.

Затем Ольга Вячеславовна издала странный звук горлом, будто все переполнявшее ее вырвалось в этот не то клекот, не то обрывок горестного смеха.

– Черт знает что такое, – проговорила она низким голосом, перемахнула через плечо полотенце и ушла. У Петра Семеновича на пергаментном лице проступила удовлетворенная усмешечка.

– У нашего управдома с перепою внезапно открылось рвение к чистоте, сказал он, спуская на пол собачку. – Стоит внизу лестницы и утверждает, что лестница загажена моей собакой. «Это, – он говорит, – ее кало. Если ваша собака будет продолжать эти выступления на лестнице – возбужу судебное преследование». Я говорю: «Вы не правы, Журавлев, это не ее кало...» И так мы спорили, вместо того чтобы ему мести лестницу, а мне идти на службу. Такова русская действительность...

В это время в конце коридора опять послышалось: «Ах, это черт знает что!» – и хлопнула дверь. Женщины на кухне переглянулись. Петр Семенович ушел кушать чай и менять домашние брюки на воскресные. Часы-ходики на кухне показывали девять.

В девять часов вечера в отделение милиции стремительно вошла женщина. Коричневая шапочка в виде шлема была надвинута у нее на глаза, высокий воротник пальто закрывал шею и подбородок; часть лица, которую можно было рассмотреть, казалась покрытой белой пудрой. Начальник отделения, вглядываясь, обнаружил, что это не пудра, а бледность, – в лице ее не было ни кровинки. Прижав грудь к краю закапанного чернилами стола, женщина сказала тихо, с каким-то раздирающим отчаянием:

– Идите на Псковский переулок... Там я натворила... и сама не знаю что... Я сейчас должна умереть...

Только в эту минуту начальник отделения заметил в ее посиневшем кулаке маленький револьвер – велодок. Начальник отделения перекинулся через стол, схватил женщину за кисть руки и вырвал опасную игрушку.

– А имеется у вас разрешение на ношение оружия? – для чего-то крикнул он. Женщина, закинув голову, так как ей мешала шляпа, продолжала бессмысленно глядеть на него. – Ваше имя, фамилия, адрес? – спросил он ее спокойнее.

– Ольга Вячеславовна Зотова...

2

Десять лет тому назад в Казани загорелся среди бела дня на Проломной дом купца второй гильдии, старообрядца Вячеслава Илларионовича Зотова. Пожарные обнаружили в первом этаже два трупа, связанные электрическими проводами: самого Зотова и его жены, и наверху – бесчувственное тело их дочери Ольги Вячеславовны, семнадцатилетней девицы, гимназистки. Ночная рубашка на ней была в клочьях, руки и шея изодраны ногтями; все вокруг указывало на отчаянную борьбу. Но бандиты, по-видимому, не справились с ней или, торопясь уходить, только пристукнули здесь же валявшейся гирькой на ремешке.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Дом отстоять не удалось, все зотовское имущество сгорело дотла. Ольгу Вячеславовну отнесли в госпиталь, ей пришлось вправить плечо, зашить кожу на голове. Несколько дней она пролежала без сознания. Первым впечатлением ее была боль, когда меняли повязку. Она увидела сидевшего на койке военного врача с добрыми очками. Тронутый ее красотой, доктор зашикал на нее, чтобы она не шевелилась. Она протянула к нему руку:

– Доктор, какие звери! – и залилась слезами. Через несколько дней она сказала ему:

– Двоих не знаю – какие-то были в шинелях... Третьего знаю. Танцевала с ним... Валька, гимназист... Я слышала, как они убивали папу и маму... Хрустели кости... Доктор, зачем это было! Какие звери!

– Шш, шш, – испуганно шипел доктор, и глаза его были влажны за очками.

Олечку Зотову никто не навещал в госпитале – не такое было время, не до того: Россию раздирали гражданская война, прочное житее трещало и разваливалось, неистовой яростью дышали слова декретов – белых афишек, пестревших всюду, куда ни покосись прохожий. Олечке оставалось только плакать целыми днями от нестерпимой жалости (в ушах так и стоял страшный крик отца: «Не надо!», звериный вопль матери, никогда в жизни так не кричавшей), от страха – как теперь жить, от отчаяния перед этим неизвестным, что гремит и кричит и стреляет по ночам за окнами госпиталя.

За эти дни она, должно быть, выплакала все слезы, отпущенные ей на жизнь. Оборвалась ее беспечальная, бездумная молодость. Душа покрылась рубцами, как заживленная рана. Она еще не знала, сколько таилось в ней мрачных и страстных сил.

Однажды в коридоре на лавку рядом с ней сел человек с подвязанной рукой. Он был в больничном халате, подштанниках и шлепанцах, и все же горячее, веселое здоровье шло от него, как от железной печки. Едва слышно он насвистывал «Яблочко», пристукивая голыми пятками. Серые ястребиные глаза его не раз перекатывались в сторону красивой девушки. Загорелое широкое лицо, покрытое на скулах никогда не бритой бородкой, выражало беспечность и даже лень, только жестки, жестоки были ястребиные глаза.

– Из венерического? – спросил он равнодушно. Олечка не поняла, потом вся залилась возмущением:

– Меня убивали, да не убили, вот почему я здесь. – Она отодвинулась, задышала, раздувая ноздри.

– Ах ты батюшки, вот так приключение! Должно быть, было за что. Или так – бандиты? А?

Олечка уставилась на него: как он мог так спрашивать, точно о самом обыкновенном, ради скуки...

– Да вы не слыхали, что ли, про нас? Зотовы, на Проломной?

– А, вот оно что! Помню... Ну, вы бой-девка, знаете, – не поддались... (Он наморщил лоб.)

Этот народ надо в огне жечь, в котле кипятить, разве тогда чего-нибудь добьемся... Столько этого гнусного элемента вылезло – больше, чем мы думали, – руками разводим.

Бедствие. (Холодные глаза его оглянули Олечку.) Вот вы, конечно, революцию только так воспринимаете, через это насилие... А жалко. Сами-то из старообрядцев? В Бога верите? Ничего, это обойдется. (Он кулаком постучал о ручку дивана.) Вот во что надо верить – в борьбу.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Олечка хотела ответить ему что-нибудь злое, безусловно справедливое, ото всей своей зотовской разоренности; но под его насмешливо-ожидаящим взглядом все мысли поднялись и опали, не дойдя до языка.

Он сказал:

– То-то... А – горяча лошадка! Хороших русских кровей, с цыганщинкой... А то прожила бы как все, – жизнь просмотрела в окошко из-за фикуса... Скука.

– А это – веселее, что сейчас?

– А то не весело? Надо когда-нибудь ведь и погулять, не все же на счетах щелкать... Олечка опять возмутилась, и опять ничего не сказало, – передернула плечами: уж очень он был уверен... Только проворчала:

– Город весь разорили, всю Россию нашу разорите, бесстыдники...

– Эка штука – Россия... По всему миру собираемся на конях пройти... Кони с цепи сорвались, разве только у океана остановимся... Хочешь не хочешь – гуляй с нами.

Наклонившись к ней, он оскалится, диким весельем блеснули его зубы. У Олечки закружилась голова, будто когда-то она уже слышала такие слова, помнила этот оскал белых зубов, будто память вставала из тьмы ее крови, стародавние голоса поколений закричали:

«На коней, гуляй, душа!..» Закружилась голова – и опять: сидит человек в халате с подвязанной рукой... Только – горячо стало сердцу, тревожно, – чем-то этот сероглазый стал близок... Она насупилась, отодвинулась в конец скамейки. А он, насвистывая, опять стал притопывать пяткой...

Разговор был короткий – скуки ради в больничном коридоре. Человек посвистал и ушел. Ольга Вячеславовна даже имени его не узнала. Но когда на другой день она опять села на ту же скамейку, и оглянулась в глубь душного коридора, и старательно перебирала в мыслях, что ей нужно высказать убедительное, очень умное, чтобы сбить с него самоуверенность, и он все не шел, – вместо него ковыляли какие-то на костылях, – вдруг ей стало ясно, что она ужасно взволнована вчерашней встречей.

После этого она ждала, быть может, всего еще минутку, – слезы навернулись от обиды, что вот ждет, а ему и дела мало... Ушла, легла на койку, стала думать про него самое несправедливое, что только могло взбрести в голову. Но чем же, чем он взволновал ее?

Сильнее обиды мучило любопытство – хоть мельком еще взглянуть: да какой же он? Да и нет ничего в нем... Миллион таких дураков... Большевик, конечно... Разбойник... А глаза-то, глаза – наглые... И мучила девичья гордость: о таком весь день думать! Из-за такого сжимать пальцы!..

Ночью весь госпиталь был разбужен. Бегали доктора, санитары, волокли узлы. Сидели на койках испуганные больные. За окнами гремели колеса, раскатывалась бешеная ругань. В Казань входили чехи. Красные эвакуировались. Все, кто мог уйти, покинули госпиталь, Ольга Вячеславовна осталась, про нее не вспомнили.

На рассвете в больничном коридоре громыхали прикладами грудастые, чисто, по-заграничному, одетые чехи. Кого-то волокли, – срывающийся голос помощника заведующего завопил: «Я подневольный, я не большевик... Пустите, куда вы меня?..» Двое паралитиков подползли к окошку, выходящему во двор, сообщили шепотом: «В сарай повели вешать сердешного...»

Ольга Вячеславовна оделась, – на ней было казенное серенькое платье, – бинт на голове прикрыла белой косынкой. Над городом плыл праздничный звон колоколов. Занималась заря. Слышалась – то громче, то замирая – военная музыка входящих полков. Вдали за Волгой раскатывался удаляющийся гром пушек.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Ольга Вячеславовна вышла из палаты. На завороте в коридоре ее остановил патруль – два на низком ходу усатых чеха, пршикая и шипя, потребовали, чтобы она вернулась. «Я не пленница, я русская», – сверкая глазами, крикнула им Ольга Вячеславовна. Они засмеялись, протянули руки ущипнуть за щеку, за подбородок... Но не лезть же ей было грудью на два лезвия опущенных штыков. Она вернулась, раздувая ноздри, села на койку, от мелкой дрожи постукивала зубами.

Утром больные не получили чаю, начался ропот. В обеденный час чехи взяли пять человек ампутированных красноармейцев. Паралитики у окна сообщили, что сердешных повели в сарай. Затем в палату вошел русский офицер, высоко подтянутый ремнем, в широких, как крылья летучей мыши, галифе. Больные потянули на себя одеяла. Он оглядел койки, прищуренные глаза его остановились на Ольге Вячеславовне. «Зотова? – спросил он. Следуйте за мной...» Он точно летел на крыльях галифе, звонкие шпоры его наполняли чоканьем пустоту коридора.

Нужно было проходить через двор. В это время из подъезда, куда ее вели, вышел кудрявый юноша в русской вышитой рубашке, как-то мимолетом, надевая картуз, взглянул на нее и поторопился к воротам... Ольга Вячеславовна споткнулась... Ей показалось... Нет, этого не могло быть...

Она вошла в приемную и села у стола, глядя на военного с длинным, искривленным, как в дурном зеркале, лицом. Глядел и он на нее разноглазыми глазами.

– И вам не стыдно, дочери уважаемого в городе человека, интеллигентной девушке, связаться со сволочью? – услышала она его укоризненный голос, презрительно налегающий на гласные.

Она сделала усилие понять – что он говорит. Какая-то настойчивая мысль мешала ей сосредоточиться. Вздохнув, она сжала руки на коленях и принялась рассказывать все, что с ней случилось. Офицер медленно курил, навалившись на локоть. Она кончила. Он перевернул лист бумаги, – под ней лежала карандашная записочка.

– Наши сведения не совсем совпадают, – сказал он, задумчиво морща лоб. – Хотелось бы услышать от вас кое-что о вашей связи с местной организацией большевиков. Что? – Угол рта его пополз вверх, брови перекривились.

Ольга Вячеславовна со страхом наблюдала ужасающую асимметрию его чисто выбритого лица.

– Да вы... Я не понимаю... Вы с ума сошли...

– К сожалению, у нас имеются неопровержимые данные, как это ни странно. (Он держал папиросу на отлете, покачиваясь, пустил струйку дыма нельзя было придумать ничего более салонного, чем этот человек.) Ваша искренность подкупает... (Колечко дыма.) Будьте же искренни до конца, дорогая... Кстати: ваши друзья, красноармейцы, умерли героями. (Один пегий глаз его устремился куда-то в окно, откуда видны ворота сарая.) Итак, мы продолжаем молчать? Ну что ж...

Взявшись за ручки кресла, он обернулся к чехам:

– Битте, прощу...

Чехи подскочили, приподняли Ольгу Вячеславовну со стула, провели по ее бокам, по груди, удовлетворенно поводя усами, – щупали, искали под юбкой карманы. Он глядел,

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

приподнявшись, расширив разные глаза. Ольга Вячеславовна задохнулась. Румянец, пожар крови залил ее щеки. Вырвалась, вскрикнула...

– В тюрьму! – приказал офицер.

Два месяца Ольга Вячеславовна просидела в тюрьме, сначала в общей камере, потом в одиночке. В первые дни она едва не сошла с ума от навязчивой мысли о воротах сарая, припертых доской. Она не могла спать: во сне ее горло опутывалось веревкой.

Ее не допрашивали, никто ее не вызывал, о ней точно забыли. Понемногу она начала размышлять. И вдруг точно книга раскрылась перед ней: все стало ясно. Тот, кудрявый, в вышитой рубашке, был действительно Валька, убийца: она не ошиблась... Боясь, что она донесет, он поторопился оговорить ее: карандашная записочка была его доносом...

Карл Гауптман. Альпийские пейзажи

ПРОЗА

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

ТОМОЧКА

– Нет, – решительно сказала моя дочь Ксюша и, вытащив упаковку бледного зефира из тележки с продуктами, заменила ее на коробку конфет. – Томочка просила «Вдохновение», это же для Илюши! – Ксю посмотрела на меня с укоризной. Ей было десять.

Спорить не было смысла: по гамбургскому счету, они с Томочкой – моей мамой и Ксюшиной бабушкой – были правы. А я нет. И мы купили «Вдохновение».

Илья появился в нашей семье год назад. И его я ожидала меньше всего.

В тот день я, как обычно, приехала к маме к обеду. Сиделка Гуля смотрела в телевизор и на чужом языке болтала по телефону. Мама лежала под красным пледом, обиженно отвернувшись к стене. Перенеся микроинсульт, она, слава богу, быстро восстанавливалась, хотя врачи, ссылаясь на преклонный возраст, давали противоречивые прогнозы. Мы с Ксю старались об этом не думать, вернее старалась я, а юная Ксю, естественно, думала вообще о другом.

А мама уже сама садилась и даже с поддержкой перемещалась по комнате, к ней вернулась память и, увы, ее непростой характер – обидчивый и требовательный, хотя об этом, наверное, не следует упоминать. Говорят, под старость обостряются некоторые черты характера: щедрый становится транжирой; расчетливый превращается в скрягу; впечатлительный тонет в тревогах и страхах, а подозрительный и капризный... Словом, не стоит ко всему относиться всерьез и принимать близко к сердцу. Наверное, кто-то это умеет.

Так вот, когда Гуля радостно схватила рюкзачок и выпорхнула из квартиры, я устроила маму в кресле на балконе, а сама занялась покупками.

Стоял теплый май, и в воздухе – под щебетанье птиц и при свежем запахе молодой листвы – царило предвкушение новой жизни. Большое окно с балконом как раз выходило в сквер со старыми раскидистыми вязами. Когда-то наш район считался новостройкой, теперь же, по прошествии сорока лет, новостройка превратилась в добротный московский район, не такой уж далекий от центра, а дом посolidнел от времени и приобрел значимость.

Разобрав сумки, я вернулась в комнату и нашла маму на балконе. Она стояла в неловкой позе, напряженно схватившись за перила, и пристально вглядывалась во что-то в глубине сквера.

– Все нормально? – я коснулась ее локтя, невольно желая вернуть маму в безопасное кресло.

Мама ответила не сразу, повернулась, взглянула отстраненно.

– Конечно, – наконец сказала она и, нахмурившись, отвернулась. – Что может быть со мной ненормального?

– Давай потихоньку сядем, – снова попыталась я, но мать со свойственной ей категоричностью оттолкнула мою руку: «Сама!» – и тяжело опустилась в кресло.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Через день все повторилось. И потом еще – через неделю, и еще. Каждый раз, независимо от того, сидела мать на балконе или, когда шел дождь, просто смотрела в окно, она с удивительным упорством что-то внимательно высматривала в сквере. Нет, это не был спокойный рассеянный или задумчивый взгляд больного человека, нет. В ее взгляде была какая-то чрезвычайная заинтересованность, граничащая с удивлением и восторгом от того, что она видела что-то особенное. Иногда она даже что-то приговаривала, похожее на «Странно» и «Не может быть», а иногда «Наконец-то».

Неугомонная Ксю, всякий раз во время наших визитов крутившаяся рядом с больной бабушкой, никаких вопросов ей не задавала, просто сидела тихонечко рядом и точно также с огромным интересом наблюдала за тем же, за чем наблюдала и моя мать. Я пыталась понять, куда же они смотрят, но там, куда они смотрели, я не видела ничего привлекающего внимание: полупустынный сквер, усталые мамы с колясками, старые вязы, гравийные дорожки, лавочки, голуби – ровным счетом ничего интересного. На все мои расспросы и попытки разглядеть то же, что и они, мама всякий раз отмахивалась, кривясь в знакомой усмешке: «Тебе ли меня понять!», а Ксю хмурилась: «Не мешай!», становясь в эти минуты очень похожей на молодую Томочку. Казалось, в силу родственной общности, Ксю с Томочкой видели то, чего не видела я, они были заодно, но делиться своими наблюдениями не собирались. Мне было обидно.

– Слушайте, девушки, – наконец не выдержала я, – это просто нечестно! Давайте рассказывайте, что вы там разглядываете?

И они сдались. В мою сторону повернулись две головы, старая и юная, и неожиданно Ксю сказала:

– Посмотри вон на ту лавочку, прямо, что на солнышке. Никого там не видишь?

Я прищурилась и посмотрела. Лавочка показалась мне пустой.

– Нет, – сказала я, – не вижу.

– Я же говорила, – мама с досадой хмыкнула.

– Смотри внимательно! – приказала Ксю и, как полководец, выбросила вперед маленькую руку с прямым указательным пальчиком.

Я не поленилась надеть очки и даже чуть подалась вперед через балконные перила, но увидела только все ту же лавку и старую парковую урну. Урна внушительных размеров, сохранившаяся еще с советских времен и потемневшая от времени, была бетонной, со сколотой, а потому еле заметной цветочной лепниной. Лавка из тех же времен, в стиле ампира – крепкая, добротная, с чугунными боковинами, – таких много в московских парках и скверах; такая же, как те, мимо которых мы с Ксю каждый раз проходили по дороге от метро к маминному дому.

– Это бесполезно, – вынесла вердикт мама. – Он черт-те сколько уже сидит там, а она его не видит.

Под «она» подразумевалась я, а вот кто подразумевался под «он», сказать было сложно, поскольку я, очевидно, не обладала особыми зрительными способностями, присущими моим родственникам.

– Надо что-то делать, – мама решительно взялась за подлокотники кресла и попыталась встать.

Я рассердилась:

– Что за глупости? Там никого нет. Это просто тени.

– Мама, – вмешалась Ксю безапелляционным голосом Томочки, – этот старый человек очень милый и сидит там уже давно – и в солнце, и в дождь – и смотрит в нашу сторону. А мы даже не знаем, кто он. А может быть, ему нужна помощь, или он голоден, или...

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

– Или он просто хочет со мной повидаться, – тихо закончила моя мама.

Их благие намерения почему-то раздражали. Похоже, они просто решили пошутить.

– И все же я не понимаю, почему вы его видите, а я нет, – возмутилась я через пару дней, когда все в точности повторилось и уже не казалось смешным. А для себя решила: галлюцинации, и запланировала позвонить маминому врачу. Смущало лишь участие Ксю во всей этой выдумке.

– Я на минутку! – воскликнула моя дочь и выбежала в коридор, за дверь и вниз по лестнице.

– Ксю! – только и успела я крикнуть ей в след и с возмущением посмотрела на мать. – Опять этот твой эгоизм! Вот куда она побежала?

– Пусть бежит. А бежит она куда надо. Пусть у него все узнает и пригласит к нам. Может быть, ему негде жить!

Я только всплеснула руками:

– Бомж! Еще этого не хватало! Таких бомжей повсюду полно, не всех же к себе звать! А вдруг он вор или маньяк! Высматривает, кто живет в этой квартире! – предположила я, но осеклась, поймав на себе пронизывающий Томочкин взгляд. Надо же! Значит, я все же допустила, что на лавочке кто-то был?

Я растерянно посмотрела в окно – туда, где должен был сидеть незнакомец. Но лавочка, увы, по-прежнему была пуста, хотя на долю секунды мне показалось, что на ней что-то шевельнулось, качнулось и даже встало во весь рост. Солнце скрылось, и очертания лавки проявились, стали четкими. Высокий широкоплечий прохожий приостановился, чтобы выбросить что-то в урну.

Под балконом мелькнуло белое платье моей дочери, скрывшейся в подъезде. А через пару минут, влетая в комнату, запыхавшаяся Ксю радостно сообщила:

– Томочка! Его зовут Илья!

К семи Гуля вернулась. Мы шли через сквер к метро. Было еще светло, гравий приятно шуршал под ногами, а впереди было... лето! Поравнявшись с массивной лавкой – именно той, на которой якобы обитал Томочкин и Ксюшин «друг», – я достала из кармана и выбросила в ампирную урну скомканную салфетку, почему-то испытал при этом предательское чувство удовлетворения.

– Послушай, Ксю, – сказала я, – вот зачем ты нашей Томочке голову морочишь? Ей и так нелегко приходится. Врачи предупредили, что могут быть провалы в памяти, временные смещения, путаница и галлюцинации, а ты еще какого-то Илью придумала. Зачем?

– Мам, ты не понимаешь. Это же действительно был Илья. Дядя Илюша... И передавал Томочке привет, – и Ксю заговорщически добавила: – Но к нам он прийти не может. Будет сидеть там и смотреть в нашу сторону.

«Точно маньяк!» – решила я и с досадой махнула рукой: эх, что старый, что малый.

День закрутил в суете и делах – на работе начался новый проект, нужны были свежие решения, – и утренняя история ушла на второй план. Но к вечеру я вспомнила нелепую Ксюшину выходку и задумалась. А ведь удивительное совпадение: почему именно это имя пришло моей Ксю в голову?

Илья Николаевич, Илюша, был маминым однокурсником. Учились оба в МАИ на факультете материаловедения и технологий материалов и питали друг к другу сильную юношескую симпатию. История банальная, почти хрестоматийная. Познакомились на вступительных экзаменах, попали в один поток, Илья сразу влюбился в белокурую Тamarу,

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

начал за ней ухаживать – после занятий провожал домой, помогал готовиться к сложным экзаменам, читал стихи, дарил цветы, конфеты, покупал билеты в кино. А хохотушка Томочка с радостью принимала его ухаживания, да и кто устоял бы, Илья – парень хоть куда: умный, веселый, член институтской сборной по волейболу. И все, может быть, сложилось бы у Илюши с Томочкой, если бы после пятого курса Илюшу не направили по распределению в Туркмению – инженером на завод. Томочка вслед за Илюшей в Туркмению не поехала, да и распределили Томочку, после отцовского визита к декану, на предприятие в Московской области. Илюша, конечно, писал письма, звонил, звал к себе, Томочка радовалась, даже однажды, вопреки правилам (в то время после института надо было отработать три года на одном предприятии), решилась уволиться и собрала чемодан, но потом плакала, чемодан распаковывала и писала Илюше письма с объяснениями и разными обещаниями. Так длилось полгода, а потом Томочка вышла замуж за красавца-сына родительских друзей, который очень быстро получил позицию в торгпредстве одной из стран социалистического содружества и увез ее за границу, положив конец всем Томочкиным метаниям и Илюшиным надеждам.

Этим представителем торгпредства и был мой отец, а мама получилась женой представителя, вкусив постепенно все прелести заграничной жизни. В какой-то момент жизнь эта коснулась и меня: при торгпредстве я ходила в детский сад, а позже – в начальную и среднюю школу. Конечно, вернувшись в Москву, мы жили хорошо – имели многое из того, чего у других тогда не было. Папа ездил на большой машине с водителем, носил дорогие очки и хорошие костюмы. У мамы были свои портниха и стоматолог, к которым она устраивала по знакомству немногочисленных подруг. А я ходила в лучшую в столице спецшколу и носила модные шмотки... Эх, голубые «левисы», болгарская дубленка были тогда предметами особой гордости. Все было замечательно... или мне так казалось, пока однажды не случилось непоправимое. Папа завел молодую и прыткую любовницу. Она умела говорить вкрадчивым голосом и обещала неземные сексуальные наслаждения, поэтому папа безоговорочно капитулировал и оставил семью, то есть нас с мамой, одним махом лишив всех уверенности в завтрашнем дне. Квартиру разменяли, мама переехала в однушку в новостройке, а я... Мне тогда было уже двадцать три, и я успела побывать чуть-чуть замужем и развестись, приобретя в качестве бонуса маленькую Ксю, о чем сейчас не жалею, а тогда такой уверенности не было. В разменянной квартире я жить не стала, а решила снимать крохотную комнату – все лучше, чем тесниться в однушке с ребенком и моей матерью.

Папа нам помогал. Сначала активно, а потом все реже и реже, и маме в конце концов пришлось выйти на работу. Это обстоятельно ее доконало. Представьте женщину, которая большую часть жизни прожила в роли блистательной жены, занимаясь только представительскими вопросами, и вдруг жизнь заставила ее думать о земных, бытовых проблемах. Думать у нее получалось плохо, так как работать по специальности она уже не могла – знания, полученные на факультете материаловедения были безвозвратно утрачены, и мама устроилась в регистратуру районной поликлиники, где могла отыграть за свою покалеченную жизнь на безликих посетителях, требующих свои постоянно теряющиеся медицинские карточки. К тому времени я уже работала, перебралась из съемной комнаты в съемную квартиру, таскала Ксю в детсад, как-то помогала маме, хотя всегда думала, что помогать будут мне. Ошиблась.

Папина жизнь сложилась тоже на удивление несладко: его надежды на сказку не оправдались и, наверное, как следствие, он начал пить. Думаю, и надежды его новой жены на роскошную жизнь тоже быстро рухнули: женщиной она оказалась требовательной и нетерпеливой.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

О папиной жизни мы знали не понаслышке. Он к нам частенько наведывался, пьяный, неухоженный, в несвежей куртке и грязной обуви. Делился своими горестями, рассказывал про скандалы и клянчил у мамы деньги, чтобы покрыть бесконечные долги. Однажды он умудрился стащить мамино дорогое кольцо, в котором она в лучшие времена дефилировала на приемах, а позже спрятала на черный день. Мама была так потрясена папиным поступком, что неделю лежала под одеялом и делала вид, что еще спит и все это сон.

Вот такая неприглядная история... Говорят, бывает и хуже.

Но папа приходил и после этой истории и снова что-то просил, но теперь мать уже его в дом не пускала. Но он все равно стоял за дверью и что-то бормотал, а она его гнала и после его ухода еще долго ругалась, громко переставляя дрожащими руками посуду, а в финале всегда зачем-то язвительно выкрикивала:

– И все это, доченька, из-за тебя. Вот если бы ты не вышла без нашего с отцом согласия замуж... Вот если бы без нашего ведома не развелась... Вот если бы не завела ребенка... Если бы была умной и успешной... Вот если бы не трепала отцу нервы и не портила ему репутацию со своим непутевым музыкантом... Вот если бы упала на колени и молила его не бросать нас, то он бы нас не бросил... и жили бы мы...

Короче, во всех бедах почему-то оказалась виновата я, наверное, это и было мое предназначение. Поначалу я возражала и пыталась спорить, но потом перестала, так как часть правды в маминых словах была, и постепенно чувство вины, как осиновый кол, было накрепко вбито мне в самое сердце. Я понимала, что теперь никогда не смогу эту вину искупить и получить материнское прощение. Да и ладно. Я ее все равно любила.

А потом появился Илья Николаевич, Илюша, тот самый однокурсник из прошлого. Свалился как снег на голову – точь-в-точь, как в советских радужных фильмах: «Эх, Тома, нам ли быть в печали!» Илья Николаевич пришел в поликлинику проверить зрение, а там в регистратуре его встретила Томочка, в белом халате, но уже не такая веселая и не такая молодая, как раньше. Но он ее все равно узнал, несмотря на плохое зрение.

Постаревшая Томочка тоже его узнала – Илья мало изменился, был по-прежнему хоть куда, оптимистичен и весел, улыбочив и настойчив, но Томочка сделала вид, что не узнала:

– Гражданин, ваша карточка утеряна. Пройдите к пятому окошку, не задерживайте очередь! – рявкнула она, но Илью Николаевича это не испугало.

Радостно, с цветами встретил он свою долгожданную Томочку после работы, рассказал о себе, что, оказывается, живет неподалеку – в ведомственном доме, в котором получил квартиру после возвращения в Москву в перестроечные восьмидесятые. Сказал, что все это время проходил в холостяках и завидных женихах, менял женщин, таких и сяких, но такой, как Томочка, не встретил, а потому не женился. Так бывает. По-книжному.

Собственно, вот и вся история. Казалось бы, счастливый конец обеспечен: хватай, Тамара-Томочка, волшебную карту, исправляй ошибку юности и радуйся жизни – счастливая старость, любимый человек, самостоятельные, ненавязчивые дочка, внучка...

Но Томочка решила иначе. Решила, что Илья Петрович появился рядом с ней с недобрым умыслом и зловещим планом – завладеть ее имуществом, в особенности ее однушкой, чтобы там жить не для счастья с Томочкой, а чтобы в своей квартире встречаться с молодыми любовницами и дарить им украденные у Томочки остатки чешских украшений. Вот такие стали мучить Томочку-Тамару страхи и подозрения, вот насколько сильно, наверное, покалечил ее сознание мой отец.

На самом деле, думаю, Томочка, конечно, мечтала о счастье и любви, как все нормальные женщины, но внутри нее жила неукротимая разрушительная сила, которая мешала ей быть счастливой, не позволяла любить. Может быть, она так и не простила себя за то, что когда-то

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

бросила Илюшу, и теперь доказывала самой себе, что все сделала правильно. А может – «...я другому отдана и буду век ему верна», – ждала, что вернется папа и она опять станет женой сотрудника торгпредства. Не знаю. Разве мысли Томочки угадаешь?

Мы с Ильей Петровичем пытались ее переубедить, я доставала им билеты в театр, Илья приглашал Томочку в ресторан, возил на дачу к друзьям, дарил трогательные подарки, покупал продукты, собственными руками сделал ремонт в ее квартире. Он действительно хотел жить со своей Томочкой и поскорее наверстать упущенное время, хотел, чтобы мы с Ксю не ютились в чужой квартире, не считали копейки, а переехали в освободившуюся квартиру и жили – им на радость – рядом. Именно последнее обстоятельство особенно пугало маму: со свойственной ей подозрительностью она считала, что и я в сговоре с бедным Ильей Петровичем, имея свой козырный интерес. Логично.

Все усилия Ильи Петровича были тщетны. От расстройства у него скакало давление и окончательно село зрение, а потом он умер. Неожиданно. Наверное, сердце, что еще говорят в таких случаях? Его нашли утром прохожие на лавочке в нашем сквере, а о случившемся рассказали соседи, когда уже спустя неделю я не выдержала и пошла к нему домой, чтобы узнать, куда он пропал и почему не отвечает на Томочкины звонки.

«Не смей ходить к нему, предательница! Хитрецы! Манипуляторы! Думаете, я поддамся на ваши уловки? Сам придет, когда потребуется!» – кричала мне вдогонку мама, но я ее уже почему-то не слушала.

Вернувшись с плохой новостью, я некоторое время мялась, а потом подошла неуклюже, словно идя по зыбкой топи, и попробовала начать:

– Мам... тут такое случилось... Он умер... соседи сказали... – и зачем-то пожала плечами, типа «Я тут ни при чем».

Мать внимательно на меня посмотрела, и, как актриса в театре, выдержав паузу, вдруг рассмеялась:

– Вот! – воскликнула она с какой-то отчаянной победоносностью в голосе. – Вот! Значит, правильно я думала! Ах каким хитрым оказался наш Илья Петрович! Какую историю о себе придумал, чтобы мы его пожалели! Соседей подговорил!

Я растерялась, моргнула и неожиданно для себя затараторила, что, да, действительно, я пошутила, что Томочка права-права-права, и что Илью Петровича срочно вызвали обратно в... Туркмению, восстанавливать старый завод... – ничего лучше я тогда не придумала. И еще: что он не хотел ее расстраивать, что обязательно будет звонить и писать ей, короче, строить планы.

– Ах как я была права! – кричала Томочка. – Чувствовала, что он мне голову морочит, тебе жилье обещал! Обманщик! Предатель! – мать просто кипела от возмущения. Наконец она скрылась на кухне и оттуда начала яростно греметь посудой. – Даже не попрощался! Не позвонил! Говорила тебе, глупая, он себе на уме! Не зря в холостяках всю жизнь проходил!

Мне хотелось, чтобы она разрыдалась, закричала от горя и боли, чтобы запричитала по-бабски, размазывая по щекам жгучие слезы, чтобы эти кастрюли и тарелки выскользнули из ее рук и разлетелись-разбились вдребезги, и тогда бы я смогла ее обнять и утешить, и сказала бы, что ее Илья Петрович никуда не уехал, что он всегда любил ее, и что такая жизнь... А потом мы бы сели и взяли за руки и я, ее дочь, наконец смогла бы поговорить с ней о нас самих.

Но этого не случилось, поэтому я просто вышла и закрыла за собой дверь.

Мама стремительно шла на поправку, хотя выходить на улицу врачи еще не разрешали. С Гулей мы расстались – мама уже сама по утрам уверенно вставала, завтракала и устраивалась у окна.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Наступила осень, и пожелтевшие листья старых вязов покорно сыпались на землю. Улыбаясь какой-то новой, мне незнакомой улыбкой, Томочка смотрела сквозь оголенные ветки деревьев туда, где рядом со скамейкой темнела амбирная урна, отдаленно напоминавшая ссутулившийся силуэт человека в темном пальто. Постепенно я привыкла к этому чудачеству, которое стало неотъемлемой частью нашей жизни, а потому с порога, не успев поставить сумки и размотать шарф, обычно спрашивала:

– Ну как сегодня твои дела? Что у Ильи нового?

– А, – по-юношески кокетливо махала рукой мама, – что может быть у него нового, одна работа на уме, чертежи, графики. Вот, слава богу, сегодня мне успел помахать, пробегая, и помчался дальше. Но обещал к вечеру появиться.

– Что ж, хорошо, – говорила я и вешала пальто на вешалку.

Раз в неделю, по просьбе мамы, мы с Ксю покупали для Ильи что-то сладкое. Мама внимательно, оценивающе рассматривала покупки:

– А, это... это хорошо, он это любит, передайте на обратной дороге – вон он сидит, ждет. Скажите, от меня, пусть порадует.

А иногда говорила:

– Нет, это не годится, он это не любит! Только расстраивать человека! Себе заберите!

Однажды она передала для Ильи сборник стихов Роберта Рождественского, сказала, что он очень любит его поэзию и даже подражает его манере писать. Затем – несколько институтских фотографий, где молодые Томочка с Илюшей на картошке в Тульской области.

Вечером мы шли с подарками и чуть задерживались у лавочки. Ксю протягивала в сторону урны мамины подарки, как бы говорила: «Вот, дядя Илья, это от Томочки!» А как иначе? Ведь наша Томочка стояла в ярко светящемся окне и зорко следила, чтобы мы все сделали правильно и ее подарки не попали чужим людям... А затем она изо всех сил махала нам «троим». И мы тоже махали ей руками и неловко прятали подарки в карманы пальто.

Наступила зима. Весь сквер стоял белый – и дорожки, и лавочки, и урны, – коммунальные службы еле успевали убирать снег. Томочка грустила, ей казалось, что Илья стал приходить реже.

– Что-то Илья не приходит, – жаловалась она и устало включала «Пусть говорят» на Первом канале.

А я ее успокаивала:

– Холодно же. На лавке не посидишь при минус пятнадцати.

И тогда Ксю сказала:

– Свяжи ему свитер, Томочка! Тогда он сможет сидеть на лавке и не мерзнуть!

Так придумала моя дочь, и Ксюшина мысль маме очень понравилась. Она тут же полезла в старый югославский комод, достала клубки разноцветной шерсти, привезенные из зарубежных поездок и странным образом уцелевшие за все эти годы, и принялась за дело.

А иногда дворники чистили снег... Или случались оттепели... И тогда лавочка появлялась вместе со своей бетонной напарницей и мама опять махала в их сторону рукой, но потом опять падал снег и Томочка с еще большим усердием работала спицами.

Наконец свитер был готов. Большой и цветастый.

– Вот, – сказала Томочка, аккуратно расправляя его на коленях, – все готово. Теперь можно и Илюшу к нам пригласить, не стыдно будет, подарим ему серьезный подарок, чтоб не мерз.

Мы с Ксю переглянулись.

– Отлично! – сказала моя дочь. – Так и сделаем. Я ему передам, хочешь?

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

– Конечно, – ответила мама и посмотрела на нас, словно приход Ильи был естественным делом. – Обязательно! И пусть приходит обязательно завтра. И обязательно утром. А то ждать целый день очень волнительно.

– Нас утром не будет, – встряла я, – может, к обеду?

– А зачем вы мне? – мама дернула плечами. – Это же *мой* гость.

Обсуждать было нечего – ситуация была виртуальной, а потому мы опять махали руками у заснеженной лавочки, а Томочкин силуэт в светящемся окне нам тоже махал, а после мы долго ехали домой и каждый думал о своем. Я – о зависшем и бесконечном проекте, а Ксю... не знаю. Давно забыла, о чем думают десятилетние девочки. Наверное, о предстоящих зимних каникулах.

Когда на следующий день мы приехали, комната была освещена косыми лучами холодного зимнего солнца, а Томочка тихо спала в своем кресле с улыбкой на лице. Как потом оказалось, она умерла во сне за час до нашего прихода. На столике рядом с креслом лежала записка:

«Все хорошо. Илья приходил. Свитер забрал. Мама».

Карл Гауптман. Альпийские пейзажи

ПРОЗА

Петр Образцов

(Москва)

Химик, переводчик, журналист и писатель. Кандидат химических наук. Автор более 40 статей в специальных научных журналах, более 2500 статей в таких изданиях, как «Известия», «Наука и жизнь», GEO, Paris Match, National Geographic и др., а также 24 научно-популярных и художественных книг.

Сын архитектора А. С. Образцова и внук народного артиста СССР С. В. Образцова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Отборочное жюри собралось в помещении редакции одного из наиболее толстых литературных журналов. В комнату бывшей дворницкой набилось человек пять-шесть всего, но дышать все равно было нечем. На столе грозно возвышалась стопка, нет – целая стопа прозаических произведений, присланных честолюбивыми авторами, мечтающими о дипломах в рамочке. Старшой жюри вздохнул и, метнув взгляд в сторону шкафчика с припасенной водкой и простецкой закуской, сообщил, что на каждого из членов жюри приходится примерно по двадцать рассказов, из которых надо оставить для дальнейшего купирования не более одного. Будучи потомственным гуманитарием и слабо разбираясь в натуральных числах, он что-то вспомнил и поправился: «А, нет, оставьте лучше два! Так будет лучше для рандомизации».

Это слово он прочел недавно в рецензии на собственную повесть «Не рано ли?» и запомнил как очень вкусное и явно ученое. Впрочем, надо отдать ему должное, в данном случае употребил он его правильно. Разумеется, чисто случайно, поскольку о том, что рандомизация и означает случайное распределение, он понятия, конечно, не имел. Более того, он почему-то даже гордился своим невежеством в любом из вопросов, помимо литературы, литературоведения и литературной критики. О его полном невежестве и в этих вопросах знали все остальные участники процесса.

В состав жюри из пяти человек, помимо лжекритика, входили два поэта и два прозаика. Тут придется объяснить, что работали-то все четверо на каких-то разных должностях в издательствах и на телевидении, а поэтами и прозаиками считались потому, что писали и даже печатали свои стихи и рассказы – разумеется, за свои собственные деньги или за ничтожные гонорары – в толстых-претолстых журналах. Соответственно и вид имели несколько обтёрханный, несмотря на то что один поэт был женского пола, а один прозаик – да, тоже пола женского. Если внимательно пересчитать половой состав жюри, что в состоянии был бы сделать даже и старшой, то можно увидеть, что перевес был на мужской стороне. Впрочем, наличие двух дам хоть как-то скрашивало унылое действо с участием второсортных литераторов.

Прозаические произведения были поданы на конкурс, посвященный знаменитому русскому писателю начала XX века. Писатель прославился не своими столь же второсортными произведениями, а в основном причудами биографии. Во-первых, он спал с еще несовершеннолетней Цветаевой. Во-вторых, по собственному признанию, спал с ее будущим мужем Эфроном. В-третьих и в-двадцатых, он руководил восстанием просто татар против

крымских татар, сидел в одной камере одесской тюрьмы с Котовским, который и выбил ему один из передних зубов, что придавало писателю особый шарм, а также был лично знаком со Сталиным, ласково называвшим писателя «безвредным мудаком».

Впрочем, за небольшими исключениями, в те годы стихи всех поэтов были отвратительны, претенциозны и исполнены презрения к читателям. Что, также впрочем, вполне извинительно, поскольку читатели представляли из себя в основном девиц из третьего сословия, одуревших от непрерывной смены кавалеров, и пожилых юношей, почитающих за честь приютить и обласкать бандитов, грабящих банки из идейных соображений. Недаром этот период получил в истории литературы титул «Серебряного века» – от названия металла мягкого и податливого, быстро темнеющего на воздухе и легко подделываемого. На ту же мельницу лили воду и антисептические свойства серебра, способного уничтожить живую мысль в любой концентрации. Наш старшой жюри не знал даже и этого, наивно полагая недорогое серебро драгоценным металлом.

В соответствии с традицией, прозаические номинации были разделены на секции определенного содержания, которое легко угадывалось по девизу, предпосланному каждой из них. Нетрудно догадаться, что девизы представляли собой цитаты из, так сказать, стихов все того же безвредного писателя. Подборку цитат осуществлял, само собой, все тот же старшой, и его выбору не стоит удивляться – благодаря своей знаменитой тугоухости, он ухитрился отобрать наиболее неуклюжие строки. Так, юмористическим рассказам было предпослано: «Я на тебя, ха-ха, люблюсь, как на фигу» из поэмы «Лобзанья», причем в самой-то поэме под фигурой понимается не комбинация из трех пальцев, а цветущая смоковница, но вырванная из контекста строчка поражает своим идиотизмом. И это не самое худшее! Для рассказов направления романтического наш герой подобрал цитату из самого известного произведения писателя – зарифмованного обращения к правительству РСФСР с просьбой дать денег. Вот эта строчка, честное слово: «О вы, красивые отвагой и заслужившие любви». Неуклюжая лесть писателя, хотевшего кушать, вполне понятна, но выбор старшого?

Скажем сразу, что большинство присланных рассказов относилось к третьей секции, тематика которой была зашифрована строкой: «Мне что чукча, что не чукча, я с любой такой готов». Вынужден пояснить, что имелась в виду дружба народов, несмотря на их анатомические различия. Почему-то участники конкурса, в основном русско-еврейские метисы или обычные, по определению Тимура Кибирова, чучмеки, очень старались продемонстрировать читателям свой безудержный интернационализм. В результате романтическая секция скукожилась до всего-то пяти рассказов, да и то два из них были написаны известным манифестирующим гомосексуалистом и именно про гомосексуализм. А в секции юмора с трудом удалось обнаружить всего один рассказик, причем не смешной. Этот рассказ старшой отдал на рецензию поэтессе Изольде, в свою очередь знаменитой не стихами, а именно тем, что «Изольда» было не псевдонимом, а подлинным именем, данным ей при рождении неумными родителями. Рассказ Изольде сразу понравился, поскольку был явно хуже, чем даже ее собственные стихи, и сразу же перекочевал в длинный список лауреатов.

Рассказы гомосексуалиста старшой взял себе (при этом обе поэтессы хмыкнули), остальные три романтические истории получили вторая поэтесса и оба прозаика. Рецензирующие прозу поэты не являются чем-то необычным, а в данном случае это и вовсе нормальное явление, поскольку поэты из жюри пописывали и рассказы и частенько публиковали ежемесячные обзоры прозаических текстов, изданных чужими издательствами. Обзоры, как правило, с отрицательными характеристиками. Чтобы не тратить драгоценное время читателя, сообщаю: в длинный список попал один гомосексуальный рассказ и еще один про любовь – любовь цирковых медведя и медведицы. Кстати, узнав, что не прошла вторая

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

педерастия, поэтессы не без остроумия пришли к выводу, что этот рассказ был недостаточно гомосексуален.

Остальные рассказы про гетеронациональную дружбу были примерно поровну розданы все членам жюри, после чего старшой назначил день сдачи работы, назвал сумму гонорара за каждую из рецензий; народ оживился. Большинство думало, что все это будет задаром, разве что удастся слупить немного деньжат с выдвинутых в длинный список авторов, а чуть побольше – в короткий. Однако в этом году организаторам конкурса удалось выцарапать грант из фонда имени Цветаевой, с которой, как вы помните, спал знаменитый писатель, даже не уточнив ее анкетные данные. Половину гранта пришлось вернуть в тот же фонд откатом, но уже наликком, но вторая половина все-таки осталась. И победителей в конкурсах по всем номинациям ожидал приятный сюрприз – помимо диплома в рамочке они получают по штуке зеленых в конвертике.

Покончив с официальной частью, старшой наконец-то полез за водкой и стаканами. Девицы надули было губки, но, быстро вспомнив про свои прошлогодние похождения в Липках с этими же мальчиками, которые кое-что наверняка помнят, подставили емкости и начали чокаться. Вследствие описанной выше финансовой недостаточности ни о каких авто и «Я за рулем» речи быть не могло. Не отказались девушки и от подозрительной колбаски, выступавшей в роли закуски, и уже минут через десять щечки поэтесс приобрели такой же пунцовый цвет, как и окрашенная нитритами «Краковская». С древним городом польских королей, однако, колбасу роднил только успешный эскапизм – как Краков сумел избежать разрушения во время войны, так и колбаса избежала уничтожения таможенниками на украинско-русской границе. Но волноваться за здоровье девушек не стоит. Во-первых, их организмы и не такое видали, а во-вторых, нитриты обеззараживают.

Разошлись ближе к ночи. Кажется, кто-то из прозаиков пошел провожать какую-то из поэтесс, но этот возможный сюжет из романтической секции конкурса пусть и развивают его участники, а нам уже пора обратиться к собственно рассказам, и правильнее будет повнимательнее рассмотреть уже опубликованный на сайте litteramura.ru длинный список. Особая благодарность службе сайта, выставившей помимо заглавий и сами тексты. Их набралось штук двадцать, все прочесть не в человеческих силах, поэтому придется прибегнуть к методу австралийского писателя Алана Маршалла. Тоже участвуя в каком-то литературном конкурсе, он сообразил, что жюри не будет читать всю эту прорву графоманской халтуры, но отметит для себя вызывающе яркие заголовки. И назвал свой рассказ «Ее поцеловать? Мне это ничего не стоит». И получил первую премию.

Однако, следуя этому методу, мы можем потерять рассказы, названные попросту, например, «Тамань». Можно ведь допустить, что хоть какие-то из присланных на конкурс текстов принадлежат будущему если и не великому, то хотя бы хорошему писателю? Нет? А я вот почему-то все еще верю, что не все и не всё еще пропили и, глядишь, явится новый Казаков.

Итак, были отобраны и прочитаны рассказы, называвшиеся:

1. «Ё-кэлэ-мэнэ».
2. «Случай на заполярной метеостанции».
3. «Татары как-то поприятней» (цитата из Пригова).
4. «Ужас».
5. «Ходила ты к нему иль не ходила?» (цитата из Горького).

Пересказать первый рассказ довольно трудно из-за неприменимости к оному глагола «рассказывать». Попытка найти хоть какую ни на есть сюжетную линию наводит на грустные мысли: неужели литература ушла так далеко и за ней уже не угнаться, ведь ничего же не понятно, а слова тем не менее явно русские, и запятые имеются... Вроде какая-то чучмечка,

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

носящая одно имя с заглавием этого произведения, летит в самолете, или это автор рассказа в нем летит, а чучмечка, наоборот, шаманит напропалую, но во всем видна дружба народов... И действительно, герой (автор?) никого не бьет по голове, как братьев наших меньших, то есть чучмеков недоделанных, но что же, черт возьми, происходит? И зачем, зачем мне подсунули эту манную кашу на воде с национальной подливкой? Может быть, дело в языке, это как-то там роскошно написано? Луна отражается в горлышке бутылки на плотине? Дымок пудры на простреленном насквозь чулке? Россия наша родина, смерть неизбежна? Да ничего подобного, сплошная ё-кэлэ-мэнэ! Другими словами, успех у старшего обеспечен. Перед нами очевидный победитель конкурса имени соавратителя Цветаевой.

Гораздо более внятным оказался рассказ «Случай на полярной станции». Автор подробно описал нам свирепую метель, заносимую снегом по пояс метеостанцию и двух метеорологов, прозябающих внутри станции вследствие постоянных перебоев с электричеством и отключения электрообогрева. Не беда, что автор ничего не слышал о дизельных движках и ветродвигателях, обычно входящих в комплект оборудования метеостанций, для нас, читателей, конечно же, интереснее другое. А именно: как сумели ужиться на одной территории в течение долгой полярной ночи (автор почему-то думает, что она длится ровно год) столь разные по темпераменту и национальным обычаям негр из Экваториальной Гвинеи и выпускник факультета метеорологии Института геодезии и картографии диакон Серафим (Шевырёв). Если кто не догадался, негр Мбуми окончил аналогичный факультет Университета дружбы народов, женился на официантке, получил российское гражданство, развелся с неверной и по распределению был направлен в самое для него подходящее место – остров Котельный архипелага Новосибирские острова. Автор не знает, что распределения в России тоже давно нет, но и это не важно, а вот как соседствует сторонник анимистического культа гвинейской гадюки (*Bitis gabonica gabonica*) с православным метеорологом?

Совершенно ясно, что перед нами – мысленный эксперимент, поставленный автором (скорее всего, женского пола, хотя по псевдониму не понять) для решения предложенной на конкурсе задачи. И знаете, у задачи нашлось решение: Мбуми и Серафим просто не имеют времени, чтобы поссориться или начать обращать друг друга в свою веру, то есть Мбуми – в православие, а Серафима – в гадючник. Общая беда сблизилась предсказателей погоды: их убогую избушку ежедневно посещает стадо (!) белых медведей, которые дико воют, скалят зубы и пытаются пробить дыры в бревенчатых стенах метеостанции на предмет слопать и православного, и анимиста. Подробно описана физиология белого медведя (*Ursus maritimus*), что выдает в авторе отставного зоолога. Спасение приходит под Рождество, когда за метеорологами прилетает смена на вертолете, причем в качестве пассажира в Ми-8 находится официантка Изольда (ну вот, опять!), которая больше не будет и умоляет Мбуми вернуться с ней в Москву. Тем более что в столице пошла мода на чернокожих швейцаров в блатных ресторанах. Что, собственно, и происходит – он улетает.

«Татары как-то поприятней» оказался рассказом простым и незамысловатым. От пьяницы-русского уходит жена к татарину. Дело происходит в маленьком нефтеперерабатывающем городке в Башкирии: ежедневная поножовщина, плохая экология, мат во всю страницу (точнее, во все пять страниц), невозможность жить в этой стране и отсутствие перспектив. Русский начинает писать стихи, очень плохие. Зато потом очень хорошие! Вступает в литературное объединение «Луч света», где знакомится с поэтессой Светой (совпадение!) и не то чтобы женится на ней, но, во всяком случае, перестает ругаться матом. Неверная бывшая жена, не понявшая душу русского поэта – впрочем, когда он еще не был поэтом, а только пил водку и ругался матом, – понимает, как же она нерасчетливо поступила, и пытается подложить Свету под своего татарина, чтобы досадить русскому. Кстати,

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

его зовут почему-то Вениамин. Сцена с соблазнением татарина: Света-то не прочь, тот русский идиот только читает ей свои очень хорошие стихи и не ругается матом, а чтоб в койку или замуж – так ни-ни. На этом рассказ автора, очевидного женоненавистника, модным образом обрывается, причем автор не брезгает даже многоточием. В общем, твердая четверка с минусом. Дмитрий Александрович Пригов переворачивается в гробу.

Рассказ «Ужас» был настолько подражателен сюжетам канала ТВ-3, что разобраться с ним было совершенно неинтересно. Непонятным был также выбор автором секции про национальную дружбу. Ну да, в рассказе присутствовала говорящая мумия Сталина, как известно, не то грузина, не то осетина. Короче, нацмена. Но оппонировала ей страшная неведомая зверюшка размером с бегемота и с капающими с клыков каплями крови. Кто там кого при этом победил, не так и важно, но неужели автор думает, что люди и бегемоты – это разные национальности? Честное слово, этому ребенку следует разъяснить видовые различия млекопитающих. Почему ребенку? Да наверняка старшеклассник. Все эти «прикольно удавил», «загрыз, короче» выдают возраст пятнадцать-шестнадцать лет по Цельсию.

Произведение с эпиграфом из Горького оказалось очень увлекательным. Это была порнуха, не хватало только картинок. Зато автор очень подробно и анатомически верно описал процесс а) внедрения, б) осуществления и в) завершения. Причем сначала с одной, а потом с двумя. А потом эти две – тут автор вспомнил про дружбу народов – вызвали по телефону еврея. И откуда только они его сейчас взяли в нашей опустевшей отчизне? И еврея они не били и не издевались над ним, а наоборот, хвалили и гладили по различным местам. Первоначальный Николай Константинович наблюдал за этим с гадливым по-набоковски удовольствием и время от времени издавал международные дружественные звуки вроде «Ого!» и «Ес!». Особого сюжета в рассказе не было, но, в отличие от «Ё-кэлэ-мэнэ», он здесь и не искался. Насчет стилистики можно сказать только, что она была вполне адекватна описываемым безобразиям, или удовольствиям – это кому как. Совершенно ясно, что рассказ не претендовал (хотя и претендовал) на призовое место, но возможность прославиться автор не упустил. Ведь согласно условиям конкурса все удачные тексты помещаются на сайт премии, а что читателей у «Ходила ты к нему...» будет множество, это уж точно. Никаких оценок не ставим, только облизываемся.

Ну вот и подошел к концу уже наш собственный рассказ про раздачу дипломов в рамочках и денежек в конвертике. Легко предсказать, что первую премию получит прекрасный в своей бессмысленности первый из разобранных нами рассказов, начинающийся на букву Ё. А вы хотели, чтобы про татар? Разумеется, и я бы отдал татарину и официантке Изольде, но маловато абстракции. На следующий год пишем в таком примерно духе: «Она подошла ко мне, шурша новым шелковым платьем и спросила, видел ли я луну сегодня, такую полную и желтую, как наша тундра после перегона оленей. Нет, сказал я, изнемогая от желания прикоснуться к ее розовому плечу...» Ну и так далее.

О ВКУСНОЙ И ЗДОРОВОЙ ПИЩЕ

Семён Михайлович родился в дороге, в скором поезде Ленинград – Воркута, воспетом в известной пенитенциарной песне. Не нужно думать, что его родители, в частности ехавшая в том поезде мама, следовали к месту отбывания наказания, вовсе нет. Мама маленького Сёмы, как ласково стала она его называть, была проводницей этого скорого поезда № 388.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Отправление с Московского вокзала, время в пути – почти точно двое суток. Зачем проводница в заключительной стадии интересного положения согласилась сопровождать вагон с символическим номером 13, спросите вы, и опять ошибетесь, приняв косвенные доказательства за прямые улики. Мама Семьи была всего лишь на седьмом, ну разве что с половиной, месяце беременности и ощущала себя совершенно пригодной для выполнения своей привычной работы. Трудно ли собрать билеты, раздать белье и тайно распродать ящик водки сменным горным инженерам, которых судьба в лице институтской комиссии распределила в проклятый невольничий город, где под слоем вечной мерзлоты залегают толщи прекрасного коксующегося каменного угля. И просить о подмене и отказываться от законного, как полагала Маргарита Степановна, приработка было ей не с руки. Хотя на самом деле и согласно УК РСФСР она занималась не просто спекуляцией, а спекуляцией с использованием государственного инвентаря (вагон № 13) и в особо крупных размерах (за рейс в оба конца набегало до трех ящиков водки, что превышало установленный УК лимит на мелкую спекуляцию).

В общем, обходчик пути Михаил Илларионович с легким сердцем и тайной радостью отпустил свою супругу в последний рейс на Воркуту, заранее предвкушая встречу с буфетчицей станции Москва-третья Зинаидой. Подступало лето, и вполне можно погулять не в доме, а в закрытой беседке рядом. Барак семьи Забубённых стоял между путями восточного направления, и к стуку колес все давно привыкли. А вот запах Зинкиной «Красной Москвы» в комнате Маргарита Степановна обязательно бы унюхала – обоняние у нее было отменным и, кстати, генетическим путем передалось Семёну Михайловичу. Так что лучше в беседке, куда «Ритуля» (Зинкино выражение) не заходит по причине ненависти к запаху тавота. Михаил Илларионович убедил супругу, что профессиональную смазку нельзя держать под открытым небом, да и могут спереть. А где еще хранить, не в доме же?

Однако все вышло не так благополучно, хотя и обошлось. На перегоне Зеленоборск – Рыбница, только что продав инженерам из второго купе вторую бутылку, Маргарита Степановна неожиданно почувствовала, что прям-таки рождает. Хотя совсем не время – от тряски, что ли? Переваливаясь, как воркутинский шахтер после смены, она добралась до своего закутка и прилегла. Вроде отпустило.

Вскоре пришел начальник поезда, взглянул на Маргариту и забеспокоился. «Никак, рожать собралась, дура», – подумал начальник и побежал за медработником – с тех пор, как в прошлом году в спецвагоне два насильника искушали и исцарапали друг друга чуть не до смерти, поезду была придана одна единица младшего медицинского персонала. Забавно, что один из насильников был по врачебной части, работал гинекологом и хвастался, что употребил народную артистку СССР Аллу Тарасову прямо в кабинете. Драка и завязалась, когда второй страдалец части третьей статьи 117-й (изнасилование несовершеннолетней) не поверил и поднял гинеколога на смех.

И уже вскоре, между станциями Бугры-Полярные и Уса, при содействии медработника Маргарита Степановна родила мальчика, который был заранее назван Семёном (девочка стала бы Степанидой, в честь дедушки). На радостях инженеры взяли еще водки, причем весь навар пошел начальнику, подумала еле живая Маргарита. По прибытии в Воркуту она не стала регистрировать младенца, припрятала его в своем закутке и договорилась с начальником, что тот не выдаст. Место рождения и прописка у малыша должны были быть ленинградскими, и это удалось сделать, благо в их барак на восточных путях никто из медчасти никогда не захаживал и факт рождения в бараке не оспаривался. Вот только из беседки несло тавотом с примесью каких-то духов. Не иначе Зинка была. Ну, я тебе еще устрою, кобель чертов.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Прошло положенное время, и недоношенный Сема стал вполне крепким бугаем-девятиклассником. Учился неплохо, но все время жаловался на аппетит – не в смысле, что ел без аппетита, а в смысле, что аппетит был волчий и все время хотелось жрать, причем желательно белковую пищу. А какие доходы у проводницы, даже подворовывавшей, и у обходчика путей – известно, и на мясо для сынишки никаких денег не хватит. Кончилось дело, как это бывало нередко в далекие 70-е годы, исключением Семёна из школы. Вызывают как-то Маргариту в школу...

– Вот, Маргарита Степановна, у нас произошло экстраординарное событие, – сказала англичанка, классная руководительница.

– Чё? – переспросила мама, думая все еще о своем, о Зинке подколенной. Училка пододвинулась к ней и тихо произнесла, почти прямо в ухо:

– Ваш Семён, по всей видимости, съел секретаря нашей комсомольской организации, Лену Крохину.

Маргарита задумалась. Секретарь комсомольской организации – это больше или меньше дочери завклубом, про которую Сема сознался ей на прошлой неделе? Наверное, не меньше. От завклубом удалось отбиться парой коньяка, а как тут-то выйдет?

– Что же вы молчите, Маргарита Степановна? – уже громче спросила англичанка. – Надо что-то делать, и здесь вы коньяком не отделаетесь, могут переквалифицировать в антиобщественный поступок. А за это по головке не поглядят!

«Настучали уже про коньяк!» – подумала Маргарита.

– А чего квали... фицировать-то? С кем не бывает. Вы вот тоже его на неделе из класса выгнали, из-за этого что же теперь, по миру идти?

– По миру не по миру, но из школы исключить могут! И даже точно исключат – что это за манера такая, как что, так сразу и за горло! Я понимаю, девочка сама во многом виновата, нечего было Семино произношение передразнивать, но съесть – это все-таки слишком!

– А что это он такое произносил, – насторожилась Маргарита. – Ругался, что ли? Мы его этому не учим. Да и не поэтому он. Растет больно быстро, вот есть и хочет все время. Или все же ругался?

– Нет-нет, он вежливый мальчик, просто вместо the (она смешно высунула кончик языка и зашипела) он говорит «тзе», но это дело поправимое. Пойдемте к директору.

Англичанка как в воду смотрела – директор ничего не хотел слушать и исключил Семёна Забубённого из средней общеобразовательной школы, хотя рекомендацию в ПТУ все-таки дал, в ПТУ с уклоном в общественное питание, как и попросила Маргарита. У Семы вскоре должна была начаться другая жизнь, но на первое время, просто чтобы мальчик пришел в себя, мама отправила его в деревню под Вологдой.

Все знают, что русская деревня с каждым годом все пустее и пустее. Крестьянин вымирает, но особенно мало стало крестьянок, которые еще и удирают в город. Поэтому вологодскому областному людоеду Сёме (Семён Михайлович Забубённый) стало все труднее и труднее находить пропитание. Дело в том, что Сёма питался только особями женского пола. И не потому, что девушки и даже разведенки гораздо вкуснее. Сёма считал, что поесть мужчин – это гомосексуализм чистой воды. И чистой еды.

Мучаясь от голода уже второй день – последнюю оставшуюся в деревне девицу, библиотекарьшу Викторию Олеговну, он не хотел кушать еще и по эстетическим соображениям,

Сёма напряженно думал, что же теперь делать и как обеспечить возобновление белково-мышечных запасов. Ничего не придумав, он малодушно побрел в библиотеку, просто ноги сами понесли. Сёма жил в крайней южной избе, чтобы ветер, согласно розе ветров, относил печной дым со специфическим запахом в сторону от деревни. Надо отметить, что Сёма с презрением относился к сыроедению и уважал Устав воинской службы, согласно которому рядовые и сержантско-офицерский состав должны быть обеспечены горячей пищей не позже чем через час после прибытия к местам дислокации.

Библиотека красиво возвышалась на крутом берегу реки Мирзоянки, переименованной из Мокрухи в честь чиновника из области, съеденного на ее берегу заезжими гастролерами. Они предлагали ножку и Сёме, но он отказался по известным причинам. Тем более что трапеза отдавала каким-то национализмом – гастролеры говорили с сильным азербайджанским акцентом.

Но вернемся в наше время. Сёма вошел в библиотеку и облизнулся в ответ на приветственную улыбку Виктории Олеговны, еще вовсе не старой курочки. Он пошевелил в кармане рабочими маникюрными ножницами, доставшимися ему от... впрочем, это не важно. И все-таки эстетическое чувство оказалось сильнее примитивного чувства голода. Сёма присел на скамейку под портретом Ганнибала Лектера, вывешенного Викторией Олеговной вследствие ее любви к актеру Энтони Хопкинсу, и вдруг, неожиданно для самого себя, он честно объяснил умной библиотекарше всю ситуацию. Кстати, такой же портрет висел в красном углу и у Семёна, но по несколько иным причинам.

– Ох ты, господи, да как же вы теперь, без питательных-то веществ? – запричитала библиотекарша. – А может, вам картошечки сварить?

– Ничего не получится, Виктория Олеговна – грустно ответил Сёма. – У меня на углеводы пищеварительных ферментов совсем не осталось. Придется, видно, помирать...

Виктория Олеговна задумалась. Как же помочь хорошему человеку? И ведь действительно хорошему – недавно Сёма переложил ей крышу терраски, покрасил наличники и подарил библиотеке свою личную книгу про центральноафриканского императора Бокассу. Думала она недолго, потому что была действительно неглупой барышней.

– Знаете что, Сёма, а не поехать ли вам в столицу, в город Москву? Это огромный город, в нем пищевого ресурса хватит на сотню таких интеллигентных каннибалов, как вы.

– А как же это ехать? – спросил Сёма, давно не выбиравшийся за северные избы родной деревни. Как говорится, где родился, там и пригодился!

– Это просто, и я вам помогу, – ответила Виктория Олеговна. – Мне тут по образовательному гранту президента выделили мобильник, сейчас позвоним и закажем такси до станции... хотя... Семён Михайлович, это может быть дорого. У вас деньги-то есть?

– Даже и не знаю... Вроде есть, но какие-то странные, не по-нашему написано... вот, смотрите.

– Так это же доллары США! – воскликнула Виктория Олеговна. – Замечательно, они прекрасно подойдут! Откуда они у вас, Семён Михайлович?

– Так это еще с прошлого лета. Помните, приезжали девчухи из российско-французской этнографической экспедиции?

– А, ну да, конечно. Так, значит, звоним? – спросила библиотекарша и тут же стала набирать номер.

Время было сухое, дорогу не развезло и такси приехало уже через час, Сёма как раз успел собраться. В пути его укачало, и всю дорогу до вокзала Сёма проспал, но на поезд успели как раз вовремя. Напичканный долларами Семён Михайлович купил билет в вагон СВ, попутчиком оказалась знаменитая доярка, направляющаяся на заседание Государственной думы по

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

вопросам запрещения генетически модифицированных продуктов питания. В этом вопросе Сёма полностью солидаризировался с дояркой, отужинав которой лег спать до столицы.

В Москве Сёма прямо с вокзала направился по единственному ему московскому адресу – в Этнографический институт Академии наук. Он сохранил визитку одной из этнодевичушек, а как добираться, ему подсказала еще в поезде проводница, которой несказанно повезло в этот день, хоть она об этом никогда и не узнает – проголодавшийся Сёма позавтракал остатками вчерашнего ужина, хотя обычно предпочитал свежатинку. В метро Сёму поразило необыкновенное количество объектов питания с обнаженными животиками, причем у некоторых в пупок были вставлены колечки, цепочки и чуть ли не любимые вилки-ложки. Это сильно подействовало на гастрономическое воображение Семёна Михайловича, он часто сглатывал слюну, но, будучи педантом, завтракал, обедал и ужинал в строго установленное время. И время еще не пришло.

В Этнографическом институте он вошел в первый попавшийся кабинет, где сидела средних лет дама в очках (вещь совершенно несъедобная, подумал Сёма – об очках, не о даме) и стучала на компьютере. Сёма поздоровался, а на вопрос, чего надо, вежливо справился насчет работы. Дама удивилась, сообщила, что никаких объявлений они не давали, да и платят у них жалкие гроши, но, впрочем, а что вы умеете, господин Забубённый?

– Я вообще-то по пищеварительной части, – потупился Сёма.

– Тогда это точно не к нам! – торжествующе высказалась дама. – А кстати, как это вы обратились именно в наш институт?

– Да вот у меня визитка есть...

– Ой! – воскликнула дама. – А ведь мы их уже год как ищем! И француженка с ними была? Это же международный скандал!

– Была, да. И знаете, привкус какой-то странный...

– Какой странный? Как бы вы его определили?

– Какой-то болотный привкус... гниlostный слегка...

– Так это же очевидно! – радостно воскликнула дама. – Это же от лягушачьих лапок! С ума сойти, да это же потрясающая этнографическая подробность! Просто сенсация! Об этом срочно надо написать в наш «Вестник»! Давайте-ка все с самого начала.

Сёма стал рассказывать, а дама сразу же застучала клавишами. Сведений, полученных от Сёмы, ей хватило на классическую трехстраничную публикацию в «Вестнике», доставало только одного: сезонных вкусовых изменений, но тут наш герой ничем не мог ей помочь, девчонки были в деревне всего один раз и летом.

– Ну и ладно, это для другой статьи, – сказала дама и задумчиво добавила, посмотрев на потолок: – Отпустят ли средства на зимнюю экспедицию? – И еще, обращаясь уже к Сёме: – Огромное вам спасибо, Семён Михайлович. Жаль только, работы для вас у нас нету. Но я вам дам совет: вы вот что, вы поезжайте вот по этому адресу, там у меня знакомые, и все объясните.

И Сёма поехал, и все объяснил. А поскольку должность как раз освободилась, ему предложили на полную ставку. Так Сёма чуть было не стал критиком в отделе прозы толстого литературного журнала. Деньги небольшие, зато с бесплатным питанием. Однако он вспомнил, что у него имеется рекомендация директора для поступления в ПТУ по разряду питания, и сами звуки этого вкусного слова заставили Семёна покинуть редакцию. Так русская литература не получила нового Белинского или Латунского.

Только в ПТУ он узнал, как совершенно бездарно и *безвкусно* относился он к своему рациону питания. Родители не подсказали, а сам он не догадывался, что человечество давным-давно изобрело тепловую обработку продуктов! И только теперь, попробовав сначала бульон и вареную лопатку, а затем, на лабораторных занятиях, и приготовленный на гриле шашлык, он узнал подлинный, ни с чем несравнимый, восхитительный вкус придурковатой однокурсницы. Вот ведь какой парадокс – дура дурой, а такая вкуснятина!

Будучи к окончанию училища уже кандидатом в члены партии и надежным общественником, а также вследствие рабоче-крестьянского происхождения, Семён Забубённов был распределен поваром в советскую дипмиссию в город Банги, столицу Центрально-Африканской империи. В принципе, можно было выбрать из пяти других африканских стран, но товарищи из 1-го отдела настояли на ЦАИ, поскольку надеялись, что Семёны пищевые пристрастия помогут ему сблизиться с императором Бокассой, известным своей любовью к убоинке из хомо сапиенс. А у императора можно будет выведать секреты французской атомной бомбы, как известно, сделанной задешево и на коленке. Испытания бомбы проводились неподалеку в пустыне Сахара, и бывшие колонизаторы обычно приглашали своего ставленника Бокассу на это представление.

При первом же посещении императором советского посольства ему подали фирменное блюдо нового повара Семёна – азу по-татарски (пришлось списать нерадивую машинистку Сафиуллину). Бокасса пришел в такой восторг, что сам упросил посла прикомандировать Семёна к походной императорской кухне, всего на неделю, на время поездки императора на очередной атомный взрыв. Бокассу сопровождали почти все члены правительства, охрана и пара веселых черненьких девчушек, отобранных лично Семёной.

Этот выбор стал еще одним убедительным доказательством отсутствия у советских граждан даже намека на расистские предрассудки. Тем более что меланин при варке, как объясняли на лекциях в ПТУ по термообработке, распадается с образованием бесцветных продуктов.

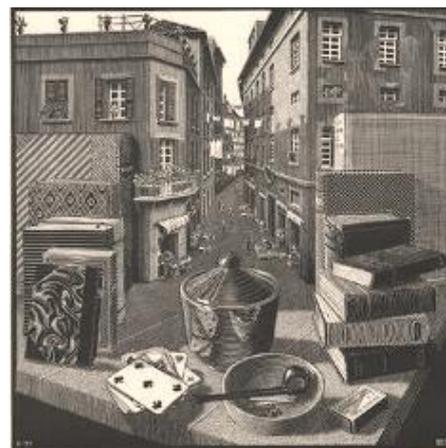

Карл Гауптман. Альпийские пейзажи

ПУБЛИЦИСТИКА

Петр Дубенко
(МОССАЛИТ, Самарская обл.)

КАК ЦАРЬ ПЕТР НОВЫЙ НОВЫЙ ГОД НАЗНАЧИЛ

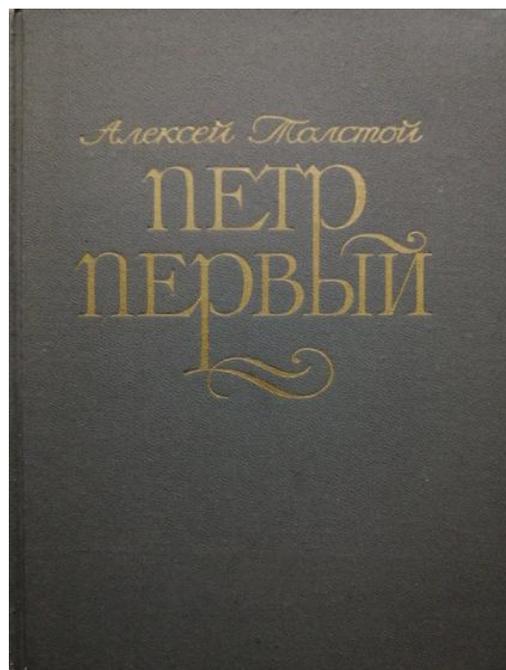

О чем может быть статья в новогоднем выпуске? Конечно, про Новый год. Ведь это настолько популярный, любимый всеми праздник, что для его описания нашлось место даже в исторической литературе. Казалось бы, столь серьезный жанр и рассказ о веселых народных гуляниях трудносовместимы. Однако Алексей Толстой в неоконченном романе «Петр Первый» не просто совместил два эти события, но и смог в художественной форме дать очень убедительное объяснение на первый взгляд странному поступку императора. Ведь о том, что этот праздник именно в таком виде подарил нам Петр I, слышали все. Но вот когда, как и зачем он это сделал, знают немногие.

Вообще говоря, Новый год на Руси праздновали всегда с тех пор, как появился календарь. Просто в разные эпохи делали это по-своему. И прежде всего, отличия касались времени празднования. Так, даже у разных племен славян-язычников со схожими культурами по этому поводу имелись разногласия. Одни считали, что новый год начинается в день весеннего равноденствия – 22 марта, ибо в этот день земля как бы просыпалась и готовилась подарить очередной урожай. Для других первым днем нового года был, наоборот, самый короткий и холодный день в году, так называемый зимний солнцеворот, то есть 22 декабря.

Первая попытка упорядочить все это произошла после крещения Руси. Тогда был принят Византийский календарь, а по нему новый год приходился на 1 сентября, так как считается, что именно в первый день осени Бог сотворил мир. Но ломка традиций всегда проходит тяжело и болезненно. Поэтому на протяжении нескольких столетий новый год на Руси отмечали дважды. Осенью, как того требовала церковь, и весной или зимой, как предписывали старые традиции. Понимаете теперь, почему так сильна у нас традиция отмечать новый год дважды? Да, все идет из глубины веков.

А праздновать Новый год в ночь с 31 декабря на 1 января решил уже Петр I. Считается, что первым русским императором в этом вопросе двигало обычное самодурство. Мол, все хотел переделать по-своему, наперекор старым порядкам, вот и решил даже Новый год праздновать

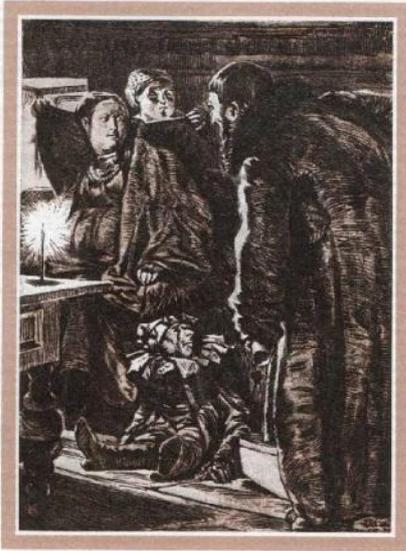

Иллюстрация Д. Н. Кардовского

Иллюстрация Д. Н. Кардовского к роману А. Тостого «Петр I». 1932 г.

по-другому. На самом деле, им двигал исключительно практический расчет. Уже к началу его царствования Российская империя представляла собой огромную территорию с невероятно пестрым по составу населением. На востоке это были народы Приуралья и Поволжья, многие из которых к тому моменту уже давно были мусульманами. Еще дальше Сибирь, где никак не удавалось искоренить язычество и привить христианство. На юге – кавказцы и кочевые племена Средней Азии. На западе – прибалты и даже некоторые скандинавы, среди которых сильны были традиции католичества. Не стоит забывать и о большом количестве «пришлых» европейцев, которые прибыли по зову императора.

Естественно, столь разные группы населения жили по своим старинным обычаям, которые очень сильно отличались от обычаев соседей. Само собой, это не добавляло молодой империи прочности, поэтому Петр так стремился сломать старые порядки, которые разъединяли многонациональный народ, и создать новые, единые для всех. Тем самым он хотел сформировать единое юридическое, экономическое и

культурное пространство. Отсюда такое на первый взгляд маниакальное и необоснованное стремление искоренять старину. Конечно, современникам Петра, да еще находившимся по другую сторону процесса, было трудно оценить столь масштабный замысел. Им проще было решить, что император просто чудит и самодурствует. Их понять можно. Но вот почему многие из нас до сих пор, даже спустя века, думают так же? Ведь ход истории подтвердил правоту Петра, а это самый объективный судья. Взять хотя бы Новый год. Россию по-прежнему населяют самые разные народы, здесь исповедуются разные религии. А вот Новый год у нас у всех любимый праздник. И это то, что нас объединяет, пусть даже на таком не очень серьезном уровне. Ну а из других чудачеств неугомонного Петра можно назвать реформу алфавита, которая упростила начертание букв, и введение арабских цифр вместо записи чисел с помощью букв церковнославянского алфавита со сложной системой сопутствующих знаков (буквенной цифири). В свое время эти нововведения тоже воспринимались как самодурство безумного императора, но их результатами мы пользуемся до сих пор.

Но вернемся к роману Алексея Толстого. Итак, в 1698 году Петр возвращается из «великого посольства», то есть продолжительной поездки по европейским странам. А 20 декабря 1699 года подписывает указ, по которому новый год отныне будет начинаться 1 января. В этом же документе говорится и том, как именно следует отмечать данный праздник.

«И в знак того доброго начинания и нового столетнего века в веселии друг друга поздравлять с новым годом. По знатным и проезжим улицам у ворот и домов учинить некоторое украшение от дров и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых, против образцов, каковы сделаны на гостином дворе у нижней аптеки. Людям скудным хотя по древу или ветви над воротами поставить. По дворам палатных, воинских и купеческих людей чинить стрельбу из небольших пушечек или ружей, пускать ракеты, сколько у кого случится, и зажигать огни. А где мелкие двory – собрався пять или шесть двory –

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

зажигать худые смоляные бочки, наполняя соломой или хворостом. Перед бурмистерскою ратушей стрельбе и огненным украшениям по их рассмотрению быть же...»

В ночь с 31 декабря 1699 года на 1 января 1700 года Новый год впервые встретили по петровским предписаниям. Естественно, как и в других случаях, данная инициатива Петра встретила сопротивление. Например, некоторые вельможи попытались уклониться от обязательного веселья, для чего сказались больными. Однако, предвидя такой ход, император заранее подготовил отряд медиков, которых отправлял к неявившимся на дом для проведения осмотра. И если обнаруживался обман, симулянта строго наказывали: выводили на площадь, где он на глазах у всех должен был выпить огромную чару водки.

Началось все с оглушительного колокольного звона.

«Звона такого давно не слышали на Москве. Говорили: патриарх Адриан, ни в чем не смея перечить царю, отпустил пономарям на звон тысячу рублей и пятьдесят бочек крепкого патриаршего полпива».

Тон веселью задавал сам император.

«Царь с ближними, с князем-папой, старым беспутником Никитой Зотовым, со всешутейшими архиепископами, – в архидьяконской ризе с кошачьими хвостами, – объезжал знатные дома. Пьяные и сытые по горло, – все равно налетали, как саранча, – не столько ели, сколько раскидывали, орали духовные песни, мочились под столы. Напавали хозяев до изумления и – айда дальше. Чтобы назавтра не съезжаться из разных мест, ночевали вповалку тут же, на чьем-нибудь дворе».

На Красной площади был устроен грандиозный фейерверк. Как известно, Петр с юности был большим любителем подобных забав и уж в такой ситуации никак не мог от них отказаться. При этом все москвичи стреляли из мушкетов и пускали пороховые ракеты возле своих домов.

«Сквозь колокольный звон по всей Москве трещали выстрелы, басом рывкали пушки».

Поскольку дело было еще в старой деревянной Москве, повсюду стали возникать пожары. Повезло еще, что погода в те дни стояла безветренная и огонь не начал скакать со двора на двор, как это часто бывало в тесных русских городах. Но даже несмотря на то, что возникавшие пожары удавалось быстро тушить, по словам очевидцев, последствия были очень серьезные и устраняли их до самой весны.

Естественно, нашлись те, кто не прочь был поживиться в неразберихе, которая творилась вокруг.

«В город сбежалось много разбойников из окрестных лесов. Только повалит дым где-нибудь за снежными крышами, – скачут в санях недобрые люди – в овечьих сушеных мордах, в скоморошьих колпаках, ломают ворота, кидаются в горящий дом, – грабят, разбивают все дочиста».

В конце концов на третий день власти были вынуждены сформировать специальные солдатские команды, которые ловили мародеров на улицах города, и к концу праздничной

Иллюстрация Д. Н. Кардовского к роману А. Тостого «Петр 1». 1932 г.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

недели ими были забиты все московские тюрьмы. Но всеобщему веселью не помешало даже это. Гулянье продолжалось.

«Вскачь проносились десятки саней, полные пьяных и ряженных, мазанных сажей, в вывороченных шубах. Задирали ноги, размахивая штофами, орали, бесновались, на раскатах вываливались кучей под ноги одуревшему от звона и дыма простому народу. Всю неделю до крещенья гудела, шумела Москва».

Общепродажное гулянье закончилось 6 января крестным ходом. А после этого государь собрал в императорский дворец узкий круг особо приближенных. Двери обеденной залы при этом заперли, чтобы никто не мог покинуть застолье, и не открывали три дня. А когда открыли, большую часть гостей нашли под столом и лавками в пьяном бесчувствии. Картина, знакомая даже нам, не правда ли?

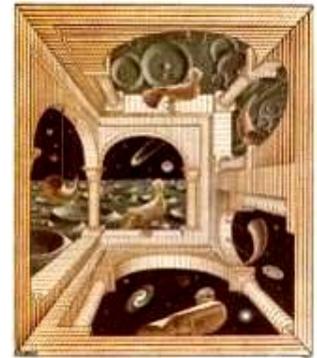
Вот так привычный нам Новый год на Руси отметили впервые. Получилось настолько ярко и широко, что событие это даже удостоилось чести попасть на страницы исторического романа. В связи с этим – чего пожелать всем в наступающем году? Во-первых, встретить его так же ярко и весело, но при этом не попасть на страницы газет и журналов, а уж тем более в криминальную хронику. А во-вторых, следуя примеру великого Петра, изменить свою жизнь к лучшему, пусть даже ради этого придется отказаться от некоторых застарелых привычек.

Д. Шмаринов. Иллюстрация к роману А. Толстого «Петр I»

ПОЭЗИЯ

Вадим Сикорский (Москва)

Вадим Витальевич Сикорский (1922–2012) – русский советский прозаик и поэт, переводчик. Заведовал отделом поэзии в журнале «Новый мир». Сборники: «Лирика» (1958), «Соты» (1962), «Грань» (1966), «Контур» (1969). В 1980-е годы Вадим Сикорский писал прозу.

Слава

Не мой закон: кто слаб, тех цапай.
Не приспособлен к временам,
я не из тех, кто тихой сапой
пробрались к звонким именам,

не восхищенно восхищались,
шли не за совесть, а за страх
и неуклонно возвышались
на невозвышенных делах.

С планеты, порохом пропахшей,
исчезнет – пропадет и след –
негромкий, без вести пропавший,
забытый рядовой поэт.

Пусть в глушь моя могила врыта, –
мне памятник не по душе,
где только видимость гранита,
а сущность из папье-маше.

Незрелость

Душа от счастья до тоски
живет, ни в чем не зная меры.
В ней в лучшем случае – ростки
еще слепой и слабой веры.

Верность

Было время: мечты еще живы –
и за совесть шли в бой, не за страх.
И коней революции гривы
развевались в воинственных снах.
Сызмальства в политических думах,
каждый знал: ко всему будь готов –
зря ль трещат в рупорах словно в дулах
пулеметные ленты стихов,
зря ль отцы с ног своих отрянули
мира старого царственный прах.

Нашу веру слова, а не пули
всю изранили в концлагерях.
Но прозренье пришло, хоть и поздно,
ожил свет и добра идеал
в душах тех, кто небесные звезды
на Кремлевские не променял.

Воспоминанье

Елабужский рынок... Война – не беда его...
В слезах от потерь и невзгод.
парижские тряпки меняла Цветаева
на хлеб и (для мальчика) мед.
Погибла. Грозил могила ей братская,
с могилой хоть все обошлось.
Держава жила, с «мелочами» не цацкаясь, –
железной до бабьих ли слез...

Звезду показали? Ну что ж, заверните.
Мне нравится солнце, согласен, беру.
Охапки лучей, легкий веер зарницы,
и раннюю свежесть, и лес на ветру,
и взгляд мимолетный спешащей девчонки
беру – все хочу, все навеки люблю,
и кружево этой мелодии тонкой,
и озера синь, лед под стать хрусталою, –
все, все принимаю, пошлите к кассиру,
и – что мне цена! – выбивайте-ка чек!
Не продается?..
И плачет по миру,
в ночь от витрин уходя, человек.

Я – жизнь.
Я горд:
все у меня свое.
Засну – и нет мне до вселенной дела.
Я волей не завишу от нее.
И песней. И температурой тела.

Сам по себе я. Каюсь и грешу.
Я неизменен в мире изменений.
Я изменюсь, когда я сам решу.
Я сам свой злой и сам свой добрый гений.

Бессильна смерть. Что плачете, друзья?
Ей плоть дано разрушить, а не личность.
Я цел. Ни с чем не примирился я.
Я прежний. Проверяйте постранично.

Торжественен и ярок праздничный салют,
когда украшен каждый дом, трамвай,
троллейбус.
Венчает праздник
долгих буден труд.
И фейерверк пушной молнией плывет
по небу.

Как этой вспышке, мне хотелось бы
сгореть, –
она за миг один весь небосвод объемлет.
Как хорошо – вдруг вспыхнуть так
и умереть.
Погаснуть в вышине,
не падая на землю.

Однолюб

Я ни за что не отвечаю -
не мной мир создан, но не лгу:
я просто в нем души не чаю
и наглядеться не могу.

И ни к чему мне ухищренья
пятиминутного ума:

мир этот сам – стихотворенье,
что сочинила жизнь сама.

"Моря, леса, стихии, реки", -
твержу, разлуки зная грусть,
чтоб в мир и н о й уйдя – навеки
запомнить э т о т наизусть.

Шестидесятники

И я вспоминаю порою,
и снова послушать готов
эстрадную музу героев
шестидесятых годов.

Они надрывали с подмостков
гражданственные голоса,
легко увлекая подростков
в задымленные небеса.

Внутренний эмигрант

Обид без счета получил,
все пережил мытарства –
и от себя он отлучил
навек государство:

«Не помогу, его храня,
ни в штиле и ни в буре,
пусть прозябает без меня
в своей звериной шкуре».

За полдень

Живу, уже давно никем не замечаем.
Все ж, чем-то потревожены едва,
как вялые чайники в чашке с чаем
со дна души всплывают вдруг слова.

Они уж не годятся для заварки
и кровь моя давно не кипяток.
Но все ж порою мысли в меру жарки,
чтоб сделать обжигающий глоток.

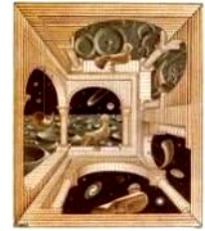

Карл Гауптман. Альпийские пейзажи

ПОЭЗИЯ

Владимир Квашнин

(ХМАО – Югра)

А у нас ничего не меняется.
 Все как в детстве, и здесь, и вдали
 Синегорье с утра умывается
 Благодатью Югорской земли.
 И черемуха шаль белоснежную
 Надевает, встречая весну,
 И улыбкой лазорево-нежную
 Согревает заря тишину.
 Как живется тебе, так и дышится,
 А как верится – столь и греха.
 Оттого, может, росы и нижутся
 По сырому подолу стиха,
 И заря алой лентой вплетается
 С глухариную песней меж строк,
 Что душа, как дитя, улыбается,
 Подбирая к узору цветков.
 Тем и счастлив всю жизнь, Божьей
 милостью.
 Шаг с крылечка, и вот он – твой храм:
 Купола кедрачей белокрылостью
 Обнимает пурга по лесам,
 Образами озера голубятся,
 Ель-старушка окрестит вослед...
 Оттого, может, с зорькой и любитесь,
 Что не молишься звону монет.
 Где еще летней ночью у сходины,
 Не тревожа паучью сеть,
 Так доверчиво кисти смородины
 Тянет родина вам отогреть?
 Не поруши, Господь, нашей вольницы...
 Что там я? Да Ты сам посмотри,
 Как в рассветах за матушку молятся
 По бескрайней тайге глухари.

Зоопарк

Тайга. Рассвет. Над речкой звезды
 Клюют неспешно глухари...
 Смотрю – и острие занозы
 Опять царапает внутри.
 Как жаль: нельзя охотоведу
 Жить по законам лебедей,
 Им – в небеса, тебе ж по следу
 Ползти назад в клубок людей.
 Жена с весны: «А может, хватит?
 Все едут к морю, ты – в тайгу!
 Мне льготный дали, все оплатят,
 А Юля? Снова – не смогу?»
 А доча – все мое богатство...
 Приморский город, солнце, пляж.
 Жена с утра бежит купаться,
 А Юля, взяв на бордаж
 Мою ладонь: « По зоопарку!»
 Жираф... Верблюды... Змеи... Слон...
 Козел облез, но держит марку...
 Макаки – в пляс... И слышу стон
 Чуть в стороне, и вижу в клетке
 Встал медвежонок из угла,
 И вдруг слеза по ржавой сетке,
 Скользнув, ладонь мою прожгла.
 А дочка: «Па, он лапку тянет!
 Ты хочешь в лес? Не бойся, нет,
 Медведик, папа не оставит,
 Он добрый, он – охотовед!
 Он всех спасет! Он олененка
 Отбил у волка в холода...»
 А я, прижав к груди ребенка,
 Беззвучно плакал от стыда.
 Вокруг народ смеялся громко.
 Кружил над парком медный туш.
 И стыли слезы медвежонка
 На омертвевшей коже душ.

А у нас и поныне в деревне
 На двери не увидишь замка.
 Заходи! – Не Ильич, так Есенин
 Глаз прищурит из-под козырька.
 Засмущавшийся кустик душицы
 Белорудье прикроет в окне,
 И вселенской любовью с божницы
 Отогреет Господь в тишине.
 А за Ляпушкой Север морошку
 Греет в мягких ладонях болот.
 В белых росах черемухи брошку
 Примеряет ольха у ворот.
 У колодца воробушков стайку
 Поит небом рассвет из бадьи,
 И, прокравшись тайком под фуфайку,
 Прижимается зорька к груди.
 Тянет речка туман полотенцем.
 Мед подносят в ладошках шмели.
 Гладишь мелких... и собственным сердцем
 Слышишь токи Югорской земли.
 И живешь, как у Бога в подмышке,
 В мире с миром, с собою в ладу,
 Рубим баньки с племянником Гришкой,
 Ставим верши по первому льду.
 Летом нам сенокосы забавой,
 А пока росы с травами спят,
 Намилуешься в речке с купавой
 И зарю исцелуешь до пят.
 И, казалось, на что тут молиться –
 Гнус, безлюдье, снежище по грудь...
 А окликнет с болот журавлица,
 Выйдет зорька к реке сполоснуть
 Полушалок на кромку осоки
 У мостка в предрассветной тиши,
 И слетаются новые строки
 На завалинку русской души.

Золото Югры

Бурлит поток, зажатый тесно в скалы,
 Ступи на край – и сгинешь ни за грош,
 И вижу – корешок вцепился малый,
 В морщину камня, рви – не оторвешь!
 Была б земля, хоть горсточка какая,
 А тут? – Гранит! Да как же он живет
 На всех ветрах у самого-то края?!
 А пригляделся... Боже, он – цветет!
 И вроде день, спустившись с перевала,
 Дождем полощет платица осин,
 И в днище тучи крыльями устало
 С унылой песней бьется птичий клин,
 А мне – светло. Под лапой старой ели,
 Сквозь слезы затуманенных осок,
 Смотрю, как воды кружатся по мели,
 Выбрасывая мусор на песок.
 Вот так и жизнь – уносится пустое,
 А корень есть – и зорьке подмигнем,
 И никакой бедой тебя не смоет,
 На родине и камень – чернозем!
 Ласкаю взглядом каждый кустик сопки,
 И только чмокнул клюковку болот,
 Как строки сами, словно зимородки,
 Слетелись стайкой в старенький блокнот.
 И вот стихи. О чем? Да все о том же!
 О самой лучшей родине – Югре!
 О старой ели, что шершавой кожей
 Ко мне прижалась, грея, на горе,
 О красоте родного Приполярья,
 О сосенках, завязанных узлом...
 И пусть стократ теплее нас Анталья,
 Любовь к земле не вымерять теплом!
 Здесь – родина. Здесь – мама. Здесь – Россия,
 Здесь жизнь прожить – подарок от судьбы...
 Да где еще, какая Никосия
 В январской мгле над шапкою избы
 Согреет светом ясного сиянья?!
 Звезду? – Любая! Радугу? – Бери!
 И прямо в ноги – полог мирозданья,
 Приподнимай – и с Богом говори...
 Здесь Севера, здесь люд душой просторен,
 Здесь стыдно быть двуличным и пустым...
 Да что там люди, если даже корень
 Над пропастью зовется золотым!

Зимовье

Нет, ребята, скажу вам, избушка
 Для таежника – то же, что мать,
 Да двуручка – стальная подружка –
 Поспевай только чурки таскать!
 А в избушке что главное? Сердце –
 Печь-железка без всяких затей.
 Отогреет и немца, и ненца,
 И геологов всяких мастей.
 Приползешь к ней, как часто бывает,
 Снимешь лыжи в потемках, без сил,
 Всю-то ночь с уголочка вздыхает,
 Шепчет: «Где ж тебя леший носил?»
 Отогреет, накормит, обсушит,
 Убаюкает сказкой-теплом.
 Тихо за полночь лампу притушит
 И всю ночьку дозорит окном.
 Спишь младенцем, набегавшись за день,
 Спят собачки, налаявшись всласть,
 Точит месяц разбойничий складень,
 На кудрявую тучку косясь.
 Тащат корку счастливые мыши,
 Дым столбом, поддувало сопит...

Свесив лапу почти что до крыши,
 Над избушкой Медведица спит.

Пылал закат, сгущались тени,
 Стихали птичьи голоса,
 Дремал в камнях ручей Олений,
 В прохладе нежились леса,
 Урал былинным великаном
 Стоял броней – льдом блестя,
 Река, укутавшись туманом,
 Ждала небесное дитя.
 И вдруг по краешку заката
 Сбежал серебряный олень
 К струе поющей переката,
 А за рекою третий день
 С ночным прицелом автомата
 Ждала трофей людская тень...
 Он пил закат, порою плавно
 Вздымал венец и снова пил,

И всем казалось, он о главном
 На равных с Богом говорил,
 Как говорили раньше предки
 В далеком зареве земли,
 И звезды белками на ветках
 Качели мира берегли.
 Ударил гром. Над водопоем,
 Ломая крылья тишины,
 Завыла нечисть разнобоем
 Под желтой шкурою луны,
 Захотела лешачиха,
 И там, в мерцающей дали,
 Господь задул свечу и тихо
 Шагнул подальше от Земли.
 И замер мир. Осиротелый
 Закат истаял в никуда,
 А в тишине, в сорочке белой,
 Сгорая, падала звезда.
 Земля от ужаса молчала,
 Туман забился в лебеду...
 И только мать-река качала
 В руках убитую звезду.

«Папа, папочка мой, я стрекозку поймала!» –
 Колокольчиком голос, сияют глаза.
 Только вроде бы сено к копне подгробала,
 А уже разнотравьем летит, егоза.
 Ах ты чудо мое! Дай-ка я поцелую.
 Прижимаю легонько родное тепло.
 И вдруг мне показалось, что я не малую
 Приобнял, а душою ступил на стекло...
 Как же ты, золотая, похожа на маму.
 Мы ведь тоже поймали тебя на лугу,
 А точнее – она, я-то, если уж прямо,
 Никудышный ловец, лишь отцом и могу
 Быть навеки твоим, мой любимый котенок,
 И сидеть над тобой, захворавшей, всю ночь.
 Сколько их перестирано, этих пеленок...
 Мамы тоже на свете есть разные, дочь.
 Счастье, милая, там, где целуют с порога.
 И к чему это я тут с тобой загрустил...
 Отпусти стрекозу, пусть летит себе с Богом,
 Как когда-то я маму твою отпустил.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

А много ли для счастья надо?
Да что ж вы сразу – о деньгах!
Я – об истомушке в прохладе
копны духмяной на лугах,
Когда весь день поешь косою,
А он как звень – ни ветерка!
И видишь доченьку босою,
В ладошках – крынка молока.
Едва глоток, как вдруг из сини,
Из белогрудья облаков,
Сверкнет гроза с гудящим ливнем
И близким грохотом подков.
И ты за вилы: ох замочит!
А он возьми – да стороной...
За полчаса стоит стожочек,
Прижавшись к ельнику спиной.
А вечером заглянешь к маме
И, с полотенцем на плече,
Как на Руси святой веками,
К реке по розовой парче
Заката вниз по огороду,
Где баньки стайкой собрались,
Да в молоко парное – с ходу!
Да – в глубь! А душенька-то – ввысь!
Потом щекой прижмешься к бане
И будешь слушать, затаясь,
Как ивы шепчутся в тумане
И зорьку чмокает карась.

Дремлет вечер за деревней,
Край тумана подобрал.
Зорька новые каменья
Выбирает в гуще трав.
Тянут гуси за протоку,
Стынут сети паука,
И туманы об осоку
Чешут мокрые бока.

Где-то зорьке журавлица
Колыбельную поет...
Спит земля. Лишь мне не спится,
Снова душенька зовет
За околицу деревни,

В тишину седых полей,
Встать у леса на колени
Перед родиной своей.
И просить среди жемчужья
То, что в жизни не просил:
Дать лекарство от бездушья,
Добрых помыслов и сил.
Кто лосенка-потеряшку
В сопках матушке найдет?
Или белые рубашки
Лебедям простирнет?
А бельчата заболеют?
А пожары в суховея?
Спас рябка, и душу греет
Чувство нужности твоей.
Вся тайга открытой книжкой,
Всех простишь и все поймешь.
Так, с совятами под мышкой,
В поле ночь и проведешь.

Тут и зорька за калиткой
Дали кутает в шелка.
Чайки розовою ниткой
Подшивают облака.
Плес речной туман бинтует,
Дали будят журавли,
И в обнимочку танцуют
Косолапые шмели.
Лось с ладони, без опаски,
С зайцем хрумкают морковь.
Вот из этой доброй сказки
И рождается любовь.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Обними меня, моя рябина,
 Жаркой кистью щеку опали,
 Сине-дальней песней журавлиной
 Тишину рассвета застели.
 Дай мне сил хоть раз еще в поклоне
 За родной деревней в полумгле
 Золотою брошью на ладони
 Поднести зарю родной земле.
 Обними покрепче, свет мой ясный,
 Что-то я, голубушка, продрог.
 Чувство, будто ангел безучастно
 Отвернулся, просто ль – занемог.
 Иль судьба, перетряхнув мешочек,
 Пару лет смогла лишь отыскать...
 Главное, чтоб клин неровный строчек
 Долетел мой – родину обнять.
 Он прорвется. В этом я спокоен.
 Даже битый дробью дотянул
 И любовь, которою напоен,
 Я стихами родине вернул.
 Потому и нет особо страха,
 Все, что будет, знаю наперед –
 Боль под сердцем, белая рубаха,
 Божий суд... А что там дальше ждет?
 Вдруг да снова то же Синегорье
 Выткнут мне над Ляпушкой стрижи,
 И родную церковь на угорье,
 И рябину – свет моей души –
 У крыльца в сорочке белопенной.
 А когда и матушка согреть
 Спустится по краешку вселенной –
 На сто раз готов я умереть!

Размечтался. Гаснут даже звезды.
 И моя прочертит небосклон.
 Буду снова листиком березы
 Пить дождей хрустальный перезвон.
 Или стрекозой, привстав с кувшинки,
 Низ подола зорьке серебрить,
 Может, зимородком с тонкой льдинки
 Полынью всю жизнь боготворить.
 Только бы не камнем и не пылью,
 Не бездушной другой в толще гор –

Птахою безвестной, лишь бы с крыльев
 Целовать глаза родных озер.
 Об одном прошу я мать-землицу:
 Положи подальше от дорог
 Тихую таежную синицу,
 Чью звезду согрел в ладонях Бог.

А в Щекурье у нас ромашки
 Бегут за избами в леса.
 И, словно лебеди, рубашки
 С прищепок рвутся в небеса.
 И машут крылья полотенец,
 Речушка с гор крадется вброд,
 И прячет золото поленниц
 Рябина юбкой у ворот.
 И вроде бы тайга глухая,
 И до Москвы – сто лет пешком,
 А приобнимет ель, вздыхая,
 Так и застрянет в горле ком
 От красоты таежной дали,
 Простого счастья – мирно жить.
 И нет ценней тебе медали,
 Чем радость родину любить.
 Вот здесь и есть моя Россия,
 Причал души моей и свет:
 Соседка – бабка Ефросинья,
 Дочурка, фронтовик-сосед;
 Елани дальние покосы,
 Туманы утренних полей,
 Лишь протяни – и гладишь косы
 Любимой родины своей.
 Глаза озер, реки извивы
 И губы алые зари –
 Сижу, прижав ладошку ивы,
 И сердце замерло внутри
 От счастья, что опять качаю
 Свою звезду в напевах струй
 И зорьке нежно отвечаю
 На бесконечный поцелуй.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Моя родная глухомань,
 Ты все: и радость, и забота.
 Казалось – что? Тайга, болота...
 А выйдешь в утрешнюю рань
 К родимой Ляпушке с мостка,
 Перекрестясь на свет, умыться,
 А над водой – заря-девица
 С мешочком звезд у пояска.
 Налево горсточку махнет –
 И блещут в травах самоцветы,
 Направо – звонкие монеты.
 И наше, русское, поет.
 Ты ей – поклон, так и она
 Ответным ласково приветит,
 А тут уже и солнце светит,
 И тает воском тишина.
 И зазвенел покосный день!
 Буксир чихнул дымком солярки.
 Денек сегодня будет жаркий!
 Косу, фуражку набекрень,
 И от плеча держак – к бедру,
 С размаху пяточкой под корень!
 Пускай кузнец Мишаня – шкворень,
 А я в косьбе свое беру!
 Брусочком – вжик, и понеслась
 Душа в полет – валок к валочку,
 А там и сердце ищет строчку,
 А вслед – и песня родилась
 Или стиши... А вечером
 Прочтешь рябинке, знаешь – плохо,
 Прижмется ласково, дуреха,
 Лопочет что-то на своем.
 А сопки, словно госпожу,
 Уже на мхах качают зорьку.

С рук покормлю лосенка Борьку,
 Придумку на ночь расскажу,
 Коней в ночное отведу,
 Возьму туман – простынку лета –
 С уснувших трав и с книжкой Фета –
 На стог, под яркую звезду –
 Читать и слушать в тишине,
 Как ветер шепчется с осокой,
 И месяц с нимфой одинокой
 В озерной плещут глубине.

Фотография

Стоим, приобнявшись за плечи,
 Стоим, как обычно – втроем.
 Смотрю, и как будто бы лечит
 Потертый армейский альбом.
 Налево – Никола из Львова,
 По правую руку – Мирза.
 Я глажу их лица, и снова
 Ползет по морщине слеза.
 Стоим всею ратью
 И знаем, что дружба – навек.
 Мы были действительно братья –
 Украинец, русский, узбек.
 Литовец, эстонец с евреем,
 Казах, молдаванин, грузин,
 Латыш – командир батареи,
 И взводный – москвич Караблин...
 И снова товарищи снятся,
 И давит предательства груз.
 Я кровью готов подписаться –
 Верните Советский Союз!

ПОЭЗИЯ

Светлана Севрикова
(Москва)

Внутри лемнискаты

Стала я старой. Слишком и даже очень.
Не о мужчинах думаю – о морщинах.
Знаете, что мне снилось минувшей ночью?
Будто была я в песочных часах песчиной.

Крохотной бледной точкой. Почти как эта: .
В том полушарье нас таких было – куча –
Сто миллионов. Мнящих себя поэтом.
Крохотных. Бледных. Точек. Велимогучих.

Времени шелест. Шорох. Шуршанье.
Шепот.
Скользкие грани. Горло воронки узко...
Как туда тянет! Не беспокойся, что ты...
Я не об этом... Миленький, не волнуйся!

Я без намека. Мало ли что приснится! –
Склеп лемнискаты⁵, желоб воронки,
бездна...
Главное – жить мне. Чтоб за тебя молиться.
Буду беречь себя. Я обещаю. Честно.

Бренный мир, беременный печалью,
Горькими настойками поя,
Шерстяной укутывала шалью
Ласковая бабушка моя.

Ясны, как глубины Иордани,
Кари ее очи полны слез.
– Отдохни, – шептала, – от страданий,
К новым испытаньям приготовься.

Покрывала поправляя складки,
Целовала бледное лицо.
Уж она про родовые схватки
И про муки мира знала все.

Люблю людей наивных и простых,
Безбожно говорящих слово «ихний»,
Похожих на беспечные цветы,
Врывающихся в жизнь веселым вихрем.

Глядящие прекрасно и чудно
В глаза, и через них как будто в душу,
Они про кофе говорят «оно»...
И, может статься, так оно и лучше.

Зато их лица добрые – светлы,
Зато камней за пазухой не прячут...
Не поправляй их сердце, не стыди!
Пускай оно останется «горяче».

⁵ Знак бесконечности.

Своей же молодости шепчешь:
– Ушла, и бог с тобой, дитя.
Мне без тебя немного легче.
Теперь-то я смогу шутя
Босой душой по жарким углям,
По лезвиям и острию,
В просторах замкнутого круга,
Стезю протаптывать свою.

Переходя на хлеб и прозу,
Монашья ризы примерять.
Недаром скажут: «Баба с возу»,
Когда уж нечего терять.
Будя сирень в соседней роще,
Не беспокойся обо мне.
Мне без тебя намного проще
На этой сказочной войне.

Сорок. За сорок. Сам себе вдруг историк.
Памяти морок разумом озари.
Жизнь – это блюдо с горкой арбузных корок.
Слопан последний ломоть твоей зари.

Выпороть насмерть или распять на дыбе –
Вот что решает совести страшный суд.
Море ошибок – стайками мелких рыбок.
Зерна как зерна... может, и прорастут.

Не в семнадцать и не в тридцать,
Разменяв десяток пятый,
Угораздило влюбиться
В подорожники и мяту.

Сердце трепетно, но тихо
Ёкнув, дрогнуло и сжалось,
Красотою розы дикой
Упоенно наслаждаясь.

И одно воспоминанье
Кружит голову поныне:
Горьковатое дыханье
Зацветающей полыни.

Да еще пастушьей сумки
Скромный цвет на кромке лета –
Кто бы знал да кто бы думал –
Станет все-таки заметен.

У детей свои родятся дети,
А у тех когда-нибудь – свои.
...Жили-были мы на свете этом:
«Бульбаши», «хохлы» и «москали».

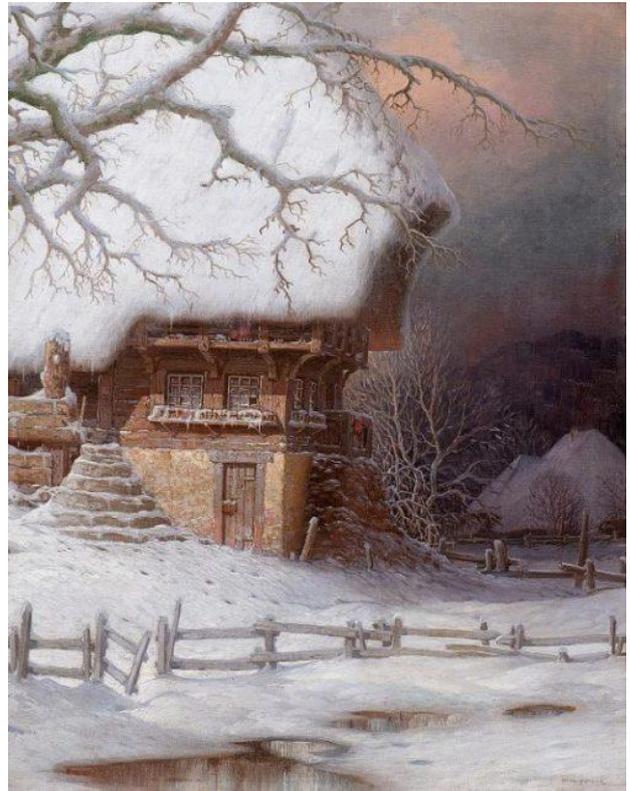
А еще – «жиды», «америкосы»,
«Фрицы», «чебуреки», «татарва»...
Изумляясь, слушает курносый
Эти устаревшие слова.

Как смешно глазеночки таращит,
Поражаясь глупости людской...
Хорошо, что он ненастоящий –
Мир, где каждый каждому чужой!

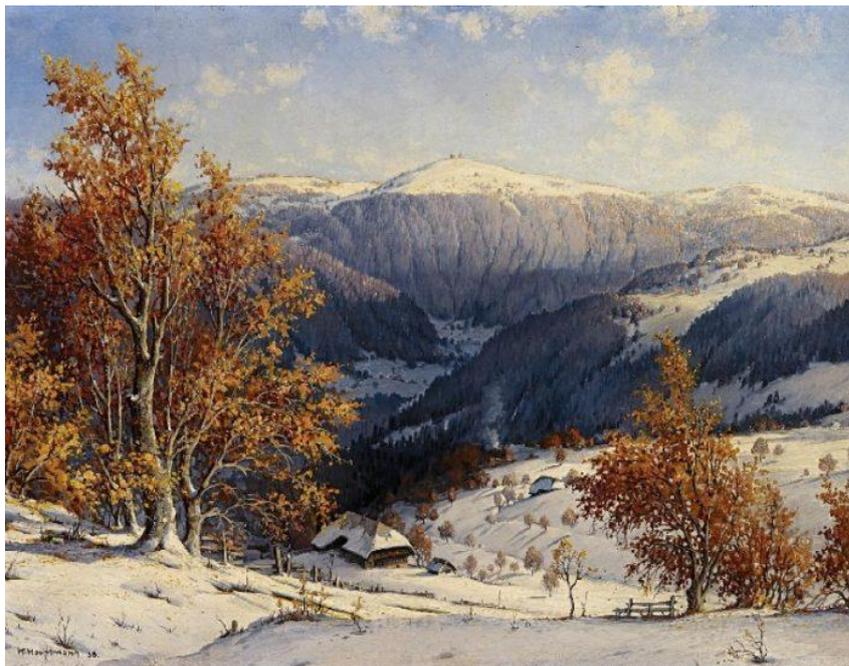
Мир, который сам к себе неласков, –
Сам себе и жертва и палач.
Только ты, читая эту сказку
Правнуку, пожалуйста, не плачь!

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

В двадцатом веке
и в двадцать первом
мы жили-были.
В тысячелетье
втором и третьем –
существовали...
Но, «в попе шило»
сменив на мыло,
крыло на рыло,
Мы постепенно,
как динозавры,
повымирали.
В себе копаясь,
мы разучились
смотреть на небо,
Не научившись
глядеть с любовью
друг другу в очи.
И не хватило
на всех незрячих
огня и хлеба...
Не повторяйте
ошибок наших!
Спокойной ночи.

Карл Гауптман. Альпийские пейзажи

Карл Гауптман. Альпийские пейзажи

ПОЭЗИЯ

Илья Славицкий

(Санкт-Петербург)

Дневной полет (Полеты во сне и наяву)

Пролетаю над гнездами спящих в тумане кукушек,
Крыломахами ветки сбивая с торчащих вершин,
Отделяя границы высот от банальности суши
И надеясь собрать по крупице остатки души.
Выдавая за истину то, что отринуто всеми,
Принимая на веру забытое в прошлом вранье,
Воронья беспокойного грай, мудрецов мелкотемье
На подрамнике неба рисую сознание свое,

Захламленное пылью дымящихся старых вулканов,
Сквозь озонные дыры глядящее в звездную даль,
Где прелестницы прошлые машут ногами канканов,
А герои грядущие жмут, догоняя, педаль.

Привыкаю к улёту, как раньше к бутылочной влаге.
Понемногу и ноги шаги забывают свои,
Про тропинку в лесу, и про мох на изгнившей коряге,
И про взгляд сквозь листву, и поющие рядом ручьи.

Между этим и тем, между временем и вневременьем
Остается пока еще чуть постижимый пролет.
Я бегу вдоль него, как ребенок за собственной тенью,
А кукушка кукует во сне и упасть не дает.

Суета

*Суета сует – все суета.
Еккл. 1:2*

Что мне дано помимо суеты?
Дано ли мне хоть что-то не отсюда,
Иль все, что здесь дано мне, позабуду
В безмолвном окруженьи пустоты?

Сажая в землю утром семена,
Не знаю, что ростки увидят вечер,
И с четырех сторон слетает ветер
На кислый вкус вчерашнего вина.

Вниманье понимаем затенив,
Надеюсь, что мой разум что-то значит,
И трудоднями отдых мой оплачен,
Хоть, в общем-то, бессмысленны они.

А за границей разума плывут
Куда-то облака за облаками –
Я им вослед, глаза прикрыв руками,
Гляжу и что-то вижу наяву,

Что видел в снах когда-то или где-то,
Да позабыл в потоке суеты,
И разум откликается на это
Коктейлями из правды и мечты.

Утренний полет (Полеты во сне и наяву)

Куда летит поутру бурундук,
Раскинув крылья, желтые, как вата,
Глотая воздух синий на ходу?
Быть может, в этом юность виновата,
Но я ее влиянья не найду.
Каким он будет на исходе дня?
Усталым? Злым? Исполненным печали?
А вы когда-нибудь такое замечали –
Как хрип грозы унынье отгонял?

Шуршанье крыл рождает череду
Картин живых, и красок несомненных –
Все это им, конечно, вдохновенно,
Но я какой-то связи не найду.

Полет куда-то на восходе дня
Всегда мое вниманье привлекает.
Есть в этом сила, видимо, такая,
Что сон исходит разом от меня.

Летающие вдали бурундуки –
Как вы легки, желты и сокровенны!
Открыты памяти пустые сундуки,
Картинки падают, и опустели стены,
И трепетно махание руки

Вослед ушедшим, улетевшим вдаль,
Унесшим все, что с ними приключилось,
Ведь это не беда, скорее – милость,
Забыв, лететь неведомо куда

Среди простых, как ты, бурундуков,
Или ворон, что тоже ведь не плохо,
Вослед заре и грозovým сполохам
В году неведомом вдоль кромки облаков.

Невыдуманная история

Я видел Дональда во сне:
Шел Дональд, видимо, ко мне.
Начальник штаба шел за ним,
Плохими мыслями томим –
Зачем его я пригласил,
Что я, наверно, ассасин,
И вечер кончится со мной,
Наверно, ядерной войной.

А Дональд мне сказал: «Привет!»
Нес негр за Дональдом багет –
Такой батон, что я люблю.
Купил, наверно, по рублю,
Зайдя в соседний магазин.
Был вид его неотразим:
Костюм немного мешковат,
Ботинки стоптаны назад,
А галстук, связанный узлом
Как будто для борьбы со злом.

Поднялись на второй этаж.
Меня немного бил мандраж –
Чего-то важное забыл!
Но на мандраж я свой забил
И двери гостю распахнул.
Войдя, мой гость слегка зевнул,
Спросил: «А где тут туалет?»
И скрылся. В вазе на столе
Лежало горкой маршмалло –
Мне с этим очень повезло,
Поскольку гостя угощать
Мне было нечем натошак.

Вот Дональд вышел, все спустив,
Свистел веселенький мотив
И бодро руки потирал.
Тут подошедший генерал
Ему напомнил на ушко,
Что шел сюда не за горшком,

Что важный утренний визит
Большие планы отразит.

Мой стол был явно маловат,
Но я его раздвинуть рад
Был для невиданных гостей.

Я ждал программы новостей,
Где эксклюзивы кувырком,
Но на экране шел ситком
И кто-то целовал взасос,
А кто-то ахинею нес.
Потом рекламные трусы,
Потом швейцарские часы,
Но ни полслова обо мне
Как будто видел все во сне.

Звонок дверной прорезал тьму.
«Открыто!» – крикнул я ему
И тут увидел – это входят
Сережа, Миша и Володя.

Тут я с кровати навернулся
И, кажется, совсем проснулся.

На кухне, в свете утра сером,
Два незнакомых офицера
Уже не показались странным,
Два черных рядом чемодана
И кнопки красные на них.

И вот пишу я этот стих,
А там, за дверью, шум и гам:
Грозят кому-то «По мозгам»,
А кто-то булькает стаканом...

Тут рифмовать я перестану –
Пора на этот раз и мне
Помочь и миру и войне.
Пойду капусту принесу
И этим – целый мир спасу!

Выход

Я мог бы выйти в окно,
Но вышел в закрытую дверь.
Там было совсем темно,
Там бегал какой-то зверь.
Не верь ему, он сожрет! –
Кричала какая-то тварь,
И капал джекпот ей в рот,
Как теплый елей в алтарь.

Я зверя нашел рукой,
Поскольку кругом ни зги.
Он был шерстяной такой,
Что съехали прочь мозги.

Он видел везде врагов
И тихо в ночи завыл,
И, морду уткнув в него,
Я временно все забыл:

О криках и косяках,
Которые я отжал,
О ссадинах на руках –
А он об меня дрожал,

А он на меня сопел,
Невидимый через тьму,
И глаз его черный перл
Подсвечивал слез кайму.

И так до утра, вдвоем
Сидели мы где-то там,
И думали о своем,
И ночь не была пуста.

Дорога мостовая

Льет не переставая дождик открытым ртом.
Вымощена мостовая прямо перед мостом
Кáменьями крест накось, с дырками там и тут –
Кто-то устроил пакость, вряд ли его найдут.
Строчки ложатся криво, валяются поперек,
Кто-то мостил лениво, лишь бы отбыть свой срок,
Лишь бы дожждаться снега не прикладая рук...
А по камням телега ободом стук да стук,
А на телеге, в красном вышитом зипуне,
Едет мужик на праздник, трезвый пока вполне,
С полной бутылкой белой крашеного стекла,
Едет, считая мелочь – хватит ли на калач.
Выгреб все без остатка, да получилось – смех,
А позади – трехрядка, полураскрывши мех,
Дребезгом равномерным глушит колесный гул.

«Если продать, наверно, хватит уйти в загул.
Если продать бутылку крашеного стекла,
Хватит купить горилки целый графин...» – текла
Мысль за другою мыслью, не оставляя след.

Дождик сочился с выси, не предвещая бед.
Вот и горбатый мостик, перед мостом – дыра.
Кто-то кидает кости, кто-то сипит – пора.
Круглое – катит дале, плоское – тянет вниз,
Лошади сена дали, то-то мужик, держись.
Лошадь копытом в яму, задом тугим – назад.

«Так-растакую маму» – только успел сказать,
Вылетев враслопырку мордой в стекло и грязь. –
Кто тут оставил дырку? Вот ведь какая мразь!
Жалко – порвал гармошку, но ничего – зашьем».

...Катится вдаль дорожка долгим житьем-быльем,
Катится с неба дождик в темные очи луж.
Бросил возница вожжи – спит, запахнув полу...

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

ИСТОРИЯ «УЧИТЕЛЬСКОГО» ДОМА

Из книги «Внуково. "Московский писатель". В тени больших деревьев»

В городке «Московский писатель» во Внукове, который теперь относится к Новой Москве, есть интересный по своей истории дом с мезонином. Находится он в конце улицы Маяковского. Наверняка никто об этом доме ничего не знает, кроме того, что в нём всегда жили директор и учителя внуковской школы, а потому его так и называли – «учительский».

Дом этот с деревянным фасадом в классическом стиле всегда был неотъемлемой частью городка «Московский писатель»: мимо него ходили на родник, зимой шли в овраги кататься на лыжах, летом – в лес. Так всегда и говорили: «Пойдем к “учительскому” дому» или «Катались с горы за “учительским” домом».

А за «учительским» домом, чуть правее, была прекрасная липовая аллея, очевидно, когда-то именно она и вела к дому, который был некогда помещицкой усадьбой. Распознать аллею можно и сейчас, да только она сильно одичала, и лишь вековые, некогда ровно посаженные деревья напоминают о былой торжественности.

Кое-кто из старших поговаривал о Пахульских, которые жили здесь до революции и были музыкантами.

И действительно, в процессе подготовки книги, мы обнаружили, что наши старшие были очень близки к истине!

«Учительский» дом. Внуково, 2019 г.

Дом баронессы фон Мекк сегодня

Помнится, как мы с тётёй Зиной ходили на родник. Шли всегда мимо высокого бревенчатого дома. Все в «Московском писателе» называли его «учительским», так как в нём жили учителя внуковской школы, что находилась через дорогу от нашей дачи.

Тетя рассказывала, что когда-то в этом доме жил композитор Пахульский. Теперь-то понимаю, насколько этот факт был примечательным для нашего городка, в котором позже стали жить и другие выдающиеся композиторы.

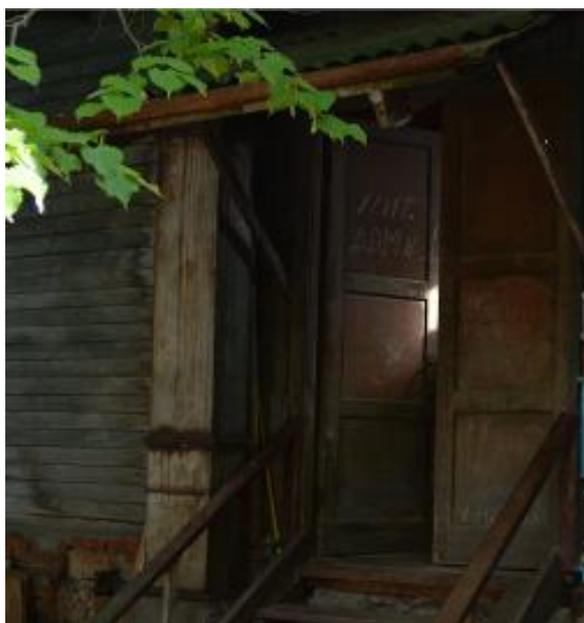
**Из воспоминаний Елены Образцовой,
племянницы кинодраматурга
З. С. Маркиной**

Оказалось, дом построен в 1844 году, а в 1911 году отремонтирован немецкой строительной фирмой и входил в число владений баронессы фон Мекк. Надежда Филаретовна, получив после смерти мужа огромное состояние и проявляя большой интерес к искусствам, слыла меценатом и покровителем композиторов, а более всего баронессу прославила её дружба с Петром Ильичом Чайковским.

Так откуда же взялись во Внукове Пахульские, и кто они такие?

У фон Мекков состоял на службе Альберт Игнатьевич Пахульский, и был он землемером, лесничим и помощником начальника Либаво-Роменской железной дороги. У Альберта Игнатьевича было два сына: Владислав (1857–1919) и Генрих (1859–1921), и оба были преданы музыке.

Владислав, позже прославившийся как польский пианист и скрипач, окончил музыкальное обучение у Ивана Гржимали, приехал в Россию и стал преподавать. Преподавал он и у детей фон Мекк, был вхож в их семью, принимал участие в домашних

Вход в дом

Глубины дома

Если пройти весь овраг и дальше спуститься к маленькой речушке – мы называли её Переплюйка, – то можно было напиться ледяной серебряной воды из родника. Он бил прямо из земли на самом берегу, и все часто ходили сюда, чтобы набрать вкусной чистой воды. Я до сих пор помню чёрный в крапинку бидончик, который давала мне бабушка для этой почётной миссии.

***Из воспоминаний Нонны Голиковой,
внучки Нонны Петровны Веселовой,
родной сестры Л. П. Орловой***

Липовая аллея. Некогда въезд в усадьбу. 2019 г.

музыкальных спектаклях, а позже работал у баронессы личным секретарём и женился на её дочери Юлии. Надежда Филаретовна любила зятя и всячески способствовала его развитию, и в частности – его общению с П. И. Чайковским. Владислав часто служил посредником между фон Мекк и Петром Ильичом.

Младший сын Пахульских Генрих также был под присмотром баронессы и при её содействии поступил в Варшаве в Музыкальный институт, где учился у Рудольфа Штробля, Станислава Монюшко и Владислава Желеньского, а вернувшись в Россию, продолжил учёбу в Московской консерватории у Николая Рубинштейна и других замечательных педагогов. После 1886 года Генрих сам начал преподавать, а в 1916 году получил звание профессора. Среди его учеников были Рейнгольд Глиэр, Всеволод Задерацкий, Георгий Шароев. Кроме того, Генрих Пахульский был прекрасным композитором – мастером переложений, которые высоко оценил Петр Ильич Чайковский.

Большинство произведений Генриха Пахульского – фортепьянные миниатюры: учебные этюды, прелюдии, экспромты, а также вальсы, мазурки. Но есть и крупные формы.

Возвращаясь к истории нашего «учительского» дома, сложно сказать, когда именно Пахульские стали жить в усадьбе во Внукове. Очевидно, по воле Надежды Филаретовны дом был передан в ведение старшего из братьев Пахульских – Владислава, женатого на её дочери Юлии Карловне. Позже к брату переехал и младший Пахульский – Генрих, который и проживал в усадьбе почти до 1917 года.

После же революции усадьба была экспроприрована, в разное время в ней располагались клуб, школа, а затем и дом для учителей. Позже в доме проживал директор, который долгое время управлял интернатом и школой во Внукове. Сейчас там живут дети и внуки директора школы.

Композитор Генрих Пахульский

ГОЛОС ПРОШЛОГО

Петр Дубенко
(МОССАЛИТ, Самарская обл.)

РОМАН БОЛЕСЛАВА ПРУСА «ФАРАОН»

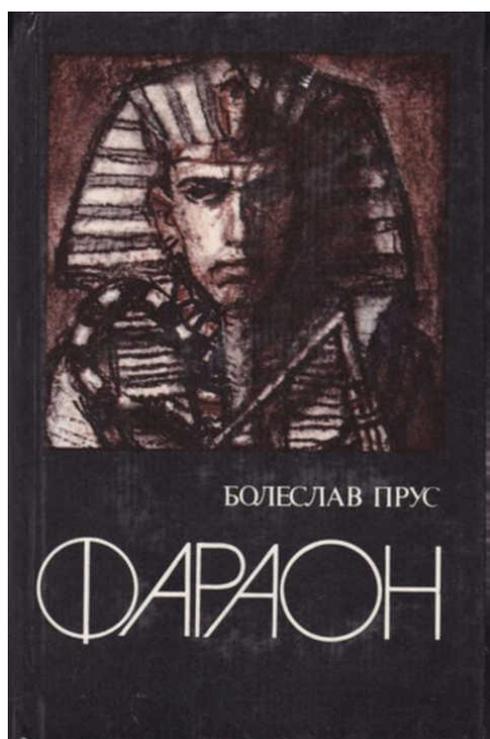
Как художественный вымысел стал лучшим историческим романом

Роман «Фараон» Болеслава Пруса рассказывает о Древнем Египте середины XI века до н. э. Это период так называемого Нового царства, то есть эпоха, в которую древнеегипетская государственность достигла наивысшего расцвета. Чтобы оценить мощь и могущество той империи, достаточно сказать, что общая численность ее подданных в тот момент составляла 20% от всех жителей планеты Земля. Для сравнения, нынешний мировой лидер США – это 3%, а самая населенная страна мира Китай – всего 15%.

Новое царство Египта просуществовало без малого 500 лет. За это время в стране сменилось три династии. Последней стала XX династия фараонов, которая прервалась со смертью Рамзеса XI. Судя по документам той эпохи, еще при жизни фараона все рычаги

реальной власти – от финансовых потоков до руководства армией – в своих руках сосредоточил некий жрец. После смерти правителя, пользуясь своим положением истинного хозяина страны, он провозгласил себя новым фараоном, а чтобы придать этому хоть какую-то законность, женился на вдове Рамзеса XI.

Но власть жреца признали не все. Вспыхнула долгая и кровопролитная гражданская война, в результате чего империя распалась на два государства: Южный Египет со столицей в Мемфисе и Северный, центром которого стал Танаис. С этого и начался постепенный упадок всей древнеегипетской цивилизации. Как итог, не сразу, не очень быстро, но Египет будет завоеван сначала персами, а потом Древним Римом, и эти новые мировые лидеры на протяжении долгого времени будут делить и по своему усмотрению перекраивать некогда могущественную державу.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Так было в реальности. В романе же повествование начинается с последних лет правления престарелого фараона двадцатой династии Рамзеса XII. Напомню, что на самом деле последним фараоном этой династии стал Размес XI. В романе также есть могущественный священник – Херихор, верховный жрец Амона-Ра, и именно ему принадлежит реальная власть. Некогда сильная и богатая страна в начале повествования находится в упадке, казна скудеет, народ изнемогает от непосильного труда, провинции сотрясают восстания покоренных ранее народов. После смерти вымышленного Рамзеса XII фараоном становится его сын – вымышленный Рамзес XIII. Он же главный герой произведения. Между молодым наследником и всевластной кастой жрецов во главе с узурпатором Херихором разворачивается борьба, которая и является центральной осью сюжета. Борьбу эту юный Рамзес проигрывает и погибает. Херихор становится верховным правителем, женившись на матери погибшего фараона.

Таким образом, сюжетная основа романа представляет собой сплав реальных событий и художественного вымысла. Но при этом «Фараон» считается одним из лучших образцов исторической прозы всех времен и народов. Как такое стало возможным?

Прежде всего, свою роль сыграла очень точно и подробно восстановленная эпоха. Не случайно до сих пор ведущие египтологи называют «Фараон» наиболее точным и полным литературным описанием жизни Древнего Египта. Несомненно, работая над романом, Прус перелопатил огромный массив научного материала, благодаря чему и смог достичь точности. Поэтому возникает законный вопрос: при таком дотошном скрупулезном подходе к воссозданию эпохи, зачем нужно было вводить вымысел?

В поисках ответа нужно сделать еще один небольшой экскурс в историю. Дело в том, что судьба Древнего Египта, описанного в книге Пруса, очень схожа с историей средневековой Польши, родины автора романа. Действительно, к XVI веку Польша, а затем и Речь Посполитая достигла своего могущества. Она представляла собой огромную державу от южного побережья Балтийского моря до северных берегов моря Черного, и включала в себя практически всю современную Белоруссию и Украину, а также часть современных России и Германии. Не будет преувеличением сказать, что в ту эпоху Польша была одним из лидеров Европы, и от ее решений зависели судьбы многих и многих народов. Но при этом страну раздирали феодальная междоусобица и гражданские войны. Как результат, уже в 1772 году произошел первый раздел Польши между Пруссией и Россией, после чего великая Речь Посполитая на ближайшие двести с лишним лет превратилась, по сути, в колонию.

Александр Гловацкий – это настоящее имя Болеслава Пруса – родился в той части Польши, которая входила в состав Российской империи. Юность и молодость его пришлись на период невероятного подъема патриотических настроений среди поляков, и Гловацкий, как потомок некогда знатного, но обедневшего шляхетского рода, конечно,

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

не мог остаться в стороне. Шестнадцатилетним юношей он даже принял участие в вооруженном восстании, был ранен и попал в плен.

С возрастом Гловацкий попытался осмыслить причины, по которым его родина оказалась в таком плачевном положении. Результатом его размышлений стала идея написать исторический роман. Но в том виде, как он был задуман изначально, цензура царской России его бы ни за что не пропустила в печать. Понимая это, Гловацкий решил рассказать историю крушения родной Польши в XVIII веке, перенеся события в Древний Египет первого тысячелетия до нашей эры. Изображая на страницах романа упадок некогда могущественного государства, автор часто вкладывает в уста разных героев рассуждения о причинах случившегося. При этом он наделяет жителей Древнего Востока мышлением современного человека и вкладывает в уста вымышленных героев идеи, немыслимые для людей того мира. Но читателю, который имеет представление об эпохе Пруса, абсолютно ясно, что рассуждения эти навеяны кризисом буржуазно-феодального общества Польши.

Такова была начальная задумка. Однако в процессе работы Болеслав Прус заметил, что описанная им совокупность реальных причин и факторов, которые в романе приводят к упадку и крушению выдуманного Египта, характерна не только для польского общества XVIII века. Нечто похожее часто повторяется на протяжении всей истории человечества. Так, сам того поначалу не ведая, Болеслав Прус открыл и описал в художественном произведении некие закономерности исторического процесса, которые справедливы для любой эпохи в разных уголках мира. Именно это сделало «Фараон» лучшим историческим романом. Совсем не случайно актуальные параллели со своей эпохой в нем находили современные люди из самых разных стран: кто-то усматривал в романе аллюзию на борьбу Отто фон Бисмарка с католической оппозицией, которая препятствовала объединению Германии, кто-то – на противостояние российского императора Николая II и Государственной думы в начале XX века.

Можно смело сказать, что этим произведением Болеслав Прус открыл новую эру исторического романа. До «Фараона» книги этого жанра представляли собой упрощенный рассказ об увлекательных приключениях на фоне каких-то реальных событий. Так было, например, у Скотта, Дюма, Гюго, Дойля. Да, в подобных произведениях авторы тоже очень точно, исторически верно описывали материальную культуру и нравы эпохи, ее значимые события. Но все же это был поверхностный взгляд. «Фараон» же стал первым историческим романом, в котором фокус авторского внимания сосредоточен на фундаментальных причинах произошедшего. Проще говоря, произведение не просто рассказывает о том, что и как произошло в далеком прошлом, но еще раскрывает причины событий и объясняет, почему не могло произойти иначе. С тех пор произведения, построенные именно таким образом, считаются классическим историческим романом.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Галина Ильина
(Пенза)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Стихи о зиме

Снежный день

День сегодня снежится –
В хлопьях снега нежится,
В белизне купается,
Людям улыбается.
Выйду-выйду я к нему,
Все сугробы обниму.
Снег стряхну с воротника
И слеплю снеговика.

Дед Мороз на свете есть!

Раньше я в него не верил,
Спорил: «Нет его!» – до слёз.
Но вчера открылись двери,
На пороге – Дед Мороз!
В красной шубе, с бородою,
На плечах снежок лежал.
Поздоровался со мною,
Из мешка коньки достал.
Улыбнулся мне устало:
– Принимай скорей, внучок.
О коньках давно мечтал я,
Как узнать он только смог?
– Пусть отец коньки наточит.
И ушёл, отдав мне честь.
И теперь я знаю точно:
– Дед Мороз на свете есть!

Курносый Снеговик

Ловлю снежинки языком я,
Они летят на воротник.
Но вот уже катаю комья,
И получился Снеговик!
Бегу на кухню за морковкой.
Куда пропала? – вот вопрос.
И тут идёт навстречу Вовка,
Грызёт морковку – красный нос.
И ни к чему теперь вопросы.
Достал я пуговицу вмиг –
Теперь стоит чуть-чуть курносым,
Совсем как Вовка, Снеговик.

Новогодний подарок

Принесла в своих ладошках
Снег нам зимушка-зима –
Накрывает по-хозяйски
Тротуары и дома.
Хочет выбелить весь город,
Дел ещё невпроворот.
Это будет нам подарок
От неё на Новый год.

Как Шарик пошёл служить

Сказала Шарикуну:
– Служить!
Но не могла
Предположить,
Что он буквально
Всё поймёт:
Найдёт винтовку,
Пулемёт,
Наденет каску
И шинель
И скажет:
– Есть, мадамгузель!
В рюкзак
Уложит он еду:
– Служить
В погранвойска иду!

Бабушка Слоника

Бабушка Слоника
Так хороша!
Ходит по Дели
Она не спеша
В розовом сари
И тёмных очках.
Двадцать серёжек
Сверкают в ушах.
Внучеку шлёт
Телеграмму в Мумбай:
«Лак и помаду
К весне высылай!
Если получится,
И кадиллак –
Пенсии мне
Не хватает никак».
Слоник гордится
Бабулей своей.
Он покупает ей
Лак для ногтей,
Жидкой помады
Для губ
Целый бак.
Всё это грузит

В большой кадиллак
И, улыбаясь,
Садится за руль –
Слоники
Делают
всё
Для бабуль!

Жить на свете хорошо!

Летним утром Ёжик шёл
 Около сосёнок,
 Напевал он:
 – Хорошо,
 Если ты – Ежонок!
 С ветки
 Кто-то возразил:
 – Если ты – Бельчонок!
 Кто-то пискнул,
 Что есть сил:
 – Если ты – Мышонок!
 Летним утром Ёжик шёл,
 Пел он с упоением:
 – Жить на свете хорошо
 Всем без исключения!

Как селфи погубило обезьяну

Нашла телефон Обезьяна
 Под пальмою солнечным днём
 И сделала селфи –
 С бананом,
 с кокосом,
 колибри,
 слоном.

На травке,
 на ветке,
 лиане,
 На фоне далёких вершин.
 То ляжет,
 то сядет,
 то встанет –
 Все снимки её хороши!
 Другой бы воскликнул:
 – Отлично! –
 Довольный собою вполне,
 Она же вздохнула:
 – Обычно.
 Экстрима хотелось бы мне.
 Снимусь у реки,
 с крокодилом,
 И это уже – не пустяк!
 С ним селфи получится –
 сила!
 Ушла и пропала...
 Вот так!

Ворона из Воронежа

Ворона из Воронежа
Читала родословную.
О том, что я услышала,
Передаю дословно:
– Мой прадед –
из Кар-р-раганды,
А дед –
из Кар-р-ракум,
Отец
с Ка-р-рибов прилетел –
Позвал в Вор-р-онеж кум.
Вор-р-ронеж –
город для вор-р-рон!
Но тут меня увидела
И громко каркнула:
– Пар-р-рдон!
Надеюсь, не обидела?

Оса-путешественница

Возвратилась Оса
Из Осло.
Стала модною,
Стала взрослой.
Что за талия?
Как иголочка!
Над большими
Глазами –
Чёлочка.
А летает как –
Заглядение!
Высоко своё
Ценит мнение.
И жужжит она
Не «жу-жу, жу-жу»,
По-заморскому:
«Хай-жужу-жужу».
Всё ей нравится.
Всем довольна.
Но кусается
Так же больно.

Иллюстрации Ксении Ивановской

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Кокорина
(МОССАЛИТ, г. Королёв)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Зимние забавы

Метель за окнами с утра,
Белым-бело от снега.
И вот звенит звонок... Ура-а-а-а!
В пушистый снег с разбега!

Леплю увесистый снежок,
И он летит в Андрея!
Смеясь, ответил мне дружок,
Но ком его крупнее...

Я увернуться не успел,
И – бац! – снежок по уху.
«Ах та-а-к!» – Я чуть не заревел
И – догонять Андрюху.

Сплелись с дружком одним клубком,
Катаемся, смеёмся!
То он на мне, то я на нём,
Но оба не сдаёмся.

Бороться на снегу легко!
Куда ушла обида...
Мы сами превратились в ком:
Ни рук, ни ног не видно.

Не разнимает нас никто:
Смеются... всем забавно:
«Накинуть бы сейчас платок –
И быть вам снежной бабой!»

Но быстро тает мокрый снег,
Ручьи текут за ворот.
Разгорячили спорт и смех,
Бр-р-р! – пробирает холод.

Быть бабой иль снеговиком...
Неплохо, между прочим.
А мы – бегом с Андрюхой в дом:
Промокли, но хохочем!

Больной мышонок

Промочила лапки мышка.
Кашель, насморк у малышки.
Мама знает, как лечиться:
Надо срочно утеплиться.
Есть на лапки два носочка,
Замотала грудь платочком,
Шарф на шею. Вот и славно!
Только не спокойна мама.

Не решён один вопрос:
Чем согреть мышонку хвост?

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Путешественница

Решила обезьянка:
На Север ей пора.
Взглянуть на снег, на санки...
А то жара, жара...

Откуда было знать ей,
Что снег – это мороз.
«Зима, какое счастье!
Лечу, решён вопрос!»

Отбросив все сомненья,
Приобрела билет.
В момент, без промедленья
В путь собрала пакет.

Хоть заполнять и нечем:
Бананы да кокос,
Зато с гостинцем легче
Решить любой вопрос.

Узнать бы обезьянке,
Что будут там нужны
Ей сапоги, ушанка,
И тёплые штаны.

Спускается по трапу
Туристка на мороз.
Смекнули сразу лапы,
Ладони, попа, нос,

Что здесь не пригодятся
Бананы и кокос.
Бежать в тепло, спастись!
Достал мороз до слёз!

Природа, солнце – нега!
Снежок: белым-бело...
Но гостье не до снега,
Всю холодом свело.

Зачем ей, обезьянке,
Знакомиться с зимой?
Нет, не нужны ей санки.
Скорей на Юг, домой!

Рванули сами ноги
Обратно в самолёт:
«Будь счастлив, Север строгий,
Нас жаркий климат ждёт!»

Маришка встала на коньки, или Поддержка

Каток. На льду детишки,
Все веселы, легки...
Решила и Маришка:
«Встаю я на коньки!»

Легко сказать – «решила».
Не слушается лёд,
И шагу не ступила,
С коленок не встаёт.

Что за коньки такие –
На месте не стоят!
Катаются ж другие,
Легко по льду скользят.

Не ползать же по кругу,
Что делать? Хоть рыдай...
«Давай, подруга, руку,
Учись, не унывай!»

Смеётся мальчик рядом:
«И не пытайся сесть!»
Маришка очень рада:
Встаёт, поддержка есть!

«Теперь твоя опора
На лезвие конька.
Почувствуй лёд и скоро
Поедешь. А пока –

Держи крепче руку!»
Шажок, ещё шажок...
Поехали по кругу
И – покорён каток!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Илана Вайсман
(Израиль)

СВЕТ ДАЛЕКОЙ МАЛЕНЬКОЙ ЗВЕЗДЫ

Когда-то, очень-очень давно, жила-была звезда, звали ее Оманут⁶. И отличалась она от своих собратьев тем, что углы у нее были не острые, а немного закругленные, поэтому исходящий от нее свет был мягким, нежным и теплым. Она не ослепляла своим светом пролетающих богов, не обжигала их крыльев, всегда была приветлива и улыбочива, никогда не жаловалась, не просила ничего лишнего и всегда была довольна тем, что посылали ей вершителю судеб. Но, несмотря на все эти чудесные качества, была Оманут очень одинокой. Но даже от самой себя скрывала она это недовольство, ведь боги любили звезду, ставили всегда в пример другим, баловали своим вниманием и любовью. Они подарили ей все: прекрасный климат, роскошную фауну и флору. Люди, жившие на любимице богов, были счастливы и талантливы. Они ухаживали за Оманут, и та дарила им взамен свои звездные урожаи. Оманутяне были единственным народом во вселенной, который не умел лгать, предавать и завидовать. Они с молоком матери впитали в себя доброту и тепло, нежность и преданность звезды, отдавшей свое лицо для их жизни.

Но, как это часто бывает среди звезд, не могли стерпеть вселенские подруги счастья маленькой Оманут. Они стали жаловаться богам и упрекать их в несправедливости.

– Конечно, – кричала Шифлут⁷ – одно из самых злобных светил в звездном совете, – легко ей быть счастливой, когда боги так благоволят ей! У шифлутян нет стольких талантов, они несчастны и больны!

– Они злобны, ленивы и завистливы, – хмурились вершителю судеб, – вместо того чтоб ухаживать за своей звездой, они подглядывают в чужие окна, сплетничают и выпрашивают милости у пролетающих богов.

Но звезды не унимались, они зывали к справедливости и требовали наказать маленькую Оманут.

– Но за что мы станем ее наказывать?! – изумлялись боги. – Пусть кто-то из вас назовет хоть одну ее провинность, тогда нам легче будет понять степень вашего негодования.

Звезды задумались. И тут зазвучал в галактике голос самого главного бога – Цэдэка⁸:

– Властью своею даю вам один солнечный день и одну лунную ночь для того, чтобы отыскать провинность Оманут. Если по истечении этого срока вы не найдете ее, я истреблю ваш свет, а ее еще больше возвышу и осветю, чтобы неповадно было вновь родившимся светилам испытывать низменные чувства, недостойные величия звезд. И да будет справедливость!

⁶ Оманут – искусство.

⁷ Шифлут – подлость.

⁸ Цэдэк – справедливость.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Так сказал бог Цэдэк и простер вселенскую десницу, что стало знаком к началу наступившего срока.

Кончались галактические сутки, но ни одна из звезд не могла вспомнить о провинности Оманут. Им становилось страшно, ведь все помнили о наказании, ожидающем их, если они не выполнят условия главного бога. Многие уже прощались с белым светом и в тайне горько сожалели о том, что поддались на уговоры Шифлут поднять звездный бунт.

Астральная площадь галактического собрания заполнилась потускневшими, испуганными светилами. И только где-то слева, перед трибуной богов, неизменным теплом сияла Оманут. Она редко приходила на подобные собрания, но в этот раз настойчивые уговоры соседки Ормы⁹ сделали свое дело и звезда решила посетить великое собрание.

Постепенно смолк гул, и медленно, словно продлевая отведенный срок, поднялся со своего трона Цэдэк:

– Оманут, стань перед нами и скажи по чести: тебе известна цель нашего собрания?

– Нет, – не колеблясь отвечала звезда, – я ничего не знаю.

– Кина¹⁰, – позвал Цэдэк одну из подстрекательниц, – расскажи Оманут, все, что произошло на прошлом собрании и для чего мы собрались сегодня.

Долго говорила Кина, прожигая огнем обиды собственное нутро. И плакала взхлеб, и злилась, и вспыхивала от ярости, и гасла от мысли, что наступают последние минуты ее звездного существования.

– Довольно! – прогремел Цэдэк. – Я думаю, Оманут все поняла и не очень огорчится, если скоро рядом с ней не окажется ее сварливых подружек. – Кто хочет сказать?! – пророкотал он.

В ответ звенела тишина, и только редкие всхлипы самых слабых звезд нарушали звенящее безмолвие.

– Что ж... – тяжело вздохнул главный бог, – я всегда был справедлив с вами и сейчас не изменю своего решения.

– Стойте! Стойте! – пронзил галактику отчаянный крик Оманут. – Я никогда ничего у вас не просила, а теперь прошу: измените свое решение – оставьте свет звездам!

– Указы богов неизменны, их воля – незыблема. Или будет выполнено наше условие, или мы погасим свет звезд.

– Тогда я выполню то, что вы требуете, – уже спокойнее отвечало маленькое светило, – сама расскажу о своей провинности...

Тут даже у богов остановилось дыхание – все что угодно они готовы были услышать сегодня, но о таком повороте событий не подозревал никто.

– Шифлут, Кина, Орма и все остальные – правы. Они обделены счастьем. Их счастье было отдано мне, а если бы всем было дано поровну – никто бы не обижался.

– Но где же тут твоя провинность? – не унимались боги. – Ведь это была наша воля!

– Да, ваша воля была послать мне счастье, а моя провинность в том, что не попросила его для других. Ведь знала, что на других звездах страдают люди, но была обеспокоена судьбой только своего народа. Вот и получается, что виновата я – счастьем. Надо разделить мой свет между всеми звездами, и счастье разделится поровну. Мой народ расселится по светилам галактики, народит себе подобных, и люди на других звездах станут талантливее и радостнее, они создадут много великолепных творений и в молитвах к богам будут помнить об Оманут и друг о друге. И это будет справедливо.

Нечего было возразить богам. И Цэдэк изрек:

⁹ Орма – хитрость.

¹⁰ Кина – зависть.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

– Быть посему!

Теплый, нежный свет разлился по звездам, каждая получила кусочек счастья. Кто-то сумел его сберечь, кто-то нет, но если вы встретите талантливого человека и ваша жизнь станет светлее от его присутствия, значит в его сердце горит далекий немеркнущий свет маленькой счастливой звезды – Оманут.

ВОЛШЕБНЫЙ РУКАВ

Валька жил в детдоме. Холодно ему было, голодно, но никогда не скучно, потому что Валька умел мечтать. Зарывшись ночью под одеяло и не обращая внимания на сосуще-урчащую рапсодию голодного желудка, Валька отдавался во власть собственных фантазий. И до того его захватывал этот процесс, что забывал он обо всем на свете. И, вернувшись в реальность, не мог иногда понять, на самом деле он недавно это пережил или это был плод неудержимого полета воображения.

Так, однажды мечтал Валька построить колодец, только совсем не глубокий и совершенно без воды. Чтоб, когда просовываешь туда руку, можно было бы нащупать нужную тебе в этот момент вещь. Например, теплое пальто, краюху хлеба с маслом и вареньем, горячую сковородку жаренной на сале картошки, бескозырку с черными гладкими ленточками, какую-нибудь интересную книгу о приключениях и обязательно с картинками, огромную мягкую подушку или... да, впрочем, мало ли что можно было бы нащупать в таком волшебном колодце.

И тогда Валька решил построить себе дыру. «А что? – думал он. – Чем моя дыра будет хуже колодца?» И сам себе отвечал: «Да ничем, а может быть, даже еще и лучше. Там вроде как и места побольше, чем в колодце, значит и вещей полезных побольше можно будет найти». Задумано – сделано. Не прошло и трех дней, как была у Вальки готова его собственная волшебная дыра. Для того чтоб волшебство начало действовать, Валька, поразмыслив, накидал в дыру всякой дорогой его сердцу всячины: кусочек золотистой бумажки, которую он нашел под пушистой новогодней елкой, что почти две недели стояла огромном и холодном актовом зале детдома, маленький, начинавший кое-где ржаветь перочинный ножик, который он выменял на недельную порцию компота у соседа по парте, старинную монетку с двуглавым орлом, что нашел в близлежащем лесу, огрызок химического карандаша и маленький теплый шарфик, который был подарен Вальке на день рождения толстой и доброй нянькой бабой Верой. В общем, дыра получилась замечательная. Теперь, когда Вальке было грустно, он шел к своей волшебной дыре, просовывал туда руку и обязательно нащупывал дорогую вещь, которая совсем незаметно, намеками и, конечно же, благодаря удивительной его способности фантазировать, помогала парнишке справиться с плохим настроением и развеять сомнения, туманящие небосвод его светлых мыслей.

Только стал замечать Валька, что у него очень мерзнет рука, пока он роется в своей волшебной дыре. Ведь в диаметре-то была она узковата и, чтобы подальше протиснуть туда руку, надо было снять пальто и остаться в одной тонкой рубашке. Тогда решил Валька приделать к дырке рукав. «Конечно, – думал он, – места станет меньше, зато тепла больше и все, что нужно, найдется намного быстрее».

Сказано – сделано! Прошло некоторое время, и у волшебной дыры появился рукав. Валька с волнением и надеждой просунул туда руку, но, к его большому сожалению, никакого тепла не ощутил. А даже наоборот: ему показалось, что рукав не просто заморозил его руку, а

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

вытянул из нее все тепло. Тогда он просунул другую руку – история повторилась. Ночью, лежа под одеялом Валька, долго думал о том, что произошло. И только под утор понял мальчик, что рукав и сам хочет согреться: чтобы что-то отдать – нужно иметь. И он почти целую неделю отдавал тепло своих рук рукаву. И не напрасно: в один прекрасный день, придя к своей волшебной дыре, он просунул руку в рукав и... необычайное, нежное тепло окутало замерзшее предплечье, локоть, а пальцы коснулись маленькой золотистой бумажки. Она на мгновение сверкнула, и Валька догадался, что это рукав подмигивает ему и благодарит за подаренное тепло.

На дворе мела лютая метель, ветер, казалось, пронизывал насквозь, добираясь до самой души, но, несмотря на это, в сердце у подростка было тепло: он знал, что теперь есть у него волшебный рукав, который не даст ему замерзнуть. Он шел навстречу снегу и улыбался, но тут до него донесся жалобный плач котенка. Валька стал оглядываться и, приговаривая «кыс-кыс-кыс», искать плачущее существо.

Маленький рыжий комочек лежал у Вальки прямо под ногами и был весь покрыт ледяной крошкой. Он бережно поднял его и, отстегнув несколько пуговиц пальто, посадил заморыша за пазуху. Котенок замолчал, а Валька, тщательнее запахнув полы старенького пальто, направился к светящимся окнам детского дома. Подходя уже к самому порогу своего обиталища, Валька понял, что его не пустят в дом вместе с котенком. «Что же делать? – подумал в отчаянии и тут же вспомнил: – Рукав!»

Нужно было проделать огромный путь назад, а на дворе уже совсем стемнело. Когда он будет возвращаться, то вряд ли сможет ориентироваться по окнам детского дома, так как к тому времени уже объявят отбой и свет будет потушен, но котенок, это маленькое, одинокое существо, чем-то очень похожее на своего спасителя, умрет без тепла, а этого Валька допустить не мог. И потому, больше не колеблясь и не раздумывая, побежал в обратном направлении...

Он только помнил, как посадил котенка в рукав и присел на минуточку отдышаться. А дальше наступила темнота, но не давящая, а прозрачная и спокойная. Потом вдруг откуда-то пролился свет, Валька стал маленьким-маленьким и оказался в своем рукаве. Он лежал на теплом, подаренном бабой Верой шарфике, а рядом с ним сидела огромная рыжая кошка, смотрела на него человеческими глазами, улыбалась и протягивала в одной лапе железную кружку с горячим молоком, а в другой – огромную черную горбушку хлеба с маслом и клубничным вареньем...

А когда Валька поправился, баба Вера, утирая огромной красной рукой мелкие слезинки, сообщила ему, что, пока он болел, нашлась его мама. «И как только ты откроешь глаза, она тут же заберет тебя домой», – всхлипывая, говорила она и гладила мальчика по голове. «Но я уже открыл глаза! Где она, где?!» – еле слышно произнес он. «Тише, тише, не волнуйся, она сейчас будет. Тебя ведь не так просто забрать: документы все надо было выправить, согласия там всякие», – голос бабы Веры звучал уверенно, и Валька, в тон ей произнес: «Какие согласия? Я – согласный». Но разговор им закончить не удалось, дверь распахнулась, и комнату залило светом и наполнило запахом молока. Две протянутые руки обняли щедрое и до боли родное тельце Вальки, прижали к теплой мягкой груди, и мамы губы прошептали самое дорогое на свете слово: «Сыночек...»

А Валька только беззвучно плакал и смешно тыкался в копну растрепавшихся рыжих волос, так похожих цветом на шкурку маленького котенка, поившего его теплым молоком в волшебном рукаве.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Людмила Чеботарева (Люче)
(Израиль, Ноф-ха-Галиль)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Художник Юрий Сперанский

ПРОСТУЖЕННАЯ ЛУЖА

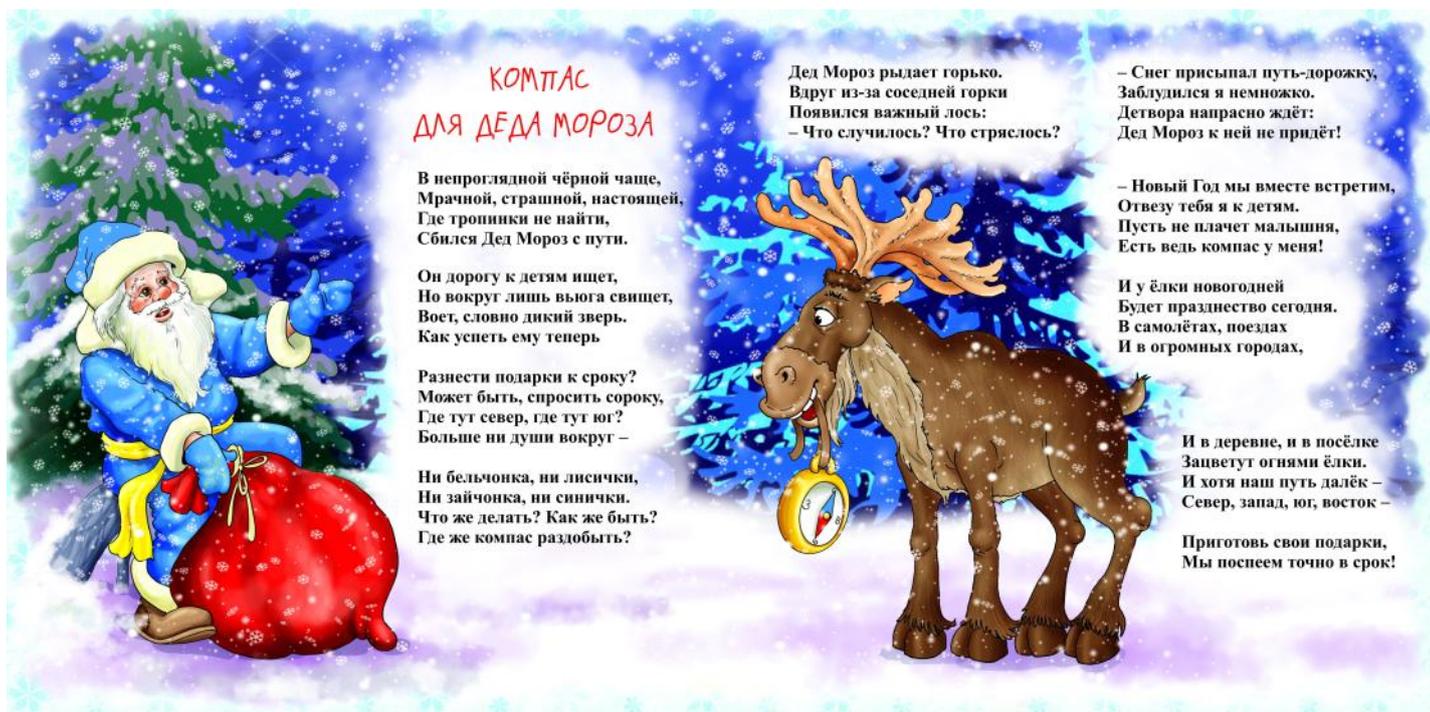
Простуженной луже
 Всё хуже и хуже:
 Она стала мельче
 И меньше, и уже.
 Тяжёлое бремя –
 Ни ахнуть, ни охнуть.
 Неужто же время
 Пришло пересохнуть?
 На солнце хотела
 Погреть своё тело,
 Но как ни крутила
 И как ни вертела,
 Кряхтела, потела
 И таяла лужа.
 Наверно, не солнце,
 А дождик ей нужен.

ЁЖИК ПРОСТУДИЛСЯ

Вчера простудился наш маленький ёжик –
 По снежным дорожкам гулял без сапожек.
 Мы в тазик нальём потеплее водичку,
 Туда же насыплем сухую горчичку.

Пусть ножки пропарит как следует ёжик
 И больше не будет гулять без сапожек.
 А чтоб никогда не болел он опять,
 Запомнит: зимой полагается спать!

КОМПАС ДЛЯ ДЕДА МОРОЗА

В непроглядной чёрной чаще,
Мрачной, страшной, настоящей,
Где тропинки не найти,
Сбился Дед Мороз с пути.

Он дорогу к детям ищет,
Но вокруг лишь вьюга свищет,
Воет, словно дикий зверь.
Как успеть ему теперь

Разнести подарки к сроку?
Может быть, спросить сороку,
Где тут север, где тут юг?
Больше ни души вокруг –

Ни бельчонка, ни лисички,
Ни зайчонка, ни синички.
Что же делать? Как же быть?
Где же компас раздобыть?

Дед Мороз рыдает горько.
Вдруг из-за соседней горки
Появился важный лось:
– Что случилось? Что случилось?

– Снег присыпал путь-дорожку,
Заблудился я немножко.
Детвора напрасно ждёт:
Дед Мороз к ней не придёт!

– Новый Год мы вместе встретим,
Отвезу тебя я к детям.
Пусть не плачет малышня,
Есть ведь компас у меня!

И у ёлки новогодней
Будет празднество сегодня.
В самолётах, поездах
И в огромных городах,

И в деревне, и в посёлке
Зацветут огнями ёлки.
И хотя наш путь далёк –
Север, запад, юг, восток –

Приготовь свои подарки,
Мы поспеем точно в срок!

ДВА ДРУЖКА

Был у Снежка один дружок –
Щенок по имени Дружок.

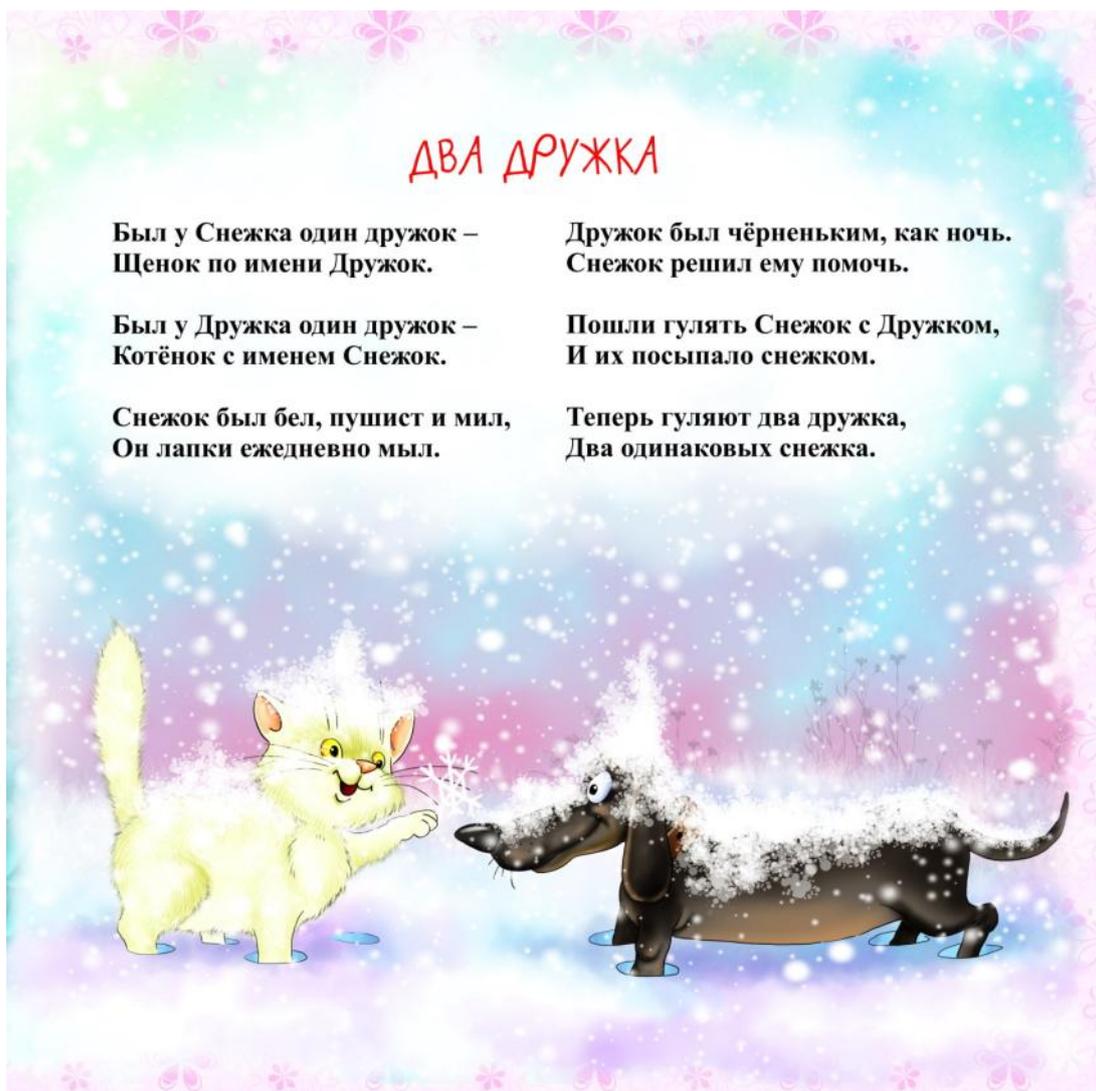
Был у Дружка один дружок –
Котёнок с именем Снежок.

Снежок был бел, пушист и мил,
Он лапки ежедневно мыл.

Дружок был чёрненьким, как ночь.
Снежок решил ему помочь.

Пошли гулять Снежок с Дружком,
И их посыпало снежком.

Теперь гуляют два дружка,
Два одинаковых снежка.

СТИХОТВОРЕНИКИ

**А давайте напомним вареников,
Аппетитных и вкусных вареников!
Только не с творожком,
А с весёлым стишком –
И получатся стихотвореники.**

**Если грустные стихотвореники,
То невкусные выйдут вареники.
Мы добавим в них смех,
Чтоб хватило на всех
Замечательных стихотвореников.**

ИРИСКИ

Обожаю я ириски,
Я их целый день жую!
И ни кролику, ни киске,
Ни щенку их не даю.

Кролик, вот тебе морковка.
Киска рада молоку.
Мышке сыра дам головку,
Кашу и кефир – щенку.

Накормлю овсом лошадку –
Пусть ей будет сладко-сладко!
Вот бананы, вот хурма...
А ириски съем сама!

О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ!

Бурёнкина Муся не спорит о вкусах,
А дарит нам масло, творог и сырок.

И Гавриков Тузик не спорит о вкусах,
А требует косточку и сахарок.

И Мурзик Мяусов не спорит о вкусах.
Он просит колбаски себе на обед.

Я, Петенька Усов, не спорю о вкусах,
А просто хочу шоколадных конфет.

ДЕСЕРТ

Я сегодня в доме главный –
Мамы с папой дома нет.
Я себе устрою славный,
Очень праздничный обед.

Борщ сварю я шоколадный,
В кашу покрошу халву.
Нет десерта?
Ну и ладно!
Без десерта проживу.

СТОП

В переулке на прогулке
Громко спорили две булки:
Я нежней!

А я пышней!

Я вкусней!

Нет, я вкусней!

Воробьишка-серый бок,
К булкам с ветки скок-поскок:
Постараюсь оценить,
Только дайте вас сравнить.

Поклевал он их немножко –
Тут – две крошки,
Там – три крошки,
И четыре, пять и шесть...
Умудрился обе съесть,
Мы не знаем до сих пор,
Кто выиграл этот спор.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Любовь Шубная

(Ставропольский край,
с. Александровское)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Почему загрустил снеговик

Во дворе загрустил снеговик –
Он ещё сам к себе не привык.
Не привык, потому что вчера
Был он снегом скрипучим с утра.
А ещё он снежинками был
И с метелью кружиться любил.
– Не грусти! – я ему говорю. –
Шар воздушный тебе подарю,
Чтобы мог ты с метелью опять
Над землёю, как прежде, летать!

Меню для снеговика

Ну хоть кто-нибудь, скажите,
Чем кормить снеговика?
Снеговик за выходные
Похудел уже слегка.
Он мороженое любит?
Молоко на завтрак пьёт?
Может быть, ему на блюде
подавать на ужин лёд?
Я расспрашивал соседей,
Маму, папу и сестру –
Знают, чем кормить медведей,

Тигров, зайцев, кенгуру...
Я на сайтах в интернете
Не нашёл меню пока...
Ну пожалуйста, ответьте,
Чем кормить снеговика?

Мечта

Ёжик на лыжах мечтал прокатиться,
Чтобы с трамплина взлететь, словно птица,
Небо тихонечко лапкой потрогать,
Там, наверху, задержаться немного –
Ведь интересно, на чём же
– веками –
Держится небо за облаками!

Первый снег

Удивилась наша кошка:
Что случилось за окном?
Белые летают мошки,
Сад в наряде кружевном!
На порожек вышла кошка,
Постояла там немножко
И закрыла лапой нос:
Почему-то он замёрз!

Заглянул в окно Мороз

Заглянул в окно Мороз
И расстроился до слёз:
У компьютера наш Вова
Целый день сегодня снова.
А Мороз старался очень –
Строил горки тёмной ночью!
Выходи-ка, детвора!
Санки брать давно пора!

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

В гости к бабушке

Я на саночках поеду
 В гости к бабушке и деду!
 – Отвези! – скажу я маме. –
 Ведь не едут санки сами!
 А с тобой и без мотора
 Мы доедем очень скоро!
 Мама с радостью ответит:
 – Почему ж не отвезти!
 И помчится так, что ветер
 В каждом ухе засвистит.
 Я отлично понимаю,
 Почему она не прочь –
 Ведь со мной она – лишь мама,
 А в гостях – ещё и дочь!

Стеснительный

До Нового года – чуть меньше недели,
 А я каждый часик терплю еле-еле!
 Так хочется мне нарядиться медведем –
 Мы с другом на бал новогодний поедем.
 Медведь-то не будет топтаться в сторонке,
 Когда приглашают на танец девчонки!
 Никто же не знает, что в маске медведя
 Красиво танцует стеснительный Федя!

Карл Гауптман. Альпийские пейзажи

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

Александр Поликарпов
(Стрельцов)
(Москва)

Краткий исторический очерк к пьесе «Султанша»

Сюжетом пьесы «Султанша» послужили реальные события, подробностей о которых в истории сохранилось не слишком много. Достоверно известно, что события происходили в 1257 году, в средневековом Египте, который к тому времени был давно завоеван арабами и входил в состав Халифата.

После смерти египетского султана ас-Салиха (в пьесе – ас-Саби́х) власть в государстве перешла к его жене, бывшей наложнице Шаджар ад-Дурр (Гюльджан), которая была подарена султану багдадским халифом в честь его вступления на египетский престол.

Несколько влиятельных мусульманских правителей ни при каких условиях не желали видеть женщину во главе государства, и дворцовая гвардия – мамлюки – предложила Шаджар выйти замуж за командира гвардейцев эмира Айбека ат-Туркмани (Атарбек). Условием замужества Шаджар поставила развод Айбека с его прежней женой, имени которой история не сохранила (в пьесе – Зафира), что Айбек без больших колебаний и исполнил.

Восемьдесят дней самостоятельного правления Шаджар переросли в восемь лет правления руками султана Айбека. На трон претендовал сын ас-Салиха от первого брака Тураншах. Однако он не нашел общего языка с верхушкой мамлюков и вскоре был ими убит. По настоянию багдадского халифа египетский двор принял в качестве будущего правителя одного из внуков султана аль-Камиля, отца ас-Салиха, шестилетнего аль-Ашфара Мусу, а Айбек получил к титулу султана дополнительный титул атабека (опекуна). Эта линия ввиду своей незначительности не нашла отражения в пьесе и приводится лишь ради сохранения целостности исторической канвы.

Через восемь лет брака с Шаджар султан Айбек решил из политического расчета жениться повторно на дочери эмира Мосула, однако Шаджар не поддержала стремления мужа, посчитала его изменником, предавшим ту, которая сделала его султаном, и убила.

Далее исторические версии расходятся. По одной из них бывшая жена Айбека пригласила султаншу в хаммам, и там ее служанки забили Шаджар деревянными башмаками каб-кабами до смерти. По другой версии Шаджар за убийство мужа была заточена мамлюками в тюрьму и позже казнена.

Новым султаном Египта стал сын Айбека и его первой жены аль-Мансур Али (в пьесе – Джабир). Впрочем, ненадолго. Через два года он также будет убит в результате очередного дворцового переворота.

СУЛТАНША

Картина из прошлой жизни

Трагикомедия в двух действиях

Действующие лица

Гюльджан, египетская султанша, из кипчаков, тридцати двух лет
Зафира, первая жена султана Атарбека, от сорока до сорока пяти
Абд аль-Алим, советник Гюльджан, библиотекарь, мудрец и звездочет, к восьмидесяти
Хашим абу Али ибн Ваджих, советник Гюльджан, ученый, около шестидесяти
Визирь, высокий мужчина с хитрыми глазами, около пятидесяти лет
Начальник стражи, сорок с небольшим лет, не оратор и не мыслитель
Казначей, до пятидесяти, с худым лицом, но внушительным животиком
Эфиопка, молодая рабыня
Стражник, молодой человек
 Мамлюки, глашатай, эфиоп, служанки, музыкантши, танцовщица

Действие первое

Явление первое

Каир середины XIII века. Одна из комнат дворца египетского султана. Ковры и роскошь. Посредине возвышается балдахин. Под ним подобие тахты с шелковыми оттоманками. Неподалеку от балдахина два советника: Абд аль-Алим и Хашим абу Али ибн Ваджих, сидя на ковре, угощаются фруктами и играют в нарды. Рядом с Абд аль-Алимом стопка книг.

Ибн Ваджих. Скажи, мудрец Абд аль-Алим,
 Пусть благодать пребудет с ним!
 Пусть в уважении склонится аль-Кахира¹¹,
 Пред тем, кому открыты тайны мира!
 Скажи, ты слышишь шепот вышних сфер,
 Какой сегодня поучительный пример
 Послало небо? Какие предсказания от звезд? Подсказки от луны?
 Какие тайны нам открыты, какие указания даны?
Абд аль-Алим. О многотимый ибн Ваджих!
 Я слышу, ветер за окном утих,
 Не смея заглушать твоих правдивых слов.
 Да, звезды отличают мудрых от глупцов.
 И мудрецам они вверяют знать

¹¹ Аль-Кахира – старое название города Каира.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

То, что глупцам не суждено понять.
 Звезда Аль-Хиб, наш проводник в былое,
 Направила мой взор во время злое,
 Когда султан и воин ас-Сабих,
 Победу одержав, от ран навек затих.

Ибн Ваджих. Почтение служившему Аллаху!
 Мир и молитва праведному праху!

Абд аль-Алим. Ярчайший Аль-Наир, что знает день текущий,
 Вернул меня к картинам жизни сущей.

Пред взором мысленным предстала мне Гюльджан,
 Ее походка, дивный стройный стан.

Ибн Ваджих. Наложница багдадского халифа.

Абд аль-Алим. Любимая рабыня ас-Сабиха.

Приняв в Каире истинную веру, рабыня перестала быть рабой.

Султан с ней обращался как с супругой, а в завещании назвал своей женой.

Ибн Ваджих. Кто видел завещание султана?

Кто поклянется, что там не было обмана?

Гюльджан, как говорили, знала руку ас-Сабиха

И за него, в отсутствие его, умела расписаться лихо.

Абд аль-Алим. Гвардейцы и служители Корана

Признали в ней наследницу султана.

Ибн Ваджих (сердито). Нам завещал от века Прародитель,

Мужчина – господин и повелитель,

А женщина повелевать не может.

Пусть полномочия с себя немедля сложит.

Тем более, наложница! И на вершине власти.

Жди в наказание нам мор, и глад, и прочие напасти.

Недаром присмотреть за ней послали человека –

Мамлюкского эмира Атарбека.

Абд аль-Алим. Придворные интриги – темный мир.

Пред ним тускнеет даже Аль-Наир.

Но прежде говорили на базаре, где лишь стена базарная нема,

Что старого эмира Атарбека Гюльджан назначила себе в мужа сама.

Советники переглядываются и смеются.

Ибн Ваджих. А первую его жену Зафиру

Велела прочь прогнать безвольному эмиру.

Абд аль-Алим. И Атарбек за счастье быть султаном изгнал законную жену.

Ибн Ваджих. Хотя был должен своенравную султаншу бить розгами и заточить в тюрьму.

Абд аль-Алим. Но умер старый Атарбек в безмолвный час ночной.

Осталась гордая Гюльджан печальной вдовой.

Ибн Ваджих. Как звезды судят? Есть ли у Гюльджан преемник?

Абд аль-Алим. Звезда Аль-Фард, что бродит как отшельник,

Отягощенный мудростью своей,

Звезда судьбы, звезда грядущих дней,

Звезда, которой на века вперед

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Известно все, что здесь произойдет,
Открыла имя, ввергнув меня в смуту,
Заставив сердце трепетать, как в самую тревожную минуту.

Ибн Ваджих. О, глыба мудрости из всех возможных глыб!

О сердце позаботится табиб¹².

Испить травы и порошок принять,

И сердце перестанет трепетать.

Пока же, мудрый, не взыщи:

Ты говори – не трепещи!

Какое имя назвала звезда?

Ты не тяни: туда или сюда!

Абд аль-Алим. Ты будешь изумлен советник, научно познающий мир.

Наследником египетского царства звездой назначен молодой Джабир.

Ибн Ваджих (изумленно). Сын Атарбека и Зафиры?

Что за превратные сатиры?

Он разве жив? Где пребывал доньне?

Базар судачил, он пропал в пустыне.

Абд аль-Алим. Пока немил был при египетском дворе,

Скрывался у эмира в Бухаре.

*Пока ибн Ваджих обдумывает услышанное,
Абд аль-Алим выбирает на блюде с фруктами сочную грушу и поедает ее.*

Абд аль-Алим (доедая грушу). Скажи, почтенный ибн Ваджих,

Ученостью затмивший остальных!

Молва гласит, тебе ниспослан дар

Понять речь тех, кто от людского глаза скрывается в густой листве чинар?

О чем, скажи, звенели птицы, сегодня, в предрассветный час,

Едва лишь солнце посетило нас?

Ибн Ваджих. Молва – удел простолюдина. В ней истины не следует искать.

Однако в ранний час была причина пернатой стае звонко щебетать.

На зорьке аист под мое окно пришел секретом поделиться:

Сегодня в крепость залетит большая птица.

Ее все годы отовсюду гнали прочь.

Так аист попросил изгнаннице помочь.

Абд аль-Алим (опасливо). Последовав совету ибн Ваджиха,

Мы не хлебнем ли через меру лиха?

Опасно лезть в интригу ради скуки.

Не забывай, при троне есть мамлюки!

Ибн Ваджих. Мамлюк не ведает наук.

По-гречески не говорит мамлюк.

Газелей и касыд¹³ мамлюки не твердят с утра...

Абд аль-Алим. Но головы рубить придворным они большие мастера.

Твои глаза еще моргают.

¹² Табиб (араб.) – врач, лекарь.

¹³ Газели и касыды – формы арабских стихотворных произведений.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Уста пытается изречь –
 На солнце сталь клинка сверкает,
 И голова слетает с плеч.

Ибн Ваджих (*поглаживая себя по шее*). Не продолжай, Абд аль-Алим!
 Всевышний с нами, а мы с ним!

Абд аль-Алим тянется за второй грушей, но ее перехватывает ибн Ваджих.

Абд аль-Алим берет виноград. Оба с наслаждением угощаются фруктами.

По дворцу раздаются звуки медных труб. Слышится возглас глашатая: «Царица Гюльджан!»

Явление второе

Та же комната. Входит султанша Гюльджан в запахнутой чадре со свитой: визирем, казначеем, начальником стражи и двумя мамлюками охраны.

Советники поспешно встают на колени и замирают в низком поклоне.

Гюльджан проходит под балдахин и располагается там.

Гюльджан (*не в лучшем расположении духа*). Бездельники! (*Указывает на советников.*)

Дворец для них, что райский сад.

Весь день играют и едят.

(*Казначей.*) Во что обходятся казне культура и наука?

За год полезного от них не слышали ни звука.

Казначей. Отдали двадцать шесть монет. И столько же – отдать.

Гюльджан (*свите*). Что будем делать, господа?

Начальник стражи. Что делать? (*Проводит ладонью по горлу.*) Сокращать! (*Грозно мамлюкам охраны.*) Ы!

Мамлюки подходят к советникам, берут сабли наизготовку, встают рядом и выжидающе смотрят на начальника стражи, а тот – на Гюльджан.

Визирь. Нет проще, чем с сотрудником расстаться,

Но прежде, мать народа, разреши виновным пред тобою оправдаться.

Гюльджан (*делает разрешающий жест*). Я слушаю!

Абд аль-Алим (*опасливо косясь на мамлюка, отползает от него к балдахину*). Помилуй, свет зари и радость правоверных!

Нет до конца земли двух слуг и преданных, и верных...

Ибн Ваджих (*также отползая от мамлюка*). Таких, как мы.

Абд аль-Алим. Усердны, благодетельны и скромны!

Мы не играем – исполняем твой указ,

О том, что в нарды упражняться полезно каждому из нас.

Ибн Ваджих. А что едим – по государственной нужде.

Ведь государственные мысли рождаются не в бороде. (*Начинает хихикать, но под строгим взглядом Гюльджан осекается.*)

Абд аль-Алим (*жалобно*). Мы и едим и мучаемся разом.

Не плоть питаем – насыщаем разум.

Ибн Ваджих. Всегда готовые на подвиг во имя нашей госпожи,

Мы, ерзяя, протерли коврик. Абд аль-Алим! Будь честным! Покажи!

Абд аль-Алим поднимается на дрожащих ногах и показывает Гюльджан дырявый коврик.

Гюльджан (хохочет). Протерли коврик? Не штаны?

На этот раз вы прощены!

Ибо сумели доказать,

Что ходите пахать, а не лежать.

Начальник стражи (охранникам). У!

Мамлюки охраны отходят от советников и встают по сторонам балдахина, где продолжает хохотать Гюльджан. Рядом хихикает Казначей, улыбается Визирь, ржет по-жеребячьи Начальник стражи.

Явление третье

Заходит стражник-мамлюк. Приветствует Начальника стражи, взглядом спрашивая разрешения говорить. Тот согласно кивает: «У!»

Стражник (Гюльджан). Виденье сна и украшение мира!

У крепостных ворот стоит Зафира.

Растерянная пауза.

Визирь (пользуясь замешательством). Позволь, великая царица, нам с казначеем удалиться!

Мне нужно дописать проект бюджета.

У казначея – неоконченная смета.

Начальник стражи. Проверю состоянье караула,

Чтоб вражеская мышь не прошмыгнула.

Поспешно уходят.

Гюльджан (помедлив). Стоит Зафира? Что ж, ведите! (Видя, что советники пытаются улизнуть вслед за другими – советникам.) А вы куда пошли? Оставайтесь и сидите!

Явление четвертое

Стражник вводит в комнату Зафиру, которая тут же, у входа, распахивает чадру, чтобы султанша ее узнала, тут же запахивает снова и падает ниц перед Гюльджан.

Гюльджан. Мир приходящему! Что привело тебя, Зафира? Мы о тебе не знали восемь лет.

Зафира. И вам мир! Вы не слышали Зафиру, поскольку на Зафиру был запрет.

Прекрасная Гюльджан и тихая Зафира могли бы не сойтись вовек,

Когда бы в ночь не рухнула преграда – обеим близкий Атарбек.

Скончался Атарбек. Спешит Зафира свою вину загладить раз и навсегда.

Рассорила нас общая фигура, надеюсь, сблизит общая беда.

Сознание вины невыносимо, меня измучила злосчастная судьба.

Зафира виновата, что была спесива, с царицей вызывающе груба.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Зафира не жила – страдала: с занозой в сердце невозможно жить!

И вот, когда свершилось что свершилось, пришла молить за прошлое простить.

Гюльджан. Восстань с колен – ты не рабыня! Коленопреклонения не требует никто.

«Прости за прошлое!» – ты проронила. Простить за прошлое? Простить тебя за что?

За дождь, который пролился и высох?

За облака, растаявшие в высях?

За дым, которого пропал и след?

За нечто, совершенное когда-то, которого давно в помине нет?

Простить за молодость, когда мы были безрассудны?

Простить былые страсти? Страсти неподсудны.

Простить за прошлое. Как это понимать?

Простить за прошлое. Да где его искать?

Прошлое не бродит по базару. Не скачет по пустыне на коне.

Не видно прошлого. Оно пропало? Оно укрылось. Прошлое во мне.

Гюльджан замолкает, словно погрузившись в раздумья.

Через несколько мгновений приходит в себя.

Гюльджан. Зафира! Не томись у входа! Ко мне поближе подойди.

Зафира подходит.

Гюльджан. Благодарю тебя за смелость. Ты прощена. Теперь иди!

Абд аль-Алим (негромко ибн Ваджиху). Это и есть твоя большая птица, о ком хлопчет аист по утрам?

Ибн Ваджих (Абд аль-Алиму). Просил бы не указывать на лица. Ты мудрый, догадайся сам!

Зафира (опять становится на колени). Позволь остаться мне еще минуту, не гневайся моим словам!

Позволь, когда Гюльджан меня простила, Зафире пригласить Гюльджан в хаммам!

Гюльджан (удивленно). Пойти мне и с тобою в баню? Что это на тебя нашло?

Каприз, причуда, несуразность. Как это в голову тебе пришло?

Зафира. Тяжелый камень подозрений, незарубцованных обид,

Сокрытых огорчений и сомнений остался и обеих тяготит.

Гюльджан. Ничто меня не тяготит. Я думать о тебе забыла.

Душа спокойна. Сердце не болит. Дышу я как дышала. И хожу я как ходила.

Зафира. Гюльджан забыла – ангел не забыл, что левое плечо незримо занимает.

Сидит и перечнем недобрых наших дел прилежно скорбный свиток заполняет.

Нам есть о чем поговорить. Открыто, откровенно, честно.

Ведь жизни никому не повторить. Как Бог рассудит – смертным неизвестно.

Гюльджан (задумчиво). Не знаю... Речь твоя меня не убеждает, но обижать отказом – тоже грех.

Но почему хаммам? Что, нет другого места для души ублажающих утех?

Зафира (негромко). Где можно женщинам общаться, свободно рассуждая вслух?

Мужчин-блюстителей повсюду – как летом на конюшне мух.

Сидят, глядят, ворчат и поучают. Не так прошла, не тот на ней хиджаб.

Подслушивать иному совесть не мешает. Таращится, как пучеглазый краб.

Гюльджан улыбается, Зафира возвращается к обычной громкости речи.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Зафира. Во всем Каире нет другого места, как ни ищи, оно одно – хаммам, где женщины могли бы уединиться и насладиться разговором по душам.

Гюльджан. Ах! Приглашение твое совсем некстати, нелепо, неуместно, мне оно мешает. Как если бы, когда в разгаре лето, слуга на вас двойную шубу надевает.

Зафира. Гюльджан сказала, что меня прощает. Зафира с радости зовет Гюльджан в хаммам. Таков обычай: радость – угощает. Обычай не казался неуместным нам.

Или Гюльджан не доверяет? Цветок Египта от прощенной им угрозы ждет?

Зафира бдительность царицы усыпляет, а в это время острый нож кует?

Царица опасается Зафиры? Ждет от Зафиры тайного вреда?

Или все проще: вознесенная султанша с ничтожной женщиной надменна и горда?

Абд аль-Алим (ибн Ваджиху). Мне подозрительна настойчивость Зафиры.

Так увлекают жертв коварные вампиры.

Царица не должна с Зафирой соглашаться.

Нам, кажется, пришла пора вмешаться.

Ибн Ваджих (Абд аль-Алиму). Порыв душевный, благородный рекомендую превозмочь.

Нас аист попросил страдальце помочь.

Помочь – так это поддержать.

Твоя звезда, Джабира называя, дала тебе о том же самом знать.

Абд аль-Алим (ибн Ваджиху). Но ведь Зафира притворяется и лжет!

На ней вины нет ни единого карата!

Ибн Ваджих (Абд аль-Алиму). Пришла покаяться, так, значит, виновата!

Будь рассудителен, мудрец!

Прими как правду жизни, наконец! Весь мир и притворяется, и лжет,

Но до сих пор Создателем не проклят, наоборот, идет себе вперед.

Гюльджан (Зафире, устало). Что ты несешь! Тебе не надоело?

Чем может угрожать нагое тело?

Чем могут повредить вода и жаркий пар?

Вода, скажу тебе, не наводнение. А банный жар, замечу, – не пожар.

Однако, прежде, чем я дам тебе ответ,

Хочу услышать от советников совет.

Пока они не совершат свой суд... (Хлопает в ладоши.)

Пусть чаю с пахлавой принесут!

Немедленно появляется эфиоп с высоким чайником, фарфоровыми чашечками, пахлавой, тазиком для омовения рук, умывальником, полотенцем. Поливает на руки вначале Зафире, подает полотенце, затем Гюльджан, также подает полотенце. Отставляет тазик с умывальником по левую от себя сторону, ставит перед Гюльджан и Зафирой чашки и разливает чай. Уносит тазик с нечистой водой и использованное полотенце, возвращается со свежей водой и свежим полотенцем, становится в отдалении, ожидая окончания чаепития или каких-то распоряжений.

Гюльджан. Садись, Зафира! Ног не утомляй. В стоянии немного толка.

Когда чиновники берутся обсуждать, то это, к сожалению, надолго.

(Абд аль-Алиму.) Мудрейший! Ты все слышал. Подготовь ответ!

Абд аль-Алим (поднимается с места). Пусть царствие Гюльджан продлится много лет!

Случилась некая неразбериха.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Хаммам – это по части ибн Ваджиха. (*Садится с довольным видом.*)

Гюльджан (*ибн Ваджиху*). Должна ли я идти в хаммам?

Ученый ибн Ваджих! Ответствуй нам!

Абд аль-Алим. Да. Обоснуй, пожалуйста, научно. Припомни подходящий стих...

Ибн Ваджих (*подскакивает*). Но почему же я из нас двоих?

Ведь существуют тонкости приличий, известны маяки на праведном пути.

Прямые указания адаба¹⁴, которые нельзя не соблюсти.

И вежливость в собраниях народа – один из этих ярких маяков.

Она не позволят молодежи высказываться прежде стариков.

Кудрявый не проронит слова, пока ему седой не разрешит.

Давайте уважать обычай! Пусть старший первым говорит!

Ибн Ваджих садится на свое место.

Абд аль-Алим (*подскакивает*). Ученый прав, когда толкует нам каноны.

Ему от нас заслуженный поклон.

Ученый очень верно замечает, что слово старшего для младшего – закон.

Я – старший. Для того, чтоб ибн Ваджиху несдержанность не ставили в упрек,

Ему великодушно разрешаю: Смелее, мальчик! Говори, сынок!

Абд аль-Алим садится на место. Тут же в негодовании вскакивает ибн Ваджих.

Ибн Ваджих. Такой подход есть поощрение амбиций!

В нем – разрушение основ и нарушение традиций!

Абд аль-Алим (*ласково прерывает*). Ученый ибн Ваджих, ты не дури!

Султанша требует, так, говори!

Ибн Ваджих (*затравленно озираясь*). Имам не запрещал хаммам.

Абд аль-Алим (*восхищенно*). В одной строке – вся мудрость мироздания.

Ученый проявил глубинные познания.

Гюльджан (*Абд аль-Алиму*). Теперь тебя, мудрейший, выслушать готова!

Не ваша тема? Не беда. У мудрого любая мысль толкова.

Раскрой причины, отчего не стоит нам

Идти с Зафирую в хаммам?

Или, напротив, убеди меня бесспорно,

Что не идти нам – оскорбительно и вздорно.

Абд аль-Алим (*встает для ответа*). Для важных государственных решений,

Для разрешения тревожащих сомнений

Должны просить мы звезды сообщить,

Какой нам выбор нужно совершить.

Пока же, до ночной поры,

Занять себя премудростью игры.

Абд аль-Алим садится, пододвигает к себе нарды, предлагая жестом ибн Ваджиху составить ему компанию. Ибн Ваджих отказывается.

¹⁴ Адаб (*араб.*) – моральный кодекс мусульманина.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Ибн Ваджих (*поднимается с места*). Тревожить звезды только потому, что самому ответить несподручно?

Не вижу логики. Посыл смешон. Нет, это совершенно ненаучно.

Начинает смеяться, но под тяжелым взглядом Абд аль-Алима осекается.

Гюльджан (*в тихой ярости*). Абд аль-Алим сказал: «Дождаться ночи»?

Воистину не скажите мудрее.

Меня до ночи ожидание источит. Нельзя, мудрейший, поскорее?

Гюльджан подает знак эфиопу. Тот подносит свежую воду и омывает руки Зафире и Гюльджан. Уносит воду, возвращается, собирает чайник, чашки, сладости и уносит, более не появляясь.

Абд аль-Алим. Ответ мыслителя есть плод его раздумий, неспешных размышлений плод.

Плод тишины, уединенья. Кто мыслит, тот меня поймет.

Тогда как торопливость – искушение шайтана,

Готового терзать нас из-за каждого бархана.

Поспешность не к лицу седому старику

Познавшему немало на своем веку.

Гюльджан (*Абд аль-Алиму*). Я не старик. И я прочла главу Корана.

Надеюсь, что отогнала обратно за барханы вездесущего шайтана.

Одно решение я приняла. Доверю под большим секретом.

Или мудрец сейчас же осчастливит нас ответом,

Или, не будь я полновластная царица,

Я помогу ему уединиться,

И он покинет эти стены навсегда.

Абд аль-Алим. Да, величавая царица! Да! Да! Да! Да!

Берет из стопки одну из книг, поспешно листает, находит нужное место.

Философ учит: «Чистота есть половина веры».

И контрадикторные неизвестны нам примеры...

Гюльджан. Довольно, мудрый, я все поняла.

Закончим этим. У наследницы престола еще остались неотложные дела.

Поднимается, чтобы уйти. Зафира также немедленно поднимается.

Мамлюки охраны становятся по обе стороны от султанши.

Зафира (*Гюльджан*). Благодарю за милость, справедливая царица!

Позволь до завтрашнего дня с великодушною проститься!

Гюльджан. До завтра? То есть до субботы?

Зафира. Нам этот день определен свободным от работы.

Гюльджан (*Зафире*). До встречи! Хотя, нет, постой!

В хаммаме не вставай так часто на колени и называй меня сестрой.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

*Гюльджан с охраной уходит в одну сторону, Зафира в сопровождении стражника – в другую.
Остаются советники.*

Явление пятое

Абд аль-Алим. Да-а!

Ибн Ваджих. Да-а!

Абд аль-Алим (*передразнивает*). Что «да-а»? Накаркал, аист? Заставил сунуть голову в петлю? Стою теперь, тряусь и маюсь. Как я кривые сабли не люблю!

Ибн Ваджих. Не аист, а твоя звезда. Тебе по глазу засветила.

Джабир! Джабир! А если не Джабир? А если не Джабир, то нам – могила.

Абд аль-Алим. Нет, это аист прилетал. И сел к тебе на крышу.

Ибн Ваджих. Ты не мудрец, а шарлатан!

Абд аль-Алим. От шарлатана слышу!

Расходятся в разные стороны.

Действие второе

Сцена первая

Явление первое

*Помещение хаммама. В центре большая купальня с теплой водой. В купальне – горячий фонтан. На возвышении рядом с купальней несколько низких диванов с подушками, кальяны, вазы с цветами. Около диванов подобие широких скамей для массажа. В глубине помещения музыкантши: эфиопка с лютней, рабыни с флейтами, бубном и думбеком¹⁵.
Здесь же танцовщица.*

Зафира. Идем, сестра, идем за мной к горячему фонтану!

Наплещемся в тепле прозрачных струй, а отдыхать пойдем к роскошному дивану.

Мы будем слушать пенье флейт и звон волшебной лютни.

В хаммаме праздник каждый день, и в праздники, и в будни.

Нам слуги станут подавать халву и сахарный шербет.

Нам персики и виноград у ног поставят на обед.

Вдохнем в хаммаме аромат, что сам пророк вдыхал.

Шафран, и мускус, и амбру, и приторный сандал.

Ты сбросишь тяжесть прежних лет и скажешь: «Я – живу!»

Хаммам – не место для мытья, а сказка наяву!

*Зафира и Гюльджан входят в чистую воду мраморной купальни, брызгаются, смеются.
Потом садятся на каменные скамьи купальни, погрузившись в воду по грудь, и замирают,*

¹⁵ Думбек – арабский национальный музыкальный инструмент, разновидность барабана.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

получая удовольствие. Музыкантши в это время играют, эфиопка играет и поет, танцовщица кружится в танце.

Эфиопка (поет под лютню). Соблазны ловят дев чертям,
 Об этом, дева, не забудь.
 Но наставленья дочерям
 Направит их на верный путь.

Будь добродетельна, скромна,
 Лица чужим не открывай.
 Пусть ты красива как луна,
 От дерзких красоту скрывай.

Трудись, как нильская волна,
 От первых до последних дней.
 Леня в этот мир принесена
 Затем, чтобы губить людей.

Наряды – это суета.
 Наряды перепортит моль.
 Нетленна только доброта,
 И в этом – жизненная соль.

Своих соседей не злословь,
 Спасай, когда придет нужда.
 Там часто проливают кровь,
 Где поселяется вражда.

Корысть и скупость от дверей
 Гони и в дом их не пускай.
 Корысть рассорит дочерей,
 А скупость унесет и чай.

Не дай камням и дарам
 Тебя на путь соблазнов сбить.
 Могильный камень скроет срам,
 Так лучше будет не грешить.

Обида – это тяжкий гнет.
 Обидевших тебя прощай.
 Обида в бездну приведет.
 Прощение – дорога в рай.

Не будь тщеславна и горда.
 Тщеславие – как острый нож:
 Другим не причинишь вреда,
 Себя тщеславием убьешь.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Но неразумна будет дочь,
И гнев Всевышнего на ней,
Которая прогонит прочь
Отца и мать с своих очей.

Гюльджан и Зафира выходят из купальни. Служанки обтирают их покрывалами, одевают в тонкие шаровары и легкие халаты. Гюльджан и Зафира располагаются на диване. Им подносят блюда с фруктами и сладостями, чаши и кувшины со шербетом и вином. Эфиопка перестает петь, но музыка продолжает негромко играть.

Гюльджан. Блаженствую! Такая легкость в теле и сладостный покой в душе,
Как будто я перелетела в мой отчий край, где в тихом шалаше

Моя заботливая мать
Меня укладывала спать.

Зафира. Как жаль, прекрасная царица,

Что я не кочевая птица
И не смогла с тобой лететь
На отчий край твой поглядеть.

Но счастлива: моя забота не напрасна.

К блаженству твоему и я немножечко причастна.

Гюльджан. Не говори, Зафира, не от сердца. Твоя неискренность видна.

Ты говоришь приятное султанше. Ты счастлива? Нет, ты огорчена.

Зафира. Я не могу, царица, догадаться,
Чему мне стоит огорчаться?

Меня простила грозная Гюльджан.

Мы вместе возлегли в хаммаме на диван...

Гюльджан. Воспоминания тебя, Зафира, огорчают.

Воспоминания не лед, они не тают.

Ты не забыла как давно, весной,
Я властной волею разделалась с тобой.

С тех пор прошла уж не одна весна.

Гюльджан по-прежнему тобой не прощена.

Прости! Рассей в душе болящей сгустившиеся тучи зла.

Я поступила неразумно и жестоко, но поступить иначе не могла.

Бывает, кровь над разумом довлеет. Бывает, человек не властен над собой.

Мне голос моих предков не позволил быть во дворце не первой, а второй.

Отец мой родовитый бай. Был баем его дед.

В отцовской юрте, у огня, я родилась на свет.

Ребенок рос за годом год, обласкан и любим.

И имя гордое носил – краса Алтынбегим.

Да, «золотая госпожа». Меня прозвали так.

Мой нрав был твердым как алмаз и крепким как кулак.

Я помню юрты по степи до самых синих гор,

Коней, тюльпаны и костры, невиданный простор.

Но жизнь привольная была недолго хороша.

Нагрнул в мирные луга воинственный паша.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Паша в бою отца убил, отцовых братьев тоже.
 Стада угнал. Людей пленил. Меня увел на ложе.
 Мне стал немилым белый свет.
 И было мне пятнадцать лет.
 Паша халифу уступил красавицу Алтын.
 Халиф султану подарил. «Твой новый господин»!
 Но ни с халифом, ни с пашой я не была рабыней.
 Я оставалась госпожой и остаюсь поныне!
 Гюльджан меня звал ас-Сабих. Покойному – хвалу!
 Но я, по-прежнему, в душе Алтынбегим-сулу¹⁶.
Зафира. Сестра! Ты не смотри! Я плачу от волнения, и слезы чистые текут.
 Как вешние дожди, в душевную пустыню они цветенье жизни принесут.
 Да, ты права. Тебя я не простила. Ты отняла часть сердца моего.
 Я мужа, словно бога, обожала, и больше не желала никого.
 Теперь спрошу, услышав твой рассказ,
 Кто больше испытал из нас?
 С твоим сравнить – мое несчастье блекнет. Как блекнут угли, когда солнце засияло.
 Хотя от этого мое несчастье моим несчастьем быть не перестало.
 Не знала я твоей судьбы, не ведала, как много ты страдала.
 Не знала, что свободу потеряв, ты и родных навеки потеряла.
 Одной остаться. Жить в неволе. Быть развлечением в руках мужчин.
 Как твое сердце от ударов устояло? Как на лицо не пала сеть морщин?
 Твой сильный дух тебя спасает. Сметает беды словно ураган.
 С тобою Бог! И Он мне запрещает держать обиду на красавицу Гюльджан.
 Что мы? Куда идем? К чему стремимся? Зачем теснимся перед входом в тронный зал?
 Ведь каждому идти лишь той дорогой, которую Всевышний указал.
 Невинно пострадавших ждет награда. Творящих злое – злая кара ждет.
 Кто был низвергнут в пыль, тот вознесется. Обманом возвеличенный – падет.
 Бог справедлив и милосерден. Твоя судьба об этом не дает забыть.
 Ребенком у тебя отняли, все, что было. Вернули все, что только может быть.

Зафира стирает следы слез с лица.

Зафира. Давно мои глаза не знали слез.
 Что прежде были, Атарбек унес.
 С тех пор, какие беды ни случались, –
 Мои глаза сухими оставались.
 И ни один из них слезы не проронил,
 Когда о смерти Атарбека визирь народу объявил.
Гюльджан. Мы здесь, чтобы открыто говорить. Увечит душу ложь, а в правде – сила.
 Визирь народу правды не открыл. Твой муж не умер. Я его убила.

*Зафира молча смотрит в пол, никак не выдает своих чувств. Гюльджан ждет ее реакции.
 Наконец Зафира находит слова.*

¹⁶ Сулу (тюрк.) – красавица.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Зафира. Тебя у нас могли бы не понять.

Мужей у нас не разрешают убивать.

Гюльджан (*продолжает*). Власть – искушение для душ, не всякий это знает.

Власть – битва, где шайтана бог не вдруг одолевает.

Власть – сладкий и душистый мед, который отравляет.

Власть – это горькая полынь, которая спасает.

Соблазн и пытка. Ты молчишь. Что стало с Атарбеком?

Он богом возомнил себя, оставшись человеком.

Чем дольше власть в руках держал, тем чаще забывался.

Он помнил то, что он султан, но как им оказался?

Он начал полагать всерьез, что сам велик, силен.

Что сам, без помощи друзей, взошел на царский трон.

Дошло, Зафира, до того, что он решать пытался!

Всегда и все решала я, а он лишь подчинялся.

Во вторник он ко мне пришел, сидит, не говорит.

Но возбужден: усы торчком и страстью глаз горит.

Вдруг слышу, словно свысока: «Султан решил жениться!»

Могла ли я, скажи, сестра, на это согласиться?

Зафира издает неопределенный звук, который может означать все, что угодно.

Он, оказалось, дал обет какому-то эмиру.

Там дочка, ей шестнадцать лет, а мне – идти по миру!

Она ему сынов родит. Как кошечка котятков.

Она родит. Но от кого? Тебе – седьмой десяток.

Зафира. Ах он неверный! Ах слепец! Ах он такой-сякой!

С тобой пытался поступить как некогда со мной!

Гюльджан. Неблагодарный старикан! Изменник и отступник!

Я покажу, кто здесь султан, а кто султанов спутник!

Меня взбесила эта прыть,

И я пришла его убить.

Он долго бегал от меня по комнатам дворца,

Но все-таки не избежал позорного конца.

Настигла в башне у ворот и занесла кинжал.

Он начал клясться мне в любви, винился и рыдал.

Гюльджан встает, жестом предлагает сделать то же самое Зафире.

Стоя они выдерживают «минуту молчания».

Гюльджан. Судьба султана Атарбека, сестра, печальна и горька.

На днях мамлюки соберутся назначить нового султана-вожака.

Назначат нового. Так что же? Я не привыкла отступать.

Я к новому приду на ложе. Вдове султана не посмеет отказать.

Зафира. Прости ничтожную, великая царица!

Прости сестру! Но ведь тебе за тридцать...

Гюльджан (*смеется*). За тридцать? Посмотрите на меня! Что тут за тридцать? Это? Это? Это?

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Да, я конечно больше не весна. Но я хорошее уверенное лето.
Сравни теперь, Зафира, по какой причине
Любовь приходит к женщине и по какой – к мужчине?
Для женщины важны слова любви, тогда как для мужчины важен облик.
Шепчи ему хоть что, он будет глух, когда по внешности ты рыба или кролик.
Ушами любят женщины. Мужчины – взором.
Что? Сочный персик? Съесть его, чтоб не покрыть себя позором!

Зафира смеется.

Гюльджан. Сознайся, я ведь персик хоть куда, который хочется опять, опять, опять...
А что года?.. На то они года, чтобы о них забыть и их не вспоминать.

Гюльджан и Зафира смеются.

Гюльджан. Прибавь сюда, что женщина умна, стройна, науку обольщенья знает.
И что мужчина? Как щенок на поводке, пойдет туда, куда она желает.

Хохочут.

Гюльджан. Но что я говорю? Кому я говорю? Такой же женщине, которая сама меня научит.
Как часто принимаешь ты мужчин? Или живешь с одним, покуда не наскучит?

Зафира. Мужчин я вижу лишь во сне, что мне не подobaет.
Стыжусь, молюсь, на правый бок ложусь, но ничего пока не помогает.

Гюльджан. Каких мужчин? А сколько их? И все тебя ласкают?

Как интересно! Расскажи! Меня не навещают.

Они приходят в строгий час? Заходят как придется?

Зафира. Прости, Гюльджан, пересказать язык не повернется.

Гюльджан смеется. Вслед за ней начинает смеяться Зафира.

Гюльджан (*резко меняет тему разговора*). Ты позвала меня в хаммам о чем-то говорить,
Но не сказала ничего, что может тайной быть.

Мы отдыхаем здесь полдня. Устали отдыхать.

Пора приятный банный день с молитвой завершать.

Зафира. Сестра! Я думаю о том. Не знаю, как начать.

Но, может, гвардию на сход не нужно созывать?

Гюльджан. На царство нужен новый царь. Как так не созывать?

Мамлюки станут из своих кого-то выбирать.

Мне против гвардии восстать? Охрану рассердить?

Мне не прискучило пока на белом свете жить.

Зафира. Но может быть, Гюльджан, сестра, не нужно выбирать?

Престол, как водится везде, наследнику отдать?

Гюльджан. Наш с ас-Сабигом сын Халиль ушел во цвете лет.

Другого сына у меня и не было, и нет.

Зафира (*вкрадчиво*). Джабира можно возвратить с чужбин.

Пускай бы был тебе как сын.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Гюльджан. Так вот зачем ты появилась во дворце!

Пришла напомнить, что при царственном отце

Когда-то значился его пугливый сын,

Бежавший от родных ему седин.

Зафира. Сестра! Он не бежал. Он удалился. Я приказала, чтоб он безопасности искал.

Я не желала, чтобы он однажды удавился, или пропал в реке, или упал со скал.

Там матери наследников, случается, горюют,

Где и другие на наследство претендуют.

Гюльджан. Напрасно хлопотала. Зря бежал.

Никто Джабиру здесь не угрожал.

Зачем же парню портить детство,

Когда он не имеет права на наследство?

Зафира. Ты шутишь: права не имеет?

Напротив, он единственный в стране, кто заявить об этом праве смеет.

Наш Атарбек, при ненасытности своей,

Имел гораздо больше дочерей, чем сыновей.

Джабир – единственный законный сын,

И оставлять его без трона нет основательных причин.

Гюльджан. Наследует лишь сын султана, рожденный кем-то из законных жен.

Зафира. Я! Я и есть законная жена султана. Его ребенок мною и рожден.

Гюльджан. Была женой султана.

Зафира. Была. Три месяца была. Пока Гюльджан его не увела.

Гюльджан. Была ли, нет... Не хлопочи! Как ни пытайся – не получится с Джабиром.

Когда ты родила его на свет, отец был не султаном, а эмиром.

Зафира. По молодости все в неизвестных ходят, лишь к старости в значение выходят.

Родился сын в семье дворцового писца, а возмужал – не узнает отца.

Отец не только вырос вширь, отец по должности – визирь.

Как, подсажи, сестра, нам быть? Что нам про сына говорить?

Чей он теперь по праву сын? Визиря? Или сын писца?

Ой! Что-то кровь отхлынула, царица, от твоего прекрасного лица.

Гюльджан. Он слишком молод и не сможет править сам.

Зафира. Поэтому нуждается в наставнице Гюльджан.

Гюльджан. Как говорили мне, никто его не хвалит.

Беспутен, безрассуден, зол. По пустякам, подобно женщине, скандалит.

Зафира. Неправда! Сын мой не таков.

Он умница, а то, что ты сказала – наветы злобных дураков.

Мне очень жаль, что дураки так сильно на политику влияют,

И что правители, внимая дуракам, суждение о мире составляют.

Гюльджан. Не видя человека, не сужу: приятен мне он или неприятен.

Но об одном уверенно скажу: Джабира не поддержат. Он незнатен.

Зафира. Среди мамлюков родовитых нет.

Гюльджан. Мамлюки чтут совсем иной предмет,

Которого подростки не имеют.

Почет и уважение других мамлюку лучше солнца душу греют.

Кто уважаем – доберется до вершины.

Зафира. Ты называешь поводы к отказу – не причины.

Гюльджан. Пообещай отбросить всякое притворство.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Пообещай, что будешь откровенна и честна.

Тогда я назову тебе причину, хотя причина всякому ясна.

Зафира. Но разве я, сестра?.. Да, обещаю.

Гюльджан. Вообразим, что я, хотя Джабира и не знаю,

Отдам ему престол. Сказать тебе, что будет дальше?

Не отвечай! Ты не способна отвечать без фальши.

А дальше... Дальше суток не пройдет

Как труп Гюльджан в заброшенной канаве случившийся прохожий невзначай найдет.

Сын должен отомстить за смерть отца. Иначе он не сын, а робкая овца.

Трон мне с Джабиром будет тесен.

Закончим. Разговор неинтересен.

Зафира. Где воля есть, там бесполезна сила.

Я лишь совета твоего спросила.

Тебя я не пыталась принуждать.

Но он мой сын, и я веду себя как мать.

Я лишь спросила: «Разрешешь?» Ты отвечала: «Нет!»

Без колебаний приняла ответ твой как совет.

Зафира (в сторону). Когда б великие умели представлять

На что способна обезумевшая мать,

Которая ведет борьбу за сына...

Их устрасила бы возникшая картина.

Долгая неловкая пауза.

Зафира (Гюльджан). А я с собою принесла индийские масла.

Не те, что есть у всех, не от торговцев, а от жены делийского посла.

Какое ни возьми – все новый аромат: один дурманит, два пьянят.

Четвертый дразнит, пятый взор туманит, шестой влечет и искушает.

Все ароматы так сильны!

Берешь лишь каплю, а благоухаешь, как роза, от луны и до луны.

Гюльджан. И где они? Слова на запахи, ты знаешь, небогаты.

Хотелось бы понюхать ароматы.

Зафира (суетливо). Сейчас я прикажу. Сейчас, сейчас. Я прикажу.

Я лишь скажу, что на себя расходовать не стану. Отдам тебе.

Мне не идти на ложе к новому султану.

Я прикажу. Тебя прошу. Не гневайся, сестра, на этот разговор.

Судьба Джабира беспокоит меня не в шутку с давних пор.

Прости несдержанную мать!

Не думала царицу огорчать.

Гюльджан (примирительно). Никто не свят, и мы не святы.

Зафира (хлопает в ладоши). Служанки! Принесите ароматы!

Явление второе

Заходят три рослые, крупные служанки, держа в руках подносы с духами и розовой водой.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Гюльджан (*изумленно*). Откуда эти великаны?
 Не девушки, а воины султана.
 В тяжелых деревянных башмаках.
 Одним обличем своим внушают страх.
 Ты их купила для того, чтобы послать в поход?
 Сдаешь носильщику в наем, чтобы иметь доход?
Зафира. Мой дом свободен от мужчин – не от мужской работы.
 А эти девушки сильны почти как бегемоты.
 На днях в окно забрался вор, решив, что дом пустой.
 Я возвращалась от швеи, вдруг слышу дикий вой.
 Спешу, вхожу, вокруг гляжу – шум, крики со двора.
 Бегу во двор. О небеса! Что вижу я, сестра?
 Разбойник на коленях. Лишен свободы рук.
 Три девы ловко грузят на пленника сундук.
 Сундук у нас лет двадцать, в таких калым дают.
 Когда перевозили – не вынес, сдох верблюд.
 Три девы хмурят брови: «Пощады не проси!
 Пришел забрать чужое? Бери сундук! Неси!»
 Сундук окован медью, беднягу придавил.
 Хрипит. Меня увидев, собрал остаток сил:
 «Спаси! Я гибну! Не снесу страдальческую муку!
 Я признаю свою вину! Пусть мне отрубят руку!»

Гюльджан смеется. Служанки ставят подносы с благовониями перед Гюльджан.

Зафира. Вдохни, прекрасная царица, далекой Индии цветы!
 Их запахи таинственны как небо, как родниковая струя они чисты.
 Они тревожат и волнуют, от них кружится голова.
 Они в нас пробуждают чувства, каких не пробуждают и слова.

Гюльджан пробует запахи.

Гюльджан. Мне нравится вот этот. И этот тоже мой.
 Вели своим служанкам, пусть отнесут домой.
Зафира. Они исполнят волю. Все, что здесь есть – твое.
 Но, может быть, немного мы на себя прольем?
 Истратим пару капель. Какая в том беда?
 Мы выйдем из хаммама свежи как никогда.
Гюльджан. Ах, хитрая Зафира! Вначале подарить,
 А после часть подарка самой употребить?
 Ну-ну! Не обижайся! Я над тобой смеюсь.
 Мне снадобья не жалко. Я первая натрусь.
Зафира. Никто не притязает. Ты первая во всем.
 Тут ароматов много. С которого начнем?
Гюльджан. Возьму флакончик наугад. Не стану выбирать.
 А где еще служанка? Кто будет растирать?
Зафира. Позволь, сестра-царица, служанку отпустить.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Позволь сестре Зафире царицу ублажить.
Я ведь не из последних в Каире мастериц,
Хотя не натирала до этого цариц.

Гюльджан. Что же, давай поправим нескладную судьбу,
И я сестре Зафире хоть чем-то помогу.

Зафира. Приляг на теплую скамью! Приляг и сбрось халат!
Вдоль тела руки протяни, как мертвые лежат.
Расслабься и закрой глаза, здесь должен «видеть» нос.
Вдыхай, представь, что ты в раю среди цветущих роз.

Зафира начинает растирать Гюльджан. С плеч по рукам опускается до запястий. Делает знак служанке, а сама, не отпуская рук Гюльджан, наваливается на нее всем телом. Служанка разувается и с силой бьет Гюльджан деревянным башмаком по голове. Гюльджан кричит. Служанка наносит второй удар и отходит в сторону, освобождая место для других служанок.

Зафира. Жестокость – первый аромат. Всего их будет шесть:
Злорадство, зависть, неприязнь, обман, с ним вместе – лесть.
Еще один, сладчайший, я попрошу учесть –
Желанная, святая, свершившаяся месть.

Зафира отпускает руки Гюльджан, которая больше не способна сопротивляться, берет ее за волосы и поворачивает лицом к себе.

Зафира. Хотела откровенности? Отвечу откровенно.
Я ненавидела Гюльджан все годы неизменно.
Я мучилась в ночной тиши, не в силах мирно спать,
Так не терпелось мне тебя терзать и унижать.
Готова я была на все, хоть душу заложить,
Когда бы это помогло восстать и победить.

*Служанки продолжают наносить удары и забивают Гюльджан насмерть.
Зафира и служанки уходят, бросая мертвую Гюльджан на окровавленной скамье.*

Эфиопка (поет). Иной властитель строг и крут.
Он правит, не считая дней.
Но в бурю и дубы падут,
Трава поднимется у пней.

Сцена вторая

Явление первое

Прежняя комната во дворце султана. Советники играют в кости на щелбаны. Появляется Зафира со свитой: визирем, казначеем, начальником стражи и мамлюками.

Абд аль-Алим (негромко ибн Ваджиху). Визирь пришел.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Ибн Ваджих (*также негромко*). Мой аист.

Абд аль-Алим. Не аист, а моя звезда!

Ибн Ваджих. Опять ты, мудрый, как всегда! Какой же ты, однако, спорщик! Звезда ли, аист – суть не в том, а в том, что это – главный заговорщик.

Абд аль-Алим. Нас тоже, кажется, не обошла коварная предательства зараза?

Ибн Ваджих. Нет, мы с тобой совсем не то. Мы лишь слепые исполнители приказа.

Свита подходит к советникам. Визирь демонстративно пожимает каждому из них руки.

Визирь. Я рад приветствовать наставников народа, идейных лидеров страны.

Без их поддержки мы бы не добились мирного исхода, могли втянуть страну в пожар войны. Сейчас же передача власти нам обошлась почти без жертв.

Благодаря советникам султана, наследник жив, а узурпатор – мертв.

Начальник стражи (*мамлюкам*). У-у!

Мамлюки салютуют саблями советникам.

Зафира. Советники! Отныне в царстве мир.

Законом возведен на царство мой Джабир.

Вам честь его с достоинством принять.

Но вы, я вижу, собираетесь играть?!

Ибн Ваджих. То не игра, цветущая карисса¹⁷, и не попытка долгий день убить.

Абд аль-Алим. То способ дремлющие мысли от крепкой дремы пробудить.

Ибн Ваджих. Поверь, с глубокой старины, мои слова научны, Чиновники и щелбаны бывали неразлучны.

Абд аль-Алим. Заснет чиновник в сытый час, усталостью томим, Щелбан, другой – и бодрый дух, и резвость снова с ним.

Зафира (*с улыбкой – свите, указывая на советников*). Воистину они честны и знают все на свете! Велю достать им из казны по золотой монете!

Казначей (*Зафире*). Прелестная! Ты чересчур щедра! Довольно с них и серебра.

Казначей достает из кошелька и бросает советникам по монете. Зафира со свитой уходят осматривать дворец дальше.

Явление второе

Советники одни. Рассматривают брошенные им монеты.

Абд аль-Алим. Вот нам и плата за Гюльджан.

Ибн Ваджих. Увы! Невелика.

Абд аль-Алим. С нее не купишь караван.

Ибн Ваджих. Что караван? Быка!

Абд аль-Алим. Визирь теперь забрал всю власть, он опекун султана.

¹⁷ Карисса – южный кустарник с красивыми нежными цветами, но смертельно ядовитый от корней до листьев.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Ибн Ваджих. Кто первым погреб отомкнет, того и вся сметана.

Абд аль-Алим. А казначею дан базар – налог себе берет.

Ибн Ваджих. И без того немало брал. Все движутся вперед.

Абд аль-Алим. Начальник стражи в рост пошел: большой военный чин.

Ибн Ваджих подходит к распахнутому окну проверить, не подслушивают ли их.

Ибн Ваджих. А мы кто, после всех заслуг, мой мудрый господин?

Какая доля нам с тобой, двум мудрецам, досталась?

Абд аль-Алим. Нас громко похвалил визирь.

Ибн Ваджих (после паузы). Тут птица за окном сидит, и та расохоталась.

Замолкают, осмысливая бытие.

Абд аль-Алим. Зачем живем мы, ибн Ваджих, приветствуя обман?

Ибн Ваджих. Зачем стремимся лишь к тому, чтобы набить карман?

Абд аль-Алим. Зачем мерилом счастья нам наполненный живот?

Ибн Ваджих. Зачем мы гоним и казним тех, кто не так живет?

Абд аль-Алим. Готовы мы не быть людьми, готовы низко пасть,

Когда наградой будет нам безудержная власть.

Ибн Ваджих. Всевластье – худшее из зол, какое бы ни взять.

Но долгим будет путь людей, чтоб это осознать.

Вновь замолкают.

Ибн Ваджих. Все – истины, а истины ясны. Одно не ясно, друг Абд аль-Алим.

Мы для кого об истинах печемся? Зачем все это говорим?

Абд аль-Алим. Зачем? Для своего покоя, ибн Ваджих.

Ты слышал? Мы – наставники народа. Наш долг благие истины внушать.

И мы старательно внушаем.

Но если человечество не наших истин пожелало, а своих...

Что тут поделаешь? Мы руки умываем.

Ибн Ваджих. Кому мы станем истины внушать, когда на истины нет никакого спроса?

Все сами знают, для чего им жить. Как нужно жить? – не задают вопроса.

Абд аль-Алим. Живут в пороках и грехах.

Но воспевают добродетель в своих поэмах и стихах.

О люди! Племя лицемеров! Завистливая стая обезьян!

Где в вас божественная искра? Обман! Кругом один обман!

Ибн Ваджих. Не узнаю тебя, мудрец. Твой слог был к людям ласков, а слова приятны.

Теперь ты как разгневанный отец, ругающий детей за то, что неопрятны.

Абд аль-Алим. Ты прав, Абу Али, ученый сын Ваджиха,

Подобный слог был для меня неслыхан.

Сбывается мой гороскоп.

Во мне проснулся мизантроп.

Предсказано мне было, что в последний год

Тоска безбрежная меня охватит, и ярость злая на меня найдет.

Знать, друг Хашим, близка моя кончина.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Ибн Ваджих. Но в чем тоски и ярости причина?

Мудрейшего гнетет судьба Гюльджан? И в этом повод для печали?

Абд аль-Алим. Гюльджан? Ах, да, Гюльджан! Нет. Просто денег мало дали.

Советники замолкают, погрузившись в раздумья.

Абд аль-Алим. Пойдем, ученый, погрустим в тени у водопада.

Ибн Ваджих. А что монеты? Отдадим? Нам не нужна награда!

Абд аль-Алим. Вернуть дарителю предмет – смертельная обида.

Мы затаим в душе печаль, но не покажем вида.

Как прежде будем власть терпеть прилежно и послушно.

А лютой смертью умереть... Зачем нам это нужно?

Медленно, по-стариковски, уходят в обнимку.

Занавес

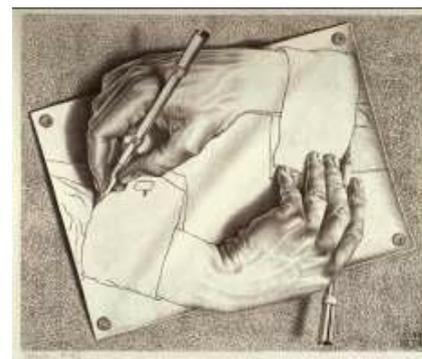

Карл Гуаптман. Альпийские пейзажи

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

ИСТОРИЯ ИЗ ТОПОРА

Это было так давно, что, вглядываясь в бездну исчезнувших лет, можно не только встретиться с ней взглядом, но и расслышать шелест шепота: «Лучше не надо». Мороз по коже, страх, скребущийся внизу живота, но, может, все-таки попробовать?..

В те времена, когда переваливший за середину прошлый век еще верил в свою бесконечность, родителям маленьких детей приходилось трудно. Сейчас невозможно даже представить, но тогда далеко не во всех московских квартирах были телевизоры, а до эры смартфонного рабства оставался почти миллион световых лет. Для усмирения мешающих взрослому быту детей использовался самый доступный по тем временам способ – книжка в руки.

Мелюзга, еще не умеющая читать, разглядывала картинки. Здесь нужно было брать количеством: чем больше книжек-раскладушек в доме, тем дольше ребенок занят. Тех же, кто, на родительское счастье, постиг тайну сложения букв, стреножить было проще: одна интересная книга обменивалась на пару часов взрослой свободы.

У меня в детстве было много сборников сказок: и авторских, и народных – русских и сказок народов мира. Мудрость поколений закладывалась в подсознание и потихоньку формировала отношение к окружающему миру. Большинство историй было понятно, но детское простодушие городского жителя никак не давало мне постигнуть смысл сказки «Каша из топора». Пришлось уточнять у родителей, правильно ли я представляю себе этот инструмент. Объяснение было максимально доходчивым: мать отвела меня на кухню, выдвинула из-под буфета коробку, где хранились всякие нужные в хозяйстве вещи, и достала оттуда топор. Иллюстрации в сборнике сказок не обманывали, но ясности с варкой каши не прибавилось. Зато приятным занятием оказалось погладить изгиб отполированной рукоятки и немного побояться острого лезвия, серебряной каймой украшающего черный ноздреватый металл.

Сегодня кажется странной сама идея хранить топор в городской квартире, а тогда он органично вписывался в домашний набор инструментов практически каждой семьи. В нашей новой пятиэтажке – кооперативе для работников МИД СССР – с легким презрением относились к соседям, приходившим занять на пару часов топор для хозяйственных нужд. Свой надо иметь! У новоиспеченных советских дипломатов еще не стерлась память о нищем быте послевоенного детства.

Топором можно было сделать много чудесных вещей: например, обстругать ствол новогодней елки так, чтобы она прочно встала в крестовину. Отец приносил домой огромную – под потолок – елку и готовил ее к установке. Мне пару раз удавалось подобрать остро пахнущие стружки, вылетевшие из-под топора, но я никогда не видела, как елку устанавливают и наряжают. Родителям нравилось дарить мне новогодний праздник. Во мне до сих пор живет память ошеломляющего, заполняющего каждую клеточку пьянящего восторга: стоишь утром, еще толком не проснувшись, и не можешь глаз отвести от зеленого чуда в елочных игрушках и мишуре.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Хранение топора на кухне, как я выяснила чуть позже, имело практический смысл. Несколько раз в году – на праздники – мать варила холодец. Классический рецепт подразумевал свиные ножки, а у ножек были копытца, которые перед варкой нужно было отрубить. Вот тут-то из-под буфета опять извлекался многофункциональный помощник. Отрубание копытца – дело не из легких, да и зрелище не из приятных. Но божественный вкус холодца в итоге примирял всех с неприглядной изнанкой кулинарных рецептов.

Еще помню, как однажды к нам пришел мастер – утеплять и обивать дерматином входную дверь. После скупого «здрас-с-сьте» он сразу перешел делу: «Хозяйка, неси топор», – ни секунды не сомневаясь в том, что распоряжение будет исполнено. Ловко подсунув лезвие под нижнюю дверную петлю и используя топориче в качестве рычага, усатый умелец с кажущейся легкостью снял дверь с петель. Два часа работы – и я специально приводила подружек со двора, чтобы они могли полюбоваться вишневой, с узором из золотых гвоздиков красотой.

Оказалось, что топор интересен, функционален и даже по-своему красив. История его теряется в толпе ушедших веков, судьба затейлива, служенье усердно, преданность человеку безгранична.

Место в русской литературе топор занимает далеко не последнее. Из незатейливой бытовой сказки о солдатской смекалке – эвфемизм для неприглядной сказочной морали: «Наглость – второе счастье» – топор сбежал в высшую лигу. Федор Михайлович, например, учитывая однокоренную сущность слов «орудие» и «оружие», вложил топор в руки обезумевшего Раскольникова: три удара обухом по голове – и старуха-процентщица престала дышать, один замах – и Лизавета, случайно оказавшаяся рядом, падает с разрубленной «всею верхнюю частью лба почти до темени».

У Льва Николаевича, напротив, топор преобразился в ангела-хранителя, и отец Сергей сумел спасти от соблазна свою бессмертную душу: «...взяв топор в правую руку, положил указательный палец левой руки на чурбан, взмахнул топором и ударил по нем ниже второго сустава. Палец отскочил легче, чем отскакивали дрова такой же толщины, перевернулся и шлепнулся на край чурбана и потом на пол».

Топор оставил зарубки на поверхности бытия – и в жизни человека, и в литературе. Все было и все прошло. Уходящая натура – так можно сказать и о топоре. Хорошо, что остаются тексты, в которых он еще живет. Было бы кому читать.

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2020